

**Общественное объединение
«Центр изучения внешней политики и безопасности»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАТО
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА**

Минск, 13-14 декабря 2012 года

Минск, 14 марта 2013 года

УДК 327.51НАТО(082)
ББК 66.4(0)я43

НЗЗ

Под редакцией: А. А. Розанова, А. В. Русаковича

Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире:
НЗЗ материалы международного семинара. Минск, 13-14 декабря 2012 г.,
14 марта 2013 г. / Под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. —
Минск: ГУО «РИВШ», 2013. – 128 с.

ISBN 978-985-

В издании представлены статьи по различным аспектам европейской и международной безопасности, внешней политике ряда государств на современном этапе.

Материалы сборника адресованы ученым, преподавателям, студентам, читателям, которые интересуются проблемами международной и европейской безопасности.

УДК 327.51НАТО(082)

ББК 66.4(0)я43

ISBN 978-985-

©Оформление ГУО«РИВШ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Материалы международного семинара «Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире» (Минск, 13-14 декабря 2012 г.)

Мишель Ренери, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в Республике Беларусь. Приветственное слово.	5
Луняк Петр, Департамент общественной дипломатии НАТО. Приветственное слово.	6
Палагин Сергей, Общественное объединение «Центр изучения внешней политики и безопасности». Приветственное слово	7
Выступление Петра Луняка, Департамент общественной дипломатии НАТО.	8
Розанов А. А. «Умная оборона» НАТО.	23
Володькин А. А. Взаимодействие государств Балтии с НАТО после их вступления в Альянс.	32
Воронович В. В. Приграничное и межрегиональное сотрудничество — компонент политики Беларуси по участию в укреплении международной безопасности.	39
Гайдукевич Л. М. Место и роль Содружества Независимых Государств в современном геополитическом моделировании мира.	46
Довгань Е. Ф. Контроль Совета Безопасности ООН за деятельностью региональных организаций.	52
Кизима С. А. Вызовы глобализации для НАТО.	60
Русакович А. В. Беларусь в системе региональной безопасности. ...	63
Тихомиров А. В. Отношения Россия – НАТО в 1991–2012 гг.	71
Челядинский А. А. Новый вид угрозы международной безопасности. ..	93

**Часть II. Материалы международного семинара «Внешняя
политика США в период администрации Б. Обамы»
(Минск, 14 марта 2013 г.)**

Розанов А. А. Контуры внешней политики новой администрации Б. Обамы..	96
Тихомиров А. В. Место США в современных международных отношениях и состояние белорусско-американских отношений.....	108
Русакович А. В. Внешняя политика США в 2009-2012 гг.....	117
Бутевич О. А. Позиция администрации Б. Обамы по вопросам проведения военных операций за рубежом.....	120
Буяшова Т. С. Политика США в сфере обеспечения ядерной безопасности.....	125

**Часть I. Материалы международного семинара
«Международная безопасность и НАТО в меняющемся
мире» (Минск, 13-14 декабря 2012 г.)**

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Мишель Ренери, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции
в Республике Беларусь**

Я очень рад участвовать в этом семинаре, который совпадает с окончанием выполнения функций представительства НАТО в Республике Беларусь Посольством Франции в Беларуси. С 1 января 2013 года эту функцию будут выполнять наши эстонские коллеги.

Франция последние два года являлась контактным посольством НАТО в Республике Беларусь. Большинство стран ЕС в это время переживали достаточно сложный период налаживания отношений с Беларусью и главной целью Посольства было поддержать контакт. Для этого мы способствовали организации различных мероприятий по вопросам НАТО. Мы смогли организовать визит представителя Министерства обороны Беларуси во Францию, а также помогли штаб-квартире НАТО организовать ряд поездок и встреч для opinion-makers из Беларуси: представителей СМИ, университетов — всех тех, кто способствует формированию мнения о НАТО. Моя главная задача была — содействовать структурам НАТО принимать не только независимых представителей Беларуси, но и представителей правительства. Главной целью этого периода было предоставление достоверной информации как с одной стороны, так и с другой. Это нормально, естественно, когда каждая страна желает обеспечить свою безопасность. Очевидно, что для этого нужно искать союзников, которые могли бы помочь в ее обеспечении. Я говорю как представитель Франции, поскольку отношения НАТО и Франции всегда были сложными, но Франция всегда полагала, что НАТО — нормальная, естественная, необходимая организация. Как и Организация Варшавского договора, которая была важным шагом в развитии отношений. Сегодня мы полагаем, что нормально, естественно, что существует такая организация, как ОДКБ, которая содействует установлению безопасности в странах Восточной Европы. Все эти

организации не должны рассматриваться как соперничающие, более того, они могут помогать друг другу.

Наша роль, как мне видится, состоит в том, чтобы обеспечить взаимопонимание, стремиться к наиболее эффективному пониманию друг друга. Поэтому сегодняшний семинар наиболее удачно вписывается в цели НАТО. Благодарю организаторов семинара и всех выступающих.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Луняк Петр, Департамент общественной дипломатии НАТО

Для начала позвольте поблагодарить за организацию этой встречи. Уже третий год подряд мы имеем возможность совершенно свободно обсуждать вопросы, связанные с НАТО. Прежде всего, я бы хотел поблагодарить общественное объединение «Центр изучения внешней политики и безопасности» за проделанную колоссальную работу по подготовке этой встречи, а также за то, что он пригласил всех этих людей, с которыми мы не всегда согласны, но, знаете, имеет смысл обмениваться мнениями. Спасибо вам. Спасибо факультету международных отношений Белорусского государственного университета за предоставление этого замечательного места для встречи в новом корпусе, который открылся всего несколько месяцев назад. Спасибо Вам, господин Посол, за Ваши усилия. Благодаря Вам в течение последних двух лет оказались возможными эти встречи.

Сам я не буду единственным, кто говорит по теме сегодняшней встречи. У вас есть целый день, чтобы обсуждать, спорить и, надеюсь, хотя бы иногда соглашаться. Позвольте только сказать, что я надеюсь, что наша дискуссия сегодня будет настолько свободной, насколько это возможно. Мы в НАТО готовы принимать критику. На самом деле мы к этому привыкли. Нас критикуют многие и даже в государствах-членах организации. Но у нас есть и аргументы, которые мы должны высказать и, надеюсь, убедить хотя бы некоторых из вас, что то, что мы в НАТО делаем, это нечто крайне важное для европейской безопасности, для европейских стран и даже для стран вне ЕС (это один из моментов, которые нужно сразу отметить). Я бы хотел также поблагодарить французское посольство за его работу по организации публичных дебатов, касающихся деятельности НАТО, отношений Беларусь-НАТО и вопросов международной безопасности в целом. Не

секрет, что с января следующего года Эстонское посольство примет эту эстафету, и мы с нетерпением ждем возможности поработать с нашими эстонскими коллегами и продолжить эту деятельность. Я желаю вам всем хорошего дня, плодотворной дискуссии и обмена мнениями. Спасибо.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Палагин Сергей, Общественное объединение «Центр
изучения внешней политики и безопасности»**

Уважаемые дамы и господа!

Общественное объединение «Центр изучения внешней политики и безопасности» уже в третий раз выступает организатором международного семинара по проблематике международной безопасности и НАТО. Хочу высказать слова признательности профессору В. Шадурскому, декану факультета международных отношений БГУ, с коллективом которого мы давно и плодотворно сотрудничаем. Я рад приветствовать здесь официального представителя Североатлантического альянса господина Петра Луняка, а также руководителя Контактного посольства НАТО в Беларуси, Чрезвычайного и Полномочного Посла Франции в Беларуси господина Мишеля Ренери.

Позвольте мне выразить слова признательности белорусским экспертам и ученым, активным участникам семинара, глубоко аргументированная точка зрения которых по актуальным вопросам международной безопасности является залогом успешной работы семинара.

Сегодняшние вызовы безопасности носят глобальный характер, и отсутствие безопасности вдали от наших границ может снизить безопасность у нас дома. В эпоху глобальных угроз важно понимание позиции друг друга, взаимодействия, что актуально еще и по причине расширения НАТО на Восток и активной деятельности ОДКБ международной организации, членом которой является Республика Беларусь.

Вопросы, обсуждаемые на семинаре, актуальны и злободневны, геополитическая обстановка быстро меняется, соответственно меняется реагирование на угрозы и вызовы ведущих игроков внешнеполитического поля. Именно поэтому наша организация

предлагает проводить мероприятие не один раз в два года, а ежегодно, и теперь мы будем встречаться для обсуждения интересных вопросов каждый год, по уже установившейся традиции в декабре. Спасибо, ждем интересного обсуждения.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Выступление Петра Луняка, Департамент общественной дипломатии НАТО

В первую очередь я должен сказать, что то, чем стала НАТО сейчас, не предвидели в начале 1990-х. Если вы помните (а я это помню), в 1990-е шла дискуссия относительно будущего НАТО и международной безопасности. Было много людей, которые считали, что у НАТО нет будущего. ОВД была на грани распада, и она действительно самораспустилась в 1991 году в столице моей Родины Чехословакии, которой тоже уже не существует. Было много людей, считавших, что больше не нужны такие политические альянсы, как НАТО. Холодная война закончилась. Вы помните, как Фрэнсис Фукуяма сказал, что будущее принадлежит торговле и бизнесу, либеральной демократии. Я учился в 1990-х годах в США, где даже были в то время разговоры о том, что нужно бы закрыть факультеты и школы международных отношений и перепрофилировать их в экономические школы, так как считалось, что эксперты по международной безопасности не пригодятся в ближайшем будущем. Это было в 1990-е. Я также помню, как покойный Президент Вацлав Гавел, ушедший от нас год назад, — великий человек в истории моей страны и европейской истории — выступал с первой своей речью в американском Конгрессе в феврале 1990 г. Я помню это потому, что тогда служил в армии и он тогда сказал: «Холодная война закончилась, и натовские парни могут возвращаться домой. Мы придумаем новую систему международной безопасности». В 1993 г. тот же самый Президент Гавел уже как Президент Чехии вместе с президентами Венгрии и Польши заявили, что хотят как можно быстрее вступить в НАТО. Что случилось за эти три года (1990-1993 гг.)? В первую очередь, стало ясно, что мир не стал спокойнее. Была попытка переворота в Советском Союзе в 1991 г. и, что важнее, гражданская война и крупные вооруженные конфликты в бывшей Югославии. А этого уже никто не мог предвидеть. Если заглянуть в любую книгу по Восточной Европе, опубликованную на Западе в 1970-1980-е гг., то там написано, что Югославия была ближе всего к модели либеральной демократии, что, безусловно, верно. Но мы

недооценили силу национализма и этнической вражды, и в результате в Югославии мир увидел самый кровавый конфликт в Европе после окончания Второй мировой войны. Честно говоря, то, как международное сообщество сначала отреагировало на этот конфликт, не очень воодушевляло. Американцы совместно с НАТО заявили, что «это — не наше дело. Вы должны сами разобраться в Боснии». Европейцы согласились, но выяснилось, что у них не было достаточной военной силы. Когда, в конце концов, в 1995 г НАТО вмешалась в конфликт, было уже более ста тысяч погибших. Ужасная трагедия, кровавый конфликт. Я говорю об этом сейчас, потому что в вашей стране, как и в нашей, люди иногда критикуют то, что делала НАТО в Косово. Но нельзя отделять то, что делала НАТО в Косово в 1999 г. (к сожалению, без разрешения Совета Безопасности, потому что таковое нельзя было получить из-за позиции России), от того, что произошло в Боснии. Вопрос был в том, что стоит ли ждать мандата Совбеза ООН для того, чтобы через пару лет столкнуться с тем, что было в Боснии. Вот почему НАТО сделала то, что сделала в Косово. Опять подчеркну, что это было неожиданно. Не было ясного плана, как трансформировать НАТО. Организация была просто втянута в эти события. Но я думаю, что в тех обстоятельствах НАТО выполнила свою работу очень хорошо. Если посмотреть на опыт, полученный на Балканах в 1990-е, я думаю, можно извлечь положительный урок. В Боснии, как бы лучше выразиться, сомнения и замешательство продолжались несколько лет, что привело к гибели более ста тысяч человек. В Косово кризис продолжался несколько месяцев, и погибло около десяти тысяч. Я думаю, что есть связь между ранним вмешательством в конфликт и последствиями.

Следующим совершенно неожиданным событием было, конечно, расширение НАТО. Это не было инициативой НАТО. Несмотря на то, что говорят в определенных кругах, НАТО не ходит по миру в поисках новых членов. Это не является политикой НАТО. Это была инициатива новых стран, которые постучались в двери НАТО и сказали, что хотят вступить. Без преувеличения, первой реакцией НАТО было смятение. Президент Клинтон был поистине обескуражен вначале. Когда Гавел убеждал его, что расширение НАТО будет хорошим делом, единственным человеком из

администрации США, кто поддержал эту идею, стала М. Олбрайт. Понадобилось несколько лет для того, чтобы начать расширение.

В то же время, что очень важно, расширение заключалось не просто в том, чтобы пригласить кого-то стать членом альянса. Расширение не происходило изолированно. Группа стран не выбиралась и не привлекалась к участию в НАТО без учета того, что станет с другими странами, которые не хотели или не могли стать членами организации. Параллельно расширению НАТО предпринимались колоссальные усилия по привлечению стран вне альянса стать, если хотите, частью «семьи НАТО». Это осуществлялось путем запуска партнерских программ: в 1993 г. начала свое действие программа «Партнерство ради мира»; был образован Совет Североатлантического сотрудничества, который потом стал называться Советом Евроатлантического партнерства; создана новая модель отношений с Россией; подписан Договор об образовании Совета «Россия – НАТО»; установлены особые партнерские отношения с Украиной и т.д. Опять же, расширение НАТО заключалось не просто в том, чтобы привлечь в организацию новых членов, но и в том, чтобы обеспечить участие в инициативах НАТО тех стран, которые не могут или не стремятся вступить в альянс вне зависимости от причин.

Также следует отметить, что в первое десятилетие после холодной войны стоял вопрос о военном потенциале. Вопрос заключался в том, чтобы НАТО обладала таким потенциалом, который бы позволил ей вмешиваться в конфликт, подобный Балканскому. Этот вопрос еще не решен окончательно, я еще вернусь к нему в контексте Чикагского саммита. Но решение его началось в конце 1990-х.

Что касается НАТО в новом столетии, то я думаю, что новое столетие для большинства из нас началось не 1 января, а 11 сентября 2001 г. То, что НАТО сделала в ответ на террористические акты 11 сентября, имеет огромное влияние на судьбу самого альянса и международной безопасности. Прежде всего, НАТО впервые действовала на основании 1 - ой статьи Устава — статьи о коллективной безопасности. В 1949 г. подразумевалось, что статья о коллективной безопасности описывает худший сценарий развития событий. На Пражском саммите НАТО также было решено, что для военных операций

НАТО нет географических границ. Это значит, что если у НАТО есть законные основания и региональная поддержка, то НАТО будет действовать вне зависимости от географического положения. Но это не означает, что НАТО будет международным полицейским. У нас нет таких амбиций и соответствующего потенциала. Смысл в том, чтобы НАТО могла действовать в случае кризиса вне Европы. Поэтому НАТО взяла под контроль операцию в Афганистане. Таким было влияние новых вызовов на НАТО.

Каково будущее? На Лиссабонском саммите два года назад мы приняли новую стратегическую концепцию. Это документ, который задает направление развития, допустим, на десять лет. Хотя обычно события корректируют его года через два-три. Но, судя по всему, кажется, в этот раз так не будет. Можно выделить три основных столпа концепции:

1. Коллективная безопасность. Основная цель НАТО все же защита стран-членов, их территории и населения от любого агрессора. Это ни в коем случае не возвращение к «холодной войне», к прошлому. Суть в том, что страны вне НАТО — это партнеры. У нас есть партнеры по всему миру. Мы связаны партнерскими отношениями с такими отдаленными и разными странами, как Австралия и Южная Корея, которые принимают участие в наших операциях. Именно вместе с партнерами мы должны дать отпор вызовам, когда они появляются.

2. Антикризисное управление. Этим мы занимались уже с 1990-х гг. сначала на Балканах, потом в Афганистане и вот недавно в Ливии. НАТО продолжит свою деятельность по разрешению кризисов. Безусловно, необходимо соблюдение норм международного права, желателен мандат Совбеза. НАТО все же предпочитает действовать в рамках международного права. Также необходима региональная поддержка. В Ливии это было особенно важно. Не будем забывать, что НАТО попросили вмешаться не только ООН, но также и ЛАГ. Интервенция в Ливию была предпринята не по своей прихоти. Внутри НАТО велись дебаты по поводу Ливии. Но имелся мандат Совбеза ООН с поддержкой России, была поддержка со стороны ЛАГ. Поэтому все-таки было принято решение вмешаться.

3. Сотрудничество в сфере безопасности. Это связано с предыдущими двумя пунктами. Суть в том, чтобы страны, не

являющиеся членами НАТО, участвовали в деятельности по поддержанию международной безопасности. НАТО должна оказывать влияние на такие сферы, как ограничение не только стратегических ядерных вооружений, но и обычных вооружений.

Таким намечается будущее НАТО. Если бы меня спросили, каков наиболее вероятный сценарий развития НАТО в будущем, я бы ответил, что НАТО будет продолжать свою деятельность как ключевой элемент партнерства по обеспечению международной безопасности. НАТО — единственная организация, где за одним столом сидят основные акторы обеспечения международной безопасности. Аналогов НАТО нет. У нас есть сотрудничество с Россией, с ОБСЕ, со странами по всему миру. У нас есть все виды партнерства. НАТО — это единственное место, где обеспечивается подобный диалог по обеспечению международной безопасности (при всем уважении к другим организациям).

Безопасность на основе сотрудничества

Когда я думал о том, как мне выступать перед вами с докладом на тему двусторонних отношений НАТО с различными странами, которые мы называем постсоветским пространством (хотя я не люблю этот термин), было ясно, что на некоторых моментах нужно заострить внимание в самом начале. Когда НАТО столкнулась с данным регионом, были некоторые страны, готовые присоединиться в НАТО, а также страны, проводившие другую политику. В целом, НАТО не знала, что делать. В 1993 г. Президент Клинтон выступил со знаковой речью, в которой сказал, что вопрос не в том, будет ли НАТО расширяться, а в том, кто и когда в нее вступит. Понадобилось шесть лет, чтобы данный вопрос прояснился. Некоторые страны, среди них была моя родная Чехия, хотели присоединиться к альянсу. Это присоединение шло в три этапа: в 1999 г., 2004 г. И завершилось в 2009 г. присоединением Албании и Хорватии. Однако идея заключалась в том, чтобы привлечь к деятельности НАТО в той или иной форме и те страны, которые присоединяться не хотели. Так родилась идея партнерства. В 1994 г. (можно даже сказать, что в 1993 г.) была запущена программа «Партнерство ради мира». Она задумывалась как программа реформы вооруженных сил стран вне альянса, но потом появились политические органы, такие как Совет

Североатлантического сотрудничества, который потом стал называться Советом Евроатлантического партнерства, для того, чтобы обеспечить вовлеченность стран вне альянса в деятельность НАТО. Затем в 1997 г. мы оформили партнерские отношения с Россией путем подписания учредительного акта об основании Совета по сотрудничеству. В том же году особые отношения были оформлены с Украиной и т. д., т. е., еще раз подчеркну, логика заключалась в том, чтобы обеспечить вовлеченность стран, не являющихся странами-членами НАТО, в деятельность альянса. Теперь я хотел бы сказать несколько слов о том, как далеко мы продвинулись в партнерстве с различными странами. Я, конечно, не буду говорить обо всех странах ввиду ограниченности времени, но заострю внимание на тех, которые справедливо считают себя основными акторами обеспечения безопасности на постсоветском пространстве. В первую очередь, это Россия.

Как далеко мы продвинулись в партнерстве с Россией? Если посмотреть на развитие наших отношений, можно заметить некоторую неоднородность: после периода надежд и инициатив наступает период кризиса. В 1997 г., как я уже сказал, мы подписали Учредительный акт об основании Совета по сотрудничеству. Россия и НАТО стали встречаться и обсуждать насущные вопросы на регулярной основе. Мне кажется, на том этапе обе стороны считали, что все делается правильно и наши отношения могут перерасти в полноценное и плодотворное партнерство. По многим причинам этого не произошло. На самом деле, последней каплей стал кризис в Косово, когда у НАТО и у России были разные взгляды на то, каким образом кризис должен быть разрешен. На третий день воздушной кампании Россия покинула Совет, и в течение года наблюдался политический кризис между Россией и НАТО, когда не было встреч ни на каком уровне, даже на уровне министров. Воодушевляет тот факт, что всегда после периода вражды стороны предпринимали шаги, чтобы вернуться к нормальному состоянию отношений. Так было и тогда. Это совпало (но не было простым совпадением) с избранием Президентом Российской Федерации В. Путина, который стремился поддерживать хорошие отношения с НАТО, особенно в свой первый срок. Когда летом 2001 г. его спросили, как далеко он хочет зайти в отношениях с НАТО, он сказал, что пойдет настолько далеко, насколько НАТО готова пойти

в отношениях с Россией. Ясно, что такие заявления возбудили надежды на полноценное партнерство с Россией, которые оказались преждевременными. Россия действовала весьма конструктивно после террористических актов 11 сентября 2001 г., предоставила очень ценную разведывательную информацию многонациональной коалиции, поддержала позицию США в Совете Безопасности. Началась дискуссия, как закрепить отношения партнерства, чтобы в дальнейшем не выступать оппонентами. Дипломаты создали в 2002 г. специальный орган — Совет «Россия — НАТО», заменивший прежний Совет, и была подписана Римская декларация, в которой мы очертили сферы сотрудничества. В течение последующих трех-четырёх лет (или, вернее, двух-трех) казалось, что новые отношения с Россией будут иметь продолжительный положительный характер. К сожалению, этого не произошло. На практическом уровне, я считаю, мы достигли значительных результатов: у нас есть несколько совместных инициатив. В частности, мы вместе тренируем афганских, среднеазиатских и пакистанских специалистов по борьбе с наркотрафиком. У нас есть несколько весьма важных документов, таких как Концепция по совместным миротворческим операциям, которая, однако, никогда не была задействована. Мы плодотворно работаем в сфере поиска и спасения на море. Это важные практические достижения. Но по более широким вопросам наши взгляды отличаются, в том числе по вопросу о европейской безопасности, который тесно связан с проблемой расширения НАТО на восток. Особую остроту этой проблеме придает потенциальная возможность вступления в НАТО для Украины и Грузии. Среди российской политической элиты высказывается мнение, что «оранжевая революция» на Украине и «революция роз» в Грузии были инспирированы Западом, в частности, НАТО, чтобы эти страны присоединились к альянсу. Но если посмотреть на факты, то станет понятно, что такое мнение безосновательно, потому что, в частности, Украина заявила о своем желании вступить в НАТО еще до революции. В мае 2002 г. Президент Кучма заявил, что хочет видеть Украину в НАТО. Аналогично, именно Президент Э. Шеварднадзе, а не М. Саакашвили, впервые заговорил о желании Грузии вступить в НАТО. Т.е. решения уже были приняты до революций, но после революций эти страны начали предпринимать

конкретные шаги, осуществлять реформы, необходимые для того, чтобы соответствовать критериям вступления в альянс. Ясно, что по вопросу Украины и Грузии у НАТО и России были различные взгляды, и это неизбежно повлияло на наши взаимоотношения. Не секрет, что к 2006 г. уже наметился кризис. Если вы помните, В. Путин в 2007 г. выступил в Мюнхене с речью, в которой резко осудил Запад в целом и США в частности за расширение НАТО.

В значительной степени кризис обострился летом 2008 г. В связи с событиями вокруг Грузии. Я не буду вдаваться в подробности, кто начал, что начал и чем все это закончилось, но я бы хотел заострить внимание на некоторых моментах. Многие аналитики в России проводят параллели между кризисами в Косово и в Грузии. В 1999 г. НАТО начала военную кампанию, а Россия покинула Совет «Россия – НАТО». В 2008 г. Россия начала военную кампанию, а НАТО приняла ответные меры. Работа в Совете «Россия – НАТО» была приостановлена на несколько месяцев, и в альянсе заявили, что не могут сотрудничать с Россией как обычно. На мой взгляд, на этом сходство между двумя кризисами и заканчивается. Как я уже говорил, после Косово все формы сотрудничества были приостановлены на год. В случае конфликта с Грузией ряд инициатив продолжал осуществляться. Например, на саммите в Бухаресте весной 2008 г. (прямо накануне кризиса) Россия заявила о возможности предоставления своей территории для транзита в Афганистан, и Кремль никогда не подвергал сомнению это предложение. И даже после конфликта в Грузии практическое осуществление подобного транзита имело место. Все это говорит о том, что, нравится это или нет, у России и НАТО есть общие жизненно важные интересы в сфере безопасности, несмотря на разногласия, которые у нас еще имеются, и на вопросы, по которым мы никогда не сможем договориться.

Где мы находимся сейчас? С приходом к власти администрации Б. Обамы наступила перезагрузка в отношениях России и НАТО, результатом которой стал исторический саммит в Лиссабоне в 2010 г. Это был третий за всю историю совместный саммит России и НАТО. Были запущены новые важные инициативы, а соглашения по транзиту, о которых я уже упоминал, были пересмотрены и расширены. Транзит стал возможным в обе стороны, т.е. не только из Европы в Афганистан,

но и обратно в Европу. Это было необходимо, потому что НАТО постепенно уменьшает свое присутствие в Афганистане. Также были расширены уже упомянутые соглашения по подготовке афганских, среднеазиатских и пакистанских специалистов по борьбе с наркотрафиком. В этих сферах, особенно по поводу Афганистана, мы достигли многого. Но оставался один вопрос, по которому наши мнения были кардинально противоположными. Это вопрос о ПРО в Европе. НАТО высказала предложение создать систему ПРО, которая бы к 2020 г. обезопасила страны-члены альянса на случай ограниченной ядерной войны. Но НАТО всегда подчеркивала, что стремится создать ПРО не в изоляции, а при сотрудничестве с Россией. К сожалению, Россия ответила в стиле «да, но нет». Да — продолжению дискуссии, нет — сотрудничеству в той форме, которая была предложена НАТО. НАТО предлагала, чтобы отдельные системы (НАТО и России) были связаны обменом информацией между этими системами и специальным объединенным центром. Россия же заявила, что согласна только на единую систему ПРО, где она будет на равных со странами-членами альянса. На первый взгляд, предложение России звучит приемлемо, если передать его так, как я сейчас сделал. Однако есть ряд моментов, которые делают его слишком сложным, чтобы НАТО смогла его принять. В первую очередь, предложение сопровождалось требованием предоставить юридически обязательные гарантии, что ПРО не будет представлять угрозу России. Альянс не может дать юридически обязательных гарантий безопасности стране, не являющейся его членом. НАТО обязалась обеспечить безопасность странам-членам альянса, но не обязана обеспечивать безопасность странам вне альянса. Такое партнерство невозможно. К тому же, юридически обязательные гарантии означают вполне определенное будущее для системы ПРО. Принять это предложение невозможно, так как ПРО задумывалась как гибкая система, будущее которой не может быть известно, которая будет развиваться по мере изменения самой угрозы. Никто не может знать, какая угроза будет в будущем. То, что мы можем дать, — это политические заверения на бумаге. Российские коллеги ответили, что этого не достаточно. Единственное, что приемлемо, — юридически обязательные гарантии. Я считаю, что у России уже есть позитивный

опыт получения политических заверений от НАТО. НАТО всегда их выполняла. Особенно актуально это было в связи с первым этапом расширения. Когда первые страны были приглашены в НАТО в 1997 г., НАТО заявила России, что понимает ее опасения и для того, чтобы их развеять, обещает не размещать на территории новых стран ядерных боеголовок и значительный контингент многонациональных сил. Прошло 15 лет, и НАТО свое слово держит. На территории новых стран-членов альянса нет нового ядерного оружия, нет новых крупных военных баз. Как вы знаете, около года назад Россия приняла контрмеры касательно ПРО, в частности, заявила о возможности размещения ракет «Искандер» в Калининградской области. К счастью, этого не произошло, но кое-что было все-таки сделано, а именно установлены радары в Калининградской, Ленинградской и Иркутской областях. Я верю, что все еще есть возможность найти решение по ПРО. У России, как и у НАТО, есть все основания опасаться ракетной угрозы. Сейчас в мире 30 стран, пытающихся освоить ракетные технологии, и угроза ракетной ядерной атаки абсолютно реальна.

Кроме вопроса о ПРО, который не движется вперед так хорошо, как хотелось бы, мы ищем с нашими российскими коллегами новые возможности для сотрудничества в различных сферах. Сферу транзита я уже неоднократно упоминал. Ведутся дискуссии по поводу использования для этой цели базы в Ульяновске. Там нет натовского персонала, тем не менее, это, конечно, чувствительное место в политических дебатах в самой России.

Однако есть у нас и значительные расхождения, в частности, по вопросу осуществления операции в Ливии, где НАТО обеспечивало бесполетную зону и эмбарго в рамках мандата ООН, и Генеральный Секретарь ООН подтвердил, что операция была осуществлена НАТО согласно букве и духу мандата.

В целом, несмотря на сложности, между Россией и НАТО — растущее взаимопонимание. Как говорят англичане, либо мы будем висеть вместе, либо нас повесят по отдельности.

Теперь несколько слов о Беларуси. Не секрет, что наши отношения сложные. Подписано соглашение по транзиту, оно было бы полезным, но не действует, потому что для транзита используется другой путь.

Есть вопрос принципа, касающийся интересов НАТО. Это, конечно, будет звучать, как банальность, но НАТО не может сотрудничать с теми странами, не только с Беларусью, где не уважаются ценности, важные для стран НАТО. Не секрет, что два года назад после президентских выборов наше сотрудничество было приостановлено, и НАТО всегда так реагирует на подобные события. Это не только в случае с Беларусью. Возьмем, к примеру, Украину. Украина — важный партнер. Она участвует во всех инициативах НАТО. Украина обязалась провести реформы для установления демократии и верховенства права. Эти обязательства не были навязаны извне. Это очень важный аспект взаимоотношений, и сейчас как сами страны альянса, так и Генеральный Секретарь НАТО глубоко разочарованы ситуацией с демократией на Украине, негативным примером которой является выборочное применение законов и проведение парламентских выборов.

Ответы на вопросы

Вопрос: Насколько оправдано отношение НАТО к Украине? По моему, Украина выполнила все условия, которые предлагал Североатлантический альянс. Но в итоге Украину не взяли в НАТО. Какими глазами сейчас НАТО смотрит в глаза Украине?

Ответ: Всегда положительно НАТО смотрит на Украину. Украина важный партнер, она вносит вклад почти во все операции НАТО, кроме, пока, антипиратской в Индийском океане (но это может измениться через несколько месяцев). Что касается членства в НАТО, НАТО всегда гибко реагировала на все изменения в украинской политике. В 1997 году была подписана Хартия об особом партнерстве между Украиной и Организацией Североатлантического Договора. В 2002 году, когда Украина при Президенте Кучме заявила, что хочет быть членом НАТО, НАТО с Украиной запустили специальный План действий. После изменений в 2004-2005 году мы начали интенсивный диалог. Когда Украина в 2010 году решила, что она не стремится быть членом — это ее решение как любой другой страны. НАТО не настаивала, чтобы Украина заявила о своем желании вступить в НАТО в 2002 году. Конечно, когда Украина в 2010 году объявила внеблоковую политику — это решение Украины. Ваш вопрос был — она выполнила все критерии, но не вступила. Критерии есть

политические, экономические и военные. Многие из этих критериев были выполнены, но не все (конечно, выполнение даже всех критериев не означает автоматического вступления в НАТО — на это нужно согласие всех членов организации), поддержка общественным мнением, насколько мне известно, не вышла за рамки 30% населения. Понимаете, это страна вступает в НАТО, не правительство. Правительство может поменяться, но народ останется. Украина провела большую работу, но решила, что на данном этапе не стремится быть членом НАТО. Мы уважаем и учитываем решение Украины не быть членом НАТО. Мы надеемся, что связи, программы практического сотрудничества, которые мы с Украиной осуществляем уже 15 лет, будут продолжаться, а реформы, обязательство проведения которых Украина взяла на себя в рамках Плана действий, политические реформы, будут продолжаться. Не секрет, что страны-члены НАТО озабочены последними политическими событиями в Украине, в том числе, как были проведены парламентские выборы и т.д.

Вопрос: В чем заключается сотрудничество Беларуси с НАТО в Афганистане, и военнослужащие каких стран-членов ОДКБ непосредственно участвуют в операциях НАТО в Афганистане?

Ответ: Сразу ответу на второй вопрос. Много стран-членов ОДКБ поддерживают операцию НАТО в Афганистане. Но у меня сейчас нет с собой всех документов. Что касается транзитных договоров, в практическом плане перевозки идут по другой линии, но договор с Беларусью о транзите есть. Он не работает сегодня? Дело не в том, что белорусские власти не стремились бы сотрудничать в этой области, просто в практическом плане нет такой необходимости.

Вопрос: Для НАТО мандат международного сообщества сегодня обязателен или желателен?

Ответ: Я не юрист, но в рамках международного права мандат не должен быть всегда только со стороны Совбеза ООН. Есть ситуации, в которых любая страна-член НАТО может принимать меры в рамках самозащиты, в ситуациях, когда речь идет о массовых нарушениях прав человека. Это в рамках международного права, но, конечно, желательно, лучше было бы в рамках традиционного мандата Совбеза ООН.

Вопрос: У вас задача объяснять, пропагандировать, исходя из логики вашего доклада НАТО — организация, которая является белой и пушистой. Никаких проблем. Как сказал Фукуяма в «Конце истории», отныне мир будет развиваться по американскому лекалу, отсюда вся логика в поведении НАТО на международной арене в рамках безопасности! Вы упомянули начало XXI века — он начался не с 11 сентября, а все-таки с распада СССР, ОВД — вот это веха, которая повлияла на поведение НАТО. Феномен Косово. В Косово НАТО, по большому счету, открыла ящик Пандоры, защищая косовский феномен. Сегодня лишь 10-15% моноэтнические цивилизации — остальные — полиэтнические. Косово создало феномен для всей Европы — для Бельгии, Испании, Великобритании. Я не вижу здесь заслуги НАТО! Надо сначала думать, а потом делать! Поскольку НАТО расширяет западные границы, создается впечатление, что НАТО — это мировой полицейский. Ну и последний пассаж — это Ливия. Я понимаю НАТО, но что после Каддафи? И для соседей. Что в Афганистане после ухода, что в Ираке?

Ответ: Спасибо большое за вопросы. Что касается «конца истории», мы думаем, что Фукуяма ошибся. Фукуяма — независимый интеллектualan, который выразил мнение, которое тогда было очень популярно в США и в Европе. Но он, конечно, ошибся: хотя старые угрозы исчезли, есть новые угрозы. Все думают, что самая большая проблема — это коммунизм. Нет, в начале 1990-х гг. это был национализм. Мы согласны с Вами в этом плане.

Что касается Косово. Ваш аргумент был следующий: надо думать и потом делать. Я говорю о Боснии, где мы все думали два года. Даже в моей стране велись дискуссии и высказывалось мнение: что там происходит на Балканах, там всегда убивали друг друга — это нормально. Были те, которые говорили, надо принимать дипломатические меры, будем говорить с господином Милошевичем и объясним ему, что то, что там творится — это плохо. Это не оказало никакого влияния. К какому результату мы пришли? 100 000 мертвых. Поэтому НАТО приняла меры летом 1995 года в Боснии и в 1999 году в Косово. Я не собираюсь Вас убеждать, что в Косово все в совершенстве. Даже в рамках НАТО четыре страны не признали Косово — нет консенсуса по поводу независимости Косово. Но вы не

найдете даже среди них ни одну страну, которая бы ставила под сомнение мудрость решения прибегнуть к военной силе. Не все в совершенстве — но представьте себе, что могло бы быть, если бы не было этой акции НАТО! Речь идет о том, как положить конец конфликту такого типа. Ливия — это то же самое. В ситуации, когда режим Каддафи задействовал массовые воздушные силы против своего населения, цивилизованный мир должен был принимать меры. Несмотря на то, что там был кризис с беженцами, устремившимися в Европу, это не означает, что в будущем НАТО (сейчас у нас нет никакого влияния на то, что происходит в Ливии, но мы надеемся, что Ливия станет страной-партнером, хотя не всегда поддерживаем все, что происходит в этих странах после, но это их вопросы, по крайней мере, это их свободное решение). Представьте, как бы выглядела ситуация сейчас, если бы НАТО не принимала меры. Никто не был в восторге от этого, я Вас убеждаю, у нас в НАТО была очень важная дискуссия по этой теме. Единственное, что могло быть сделано в конце концов — принимать меры.

Вопрос: Существует мнение, что НАТО — инструмент политики крупных государств-членов. Это началось с 1990-2000-х годов. Афганистан — сфера интересов США. Ливия — Франции. Мелкие государства, такие как Польша, не имеют сильного влияния (вынуждена была подчиниться и разместить американские ПРО на своей территории).. Возможна ли институциональная реформа, позволяющая мелким государствам пользоваться правом вето?

Ответ: Все решения в НАТО принимаются на основе консенсуса. Я не буду вас убеждать, что у США, которые являются самым мощным членом альянса, нет большого влияния на политику НАТО. Это нормально для любой организации. Относительно ПРО у администрации Буша-младшего была трехсторонняя договоренность с Польшей и Чешской Республикой. И это было решение Польши, а не НАТО, принимать на своей территории часть этой системы. А вот, например, Чешской республикой был подписан договор с США о возможности размещения американского радара, но чешский парламент не ратифицировал этот договор. У нас даже был правительственный кризис по этой причине. У всех стран есть механизмы, чтобы заблокировать, если хотите, хотя это очень сильное

слово, решения, которые идут вразрез с национальными интересами этой страны.

Вопрос: Не кажется ли Вам, что именно НАТО является военной организацией, которая отстаивает только военные интересы западных стран в «столкновении цивилизаций» по Хантингтону. Отсюда, кстати, невступление Украины в НАТО (православные) и так далее.

Ответ: Я не совсем согласен с этой теорией. Во всяком случае, если посмотрим на НАТО, у нас страны православные есть (Болгария), и мусульманские (Турция, Албания). Мы защищаем то, что, мы надеемся, является ценностями человечества. Почему НАТО в Афганистане? Потому что на территории Афганистана были подготовлены террористы, которые совершили теракты в США в 2001 году. Это акт самообороны со стороны США и НАТО. Проблема в Афганистане после 1992-1993 гг., что он никого не интересовал, все внимание сосредоточилось на Европе после «холодной войны», происходило расширение НАТО, разворачивался конфликт в Югославии. Афганистан стал раем для террористов Усамы бен Ладена с середины 1990-х гг., хотя он не был приглашен талибами. Мы в Афганистане не из-за того, что решили, что там режим, который нам не нравится, не разделяет наши ценности. Нет. Это была страна, на территории которой активно готовилось нападение на одну из стран-членов.

Вопрос: Отношения НАТО и Беларуси находятся в подвешенном состоянии. В этих отношениях ничего не происходит. Тем не менее, сотрудничество идет: Беларусь является участником программы «Партнерство ради мира» и на каждый год имеется программа этого партнерства. Почему нет никакой информации о содержании этой программы?

Ответ: Честно говоря, этот вопрос не ко мне. Задавать его надо белорусским властям, поскольку информировать о программе между страной и НАТО — это, главным образом, обязательство любого государства. Мы здесь проводим этот семинар, который, я думаю, очень полезный. Но чтобы граждане узнали обо всех аспектах нашего сотрудничества, хотя оно по сравнению с другими странами региона не до такой степени развито, это, скорее, зависит от белорусских

властей. Но я знаю, здесь есть белорусские эксперты, которые знают ситуацию в НАТО прекрасно. Например, здесь я слышал выступление профессора А. Розанова об «умной обороне» — я не мог бы сказать лучше! Со стороны НАТО мы делаем то, что возможно в рамках существующих программ, но не в наших силах и не наша задача обо всех этих аспектах информировать.

«УМНАЯ ОБОРОНА» НАТО

А. А. Розанов, Белорусский государственный университет, профессор

Со дня основания НАТО идут дискуссии о месте и роли этой организации в системе международной безопасности, о дальнейшей судьбе трансатлантического проекта и перспективах реформирования НАТО. Нельзя не отметить, что кризисные явления сопровождали Альянс на протяжении всей его истории (достаточно вспомнить 1966 г., когда Франция вышла из военной структуры НАТО и штаб-квартиру пришлось перенести из Парижа в Брюссель). После окончания «холодной войны» адаптация Североатлантического союза к новым условиям неразделенной Европы протекала отнюдь не безболезненно и результаты ее не стоит преувеличивать.

Стратегическая концепция НАТО, утвержденная на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 г., была призвана ответить на новые вызовы времени: в документе нашли отражение современные способы борьбы с возникающими угрозами, пути обеспечения энергетической и кибернетической безопасности, средства противодействия международному терроризму и распространению ядерного оружия. Изменение функций НАТО, акцентирование политического компонента безопасности, новые нюансы в функционировании союза вполне заметны. В частности, в новой Стратегической концепции сформулированы подходы к укреплению международной безопасности посредством сотрудничества и отмечено, что важнейшая составляющая такого подхода — партнерство между НАТО и странами, не являющимися членами Альянса, а также другими международными организациями и структурами.

Между тем, ключевая проблема на сегодняшний день заключается в поиске долгосрочных стратегических ориентиров Атлантического альянса с учетом несовпадающих позиций стран-членов по ряду принципиальных вопросов. Если США, Великобритания, Нидерланды активно выступают за расширение горизонтов НАТО, выход за пределы трансатлантических рамок, то некоторые союзники, особенно из числа сравнительно молодых членов (в первую очередь страны Балтии и Польша), без восторга воспринимают такого рода соображения: в силу исторических причин для них прежде всего важна традиционная

функция Альянса в сфере коллективной обороны и использование механизмов НАТО в сдерживании так называемого российского неоимпериализма.

Важно иметь в виду, что геостратегические интересы США после 11 сентября 2001 г. и особенно в последние годы существенным образом изменились, постепенно сместившись в сторону Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Это будет иметь серьезные последствия для НАТО, трансатлантических отношений в целом. С каждым последующим годом вопросы обеспечения национальной безопасности США требовали усиления военного присутствия в Азии, в то время как европейским странам уделялось сравнительно меньше внимания (можно даже говорить о своеобразной «деевропеизации» внешней и военной политики США).

5 января 2012 г. Соединенные Штаты представили план новой военной стратегии «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты обороны XXI века» [11], в соответствии с которым Европа видится по существу как «тыл» американской глобальной стратегии. Основным посылом документа стала официально закрепленная переориентация на АТР и в особенности на Восточную Азию, при этом основной игрок региона (Китай) уже давно расценивается Вашингтоном как главный потенциальный соперник.

Наиболее важный аспект новой оборонной стратегии в ракурсе НАТО связан с масштабом и глубиной сокращения американского военного присутствия в Европе. К 2015 г. США планируют вывести из Европы две из четырех дислоцированных здесь бригадных боевых групп (Brigade Combat Teams). Речь идет о двух армейских бригадах, размещенных в Германии, где сокращение может затронуть до 15 тыс. человек. Белый дом намерен сохранить крупные базы в Рамштайне (Германия) и Авиано (Италия), где будет размещаться бригада воздушно-десантных войск. Вместо выводимых из Европы армейских бригад на континент будут направляться подразделения морской пехоты и сил специальных операций (U.S. Special Operations Forces – SOF) на основе ротации.

Соответственно изменилось и место НАТО во внешней и военной политике США. С момента переориентации военной машины США на борьбу с терроризмом и новые вызовы XXI века значение НАТО как

военного инструмента в глазах Вашингтона относительно уменьшилось вплоть до того, что Альянс все более рассматривается в Белом доме в первую очередь как структура, полезная для демонстрации прежде всего политической солидарности, а не военной мощи. В контексте антитеррористической борьбы большую ценность и стратегическую значимость приобретают механизмы гибких международных коалиций, а не такие громоздкие инерционные структуры, как НАТО.

В целом складывается впечатление, что несмотря на размах активности Альянса по разным направлениям, масштабные проекты и начинания, эта организация все еще находится в поисках своего места в современном глобализирующемся мире. Причем, как несколько лет назад справедливо заметил ведущий аналитик Бюро разведки и исследований Госдепартамента США Дж. Шмидт, «подлинная проблема заключается в том, что Соединенные Штаты толком не знают, чего они хотят от НАТО» [9].

Показательно, что в ходе операции в Ливии США играли в общем-то малопрофилированную роль, ограничившись функцией «лидерства с задней скамьи» или «лидерства из-за кулис» («leadership from behind»), эта характеристика была запущена в оборот одним из представителей администрации Обамы.

В последнее время, особенно после саммита НАТО в Чикаго в мае 2012 г. немало говорится об «умной обороне» (Smart Defence) Атлантического альянса. Эта идея активно продвигается генеральным секретарем НАТО Андерсом Фог Расмуссенем с 2011 г., он впервые развернул ее на мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2011 г., а в начале 2012 г. на аналогичной конференции ее существенно конкретизировал. Некоторым аналитикам на Западе, правда, не нравится само название «умная оборона», поскольку оно как бы подразумевает, что ранее оборона НАТО не была умной.

Однако примеры умной обороны, как считает, скажем, официальный представитель НАТО Оана Лунджеску, были, конечно, и ранее. В качестве одного из них упоминается проект стратегических воздушных перевозок, запущенный в 2008 г. В нем участвовало 12 стран (10 членов НАТО плюс 2 страны-партнеры – Финляндия и Швеция), они совместно приобрели 3 тяжелых транспортных самолета Boeing C-17 Globalmaster III и коллективно распоряжаются

ими (сами самолеты, кстати, базируются в Венгрии). Сделать это поодиночке им было бы не под силу[7, p.13].

На чикагском саммите в контексте реализации концепции «умной обороны» был представлен и утвержден перечень программ и проектов, предполагающий объединение усилий стран НАТО в определенных областях сотрудничества, таких как стратегические авиационные переброски, совместное патрулирование прибрежной зоны самолетами патрульной авиации, развитие и совершенствование средств наблюдения и разведки и др. (всего таких проектов более 20, они, по словам г-на Расмуссена, будут направлены на восполнение «критического дефицита» [10] военных возможностей Альянса).

Однако проблема с этими программами и проектами, как уже не раз бывало в истории НАТО, заключается в том, что их практическое осуществление может быть далеко не столь впечатляющим, как это выглядит на бумаге. Хорошо известна нерасторопность европейских союзников США в том, что касается приобретения перспективных видов оружия, особенно их финансирования, о чем весьма красноречиво сказал бывший министр обороны США Роберт Гейтс в своем выступлении в Брюсселе в июне 2011 г. незадолго до того, как он покинул этот пост.

В 2011 г. только 3 страны НАТО (США, Великобритания и Греция) направили на военные цели более 2% ВВП (уровень оборонных ассигнований, неформально рекомендуемый руководством НАТО) [5].

Концепция «умной обороны» призвана содействовать реализации в НАТО другой масштабной инициативы, получившей название «К силам НАТО 2020» (Towards NATO Forces 2020). Эта инициатива, получившая одобрение глав государств и правительств стран НАТО в Чикаго, заключается в создании современных объединенных вооруженных сил, способных к адекватному и оперативному реагированию на возникающие вызовы и угрозы безопасности в любом регионе мира с максимально эффективным задействованием военного потенциала стран НАТО.

Существенным элементом «Сил НАТО 2020» станет «Инициатива связанных сил» (Connected Forces Initiative), предполагающая развитие взаимодействия между вооруженными силами стран НАТО в трех направлениях: наращивание количества

совместных учений, в том числе с Силами реагирования НАТО, совместная подготовка военнослужащих и обслуживающего персонала, а также совместное использование технологий и вооружений [3].

Натовский интерес к «умной обороне» в решающей степени обусловлен тем, что большинство стран-членов НАТО серьезно урезают свои военные расходы, не очень-то расположены инвестировать в дорогостоящие программы обороны, которые соответствовали бы новым реалиям. Альянсу действительно со всей очевидностью требуется реформа, чтобы минимизировать сокращение военного потенциала отдельных стран-членов и по возможности сохранить обороноспособность на достаточном уровне.

У европейских стран НАТО в совокупности в регулярных вооруженных силах имеется около 2 млн. военнослужащих, но только 3-5% из них могут быть размещены на стратегическом удалении от Европы для участия в операциях по стабилизации и в миротворческих миссиях [6].

Текущие и планируемые сокращения оборонных ресурсов Великобритании, Франции, Италии, Испании, Нидерландов, Германии и других стран-членов НАТО приведут к значительному сокращению их вооруженных сил (ВС) [2]. Так, Великобритания предполагает к 2015 г. урезать свои военные расходы на 8%, это будет означать сокращение численности личного состава на 42 тыс. человек.

В середине 2008 г. правительство Франции провозгласило новую доктрину национальной безопасности, в соответствии с которой к 2015 г. ее ВС будут сокращены на 54 тыс. гражданских и военных специалистов. В 2013 г. Париж планирует снизить свой военный бюджет на 3%.

В 2010 г. Италия сократила военный бюджет на 10%. В 2013 г. будут проведены дополнительные мероприятия по уменьшению военных расходов.

За последние четыре года оборонный бюджет Испании был сокращен на 25% (1,5 млн. евро). Сейчас он составляет примерно 6,3 млн. Основная часть изъятых средств пришлась на прекращение закупок некоторых видов вооружений. В 2011 и 2012 гг. численность ВС была сокращена на 7%. Для сокращения расходов военное ведомство

королевства подготовило план по реорганизации вооруженных сил «Vision-2025», который планируется реализовать в течение 13 лет.

Нидерланды к концу 2015 г. намерены уменьшить свой военный бюджет на 13%. В результате этого ВС страны потеряют 12,3 тыс. человек личного состава.

Германия к 2013 г. планирует сократить свои военные расходы на 10 млрд. долл. В результате снижения ассигнований по линии министерства обороны численность ВС Германии будет составлять примерно 180 тыс. человек. 20 лет назад только в сухопутных войсках ФРГ служило в два раза больше военнослужащих [2].

Вследствие уменьшения военных ассигнований структура ВС этих стран претерпит существенные изменения. Французская, немецкая и итальянская армии сохраняют в своем составе только несколько укрупненных бригад, которые будут находиться в состоянии ограниченной боевой готовности. В Нидерландах каждый из трех видов ВС будет сокращен до размеров одной бригады.

Все страны-члены альянса в принципе понимают, что сгладить негативные последствия финансового кризиса на оборонную сферу можно лишь посредством адекватного реформирования. Большинство из них одобряют идею «умной обороны», потому что она направлена на воплощение лозунга генсека НАТО «добиваться большего меньшими средствами». Есть, конечно, страны, которые сомневаются в необходимости реорганизации. Они опасаются, что реформа направлена лишь на то, чтобы «вынудить европейцев закупать все американское» — именно так сказал один из натовских дипломатов [1]. Это не вполне обоснованный упрек, поскольку на протяжении многих лет европейцы тратили лишь относительно небольшую часть своего военного бюджета на исследования и разработки, далеко отставая по этому показателю от США. В этом смысле им некого винить, кроме самих себя, в том, что у них нет такого военно-технологического потенциала, который есть у Соединенных Штатов. Это касается прежде всего средств разведки и целеуказания, стратегической мобильности, высокоточного оружия.

Заметим, что доля США в совокупных военных расходах стран НАТО сегодня приблизилась к 75% (в годы холодной войны она

составляла около 50%), а на европейских союзников США ныне приходится только 21% [7, pp.11, 8].

Надо сказать, что в США имеются влиятельные критики идеи «умной обороны», в частности в Конгрессе. Некоторые конгрессмены (Джон Маккейн и др.) выразили озабоченность в связи с тем, что отдельные члены альянса могут попытаться использовать реформу лишь как предлог для еще большего сокращения своих военных расходов.

В рамках концепции «умной обороны» особый акцент делается на специализацию, инвестирование в те области, где те или иные страны-члены НАТО традиционно сильны. Скажем, Чехия накопила большой опыт в области химической, биологической и радиационной защиты. Этот потенциал она может использовать не только для своих нужд, но и для решения задач в интересах Альянса в целом, что, собственно, она и делает.

Ключевой вопрос состоит в том, как избежать ситуации, в которой страны будут выбирать специализацию в зависимости от того, что дешевле. Ведь, понятно, что некоторые члены НАТО будут настроены «по умолчанию» урезать дорогостоящие программы и выбирать менее затратные.

В НАТО говорят, что Альянс будет стремиться к тому, чтобы страны сами определились, кто за что будет отвечать. При этом важно, чтобы нагрузка распределялась сбалансированно и справедливо. На это потребуется время. Ведь специализация по сути — довольно чувствительная вещь, так как речь в известной мере идет о суверенитете, о том, что у тех или иных стран не будет полноценного военного потенциала, поскольку они сосредоточатся лишь на отдельных направлениях развития оборонной сферы, где уже преуспели. Вместе с тем специализация, очевидно, все же может стать перспективным инструментом управления, координации военных усилий стран-членов, чтобы избежать дублирования и нерационального использования имеющихся ресурсов.

В коридорах НАТО утверждается, что разрабатываемая Альянсом система противоракетной обороны (ЕвроПРО), о завершении первой фазы развертывания которой было объявлено на чикагском саммите НАТО, — это, дескать, наглядный пример «умной обороны». Однако с этим мнением можно и поспорить, поскольку на деле речь идет прежде всего о системе ЕвроПРО Соединенных Штатов, которая будет

обслуживать весь альянс. Возможности других союзников США в сфере ПРО крайне незначительны, у большинства их нет вообще.

Согласно подсчетам американских специалистов, за десятилетие странам НАТО надо будет вложить 47 млрд. долларов в систему ПРО, доля Вашингтона в этих затратах составит около 85 % [8]. Цифры говорят сами за себя.

Европейские страны НАТО, конечно, могут предоставить кое-какие дополнительные элементы, но главным образом - лишь территорию для перехватчиков или радаров. Нидерланды, правда, объявили о намерении модернизировать четыре своих корабля с радарными морского базирования, чтобы сделать их частью общей системы ПРО. Германия готова предоставить Альянсу имеющиеся у нее американские системы ПВО Patriot (последней модификации РАС-3) [4]. Турция, Испания, Румыния и Польша согласились принять на своей территории компоненты системы ПРО США. НАТО же будет в целом обеспечивать контроль и управление этой системой через командный пункт в Рамштайне (ФРГ). Понятно, что вместе элементы системы могут гораздо больше, чем по отдельности, так что какое-то подобие «умной обороны» здесь, видимо, присутствует.

Как представляется, весьма реалистичный, взвешенный и довольно критический взгляд на концепцию «умной обороны» представлен в публикации Оборонного колледжа НАТО в Риме, которая появилась незадолго до саммита НАТО в Чикаго – в марте 2012 г. [7]. В этой работе, озаглавленной «Умная оборона: критическая оценка», показано, что попытки, в основном малоуспешные, реализовать проекты, которые сейчас рекламируются в рамках «умной обороны», предпринимались Альянсом и раньше, по сути в этой концепции нет «ничего оригинального», а сама она пока остается «расплывчатой» [7, pp.8,5]. Авторы анализируют возможные трудности и препятствия на пути осуществления далеко идущей специализации стран-членов НАТО в тех или иных областях обороны.

Литература

1. Главная помеха «умной обороне» — чиновники // Коммерсантъ-Online. 15.05.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1934193>. — Дата доступа: 16.05.2012.

2. Иванов, В. Альянс может ослабеть. Ученые США оценили последствия снижения военных расходов НАТО /В.Иванов //Независимое военное обозрение. 16.11.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2012-11-16/15_alliance.html. — Дата доступа: 16.11.2012.

3. Итоги саммита: «Умная оборона», «Силы НАТО-2020» и «Соединенные силы». 23.05.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nato.ucoz.ru/news/itogi_sammita_umnaja_oborona_i_sily_nato_2020_i_soe_dinennye_sily/2012-05-23-1117. — Дата доступа: 8.12.2012.

4. Системы Patriot модификации PAC-3 имеются у США, ФРГ и Нидерландов.

5. Belkin, P. NATO's Chicago Summit /P. Belkin //CRS Report for Congress. May 14, 2012. — Washington (DC): Congressional Research Service, 2012. — P.5.

6. Benitez, J. 2012 and NATO's unresolved capabilities gap /J. Benitez //The Atlantic Council of the United States (January 3, 2012) [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.acus.org/natosource/2012-and-natos-unresolved-capabilities-gap>. - Date of access: 12.12.2012.

7. Henius, J., Macdonald, J. Smart Defense: A Critical Appraisal / J. Henius, J. Macdonald. — Rome, NATO Defense College, 2012. — 47 p.

8. Manke, C. NATO's Failure to Launch /C. Manke //The National Interest. 16.05.2012 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/natos-failure-launch-6886>. - Date of access: 8.12.2012.

9. Schmidt, J.R. Last Alliance standing? NATO After 9/11 / J. Schmidt // The Washington Quarterly. — 2006–2007. — Vol. 30, No. 1 (Winter). P. 105.

10. Smart Defence & Interoperability //North Atlantic Treaty Organisation [Electronic resource]. — Mode of access: <http://natolibguides.info/smartdefence>. - Date of access: 8.12.2012.

11. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense (3 January 2012). — The White House, Washington, D.C., 2012. — 16 p.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ С НАТО ПОСЛЕ ИХ ВСТУПЛЕНИЯ В АЛЬЯНС

*А. А. Володькин, Национальная академия наук Беларуси,
ведущий научный сотрудник*

Принятие балтийских государств в Североатлантический Альянс весной 2004 г. стало важным политическим событием, которое символизировало, с одной стороны, твердую, прошедшую проверку временем, приверженность этих государств прозападному курсу, а, с другой — готовность ключевых стран Запада, несмотря на связанные с этим сложности, признать их частью западного сообщества. Однако в плане практического взаимодействия с НАТО приобретение Литвой, Латвией и Эстонией статуса полноправных членов не повлекло быстрых и радикальных изменений. Как и в предшествовавшее вступлению десятилетие, основными направлениями их сотрудничества с Альянсом оставались: адаптация национальных систем обороны к требованиям и стандартам НАТО; специализация и поиск собственной ниши в рамках складывающейся в Альянсе системы «разделения труда» с целью продемонстрировать остальным членам этой организации, что, несмотря на свои скромные ресурсы, государства Балтии могут быть не только «потребителями» общей безопасности, но и вносить свой вклад в ее укрепление; и, наконец, то ради чего они, прежде, всего и стремились в Альянс — привлечение его ресурсов для укрепления собственного оборонного потенциала. Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений.

Накануне вступления и в первые годы после него в государствах Балтии происходит пересмотр основ национального законодательства в сфере обороны и безопасности в сторону большей детализации форм и задач их взаимодействия с Альянсом. Так в 2003 г., на заключительной стадии подготовки к вступлению, Латвия приняла концепцию национальной обороны, направленную в первую очередь на формирование профессиональных вооруженных сил и их сотрудничество с военными структурами стран Альянса. А в 2007 г. была принята новая концепция национальной обороны Латвии, которая предусматривала приведение численности и боевого состава

национальной армии к требованиям НАТО, оснащение войск современным вооружением и военной техникой, а также подготовку объектов инфраструктуры страны к использованию в интересах блока. В рамках этой программы были проведены мероприятия, по снижению затрат на содержание вооруженных сил и оптимизации их системы управления. В результате численность военнослужащих сократилась на 8%, а в войска поступили новые средства связи и виды вооружений, соответствующие стандартам НАТО. Литва в 2005 г. внесла дополнения в два ключевых документа в сфере безопасности и обороны страны – Закон об основах национальной безопасности 1996 г. и Стратегию национальной безопасности 2002 г. В последней национальная безопасность Литвы напрямую увязывается с эффективностью НАТО в обеспечении международной безопасности и стабильности.

Одним из основных требований Альянса к вступающим в него государствам является обязательство ежегодно выделять на оборонные нужды сумму, составляющую не менее 2 % от национального ВВП. Пока Эстония является единственной из балтийских стран, кто вплотную подошел к выполнению этого требования в 2010 г. Правда в следующем 2011 г. и она не смогла удерживать эту планку и сократила оборонные расходы до 1,86 % ВВП [3]. Что касается остальных государств Балтии, оборонные расходы Литвы оцениваются приблизительно в 1 % от ВВП, а Латвии — в 1,14 %. В последней из них сложилась особенно сложная ситуация с выполнением натовских критериев обеспечения национальной обороноспособности. В связи с последствиями мирового финансового кризиса в 2008 – 2010 гг. оборонный бюджет Латвии был сокращен почти вдвое. В опубликованном в октябре 2012 г. докладе шведского оборонного агентства FOI под названием «Безопасность и обороноспособность государств Балтии» (The Security and Defensibility of the Baltic States) международные военные эксперты оценили нынешние возможности Латвии противостоять внешним угрозам, как гораздо более слабые в сравнении с Эстонией и Литвой. А в ходе разгоревшегося в прессе после его опубликования скандала эстонские военные обвинили латвийское руководство в нецелевом расходовании оборонного бюджета и приписках с целью произвести более благоприятное

впечатление на НАТО. Впрочем, справедливости ради, нужно отметить, что и среди старых членов Альянса не все выполняют требование об оборонном бюджете в 2 % от ВВП.

В силу ограниченности внутренних ресурсов и стремления к максимальной интеграции в военную систему НАТО основной целью реформирования вооруженных сил во всех трех странах становится формирование небольших по численности, но хорошо оснащенных профессиональных армий, отличающихся высокой мобильностью и способных участвовать в военных операциях Альянса за пределами своей национальной территории. С этой целью в 2007 г. Латвия, а в 2008 г. И Литва полностью перешли от призывного способа комплектования личного состава вооруженных сил к контрактному. В Эстонии, хотя и сохраняется в силе закон о всеобщей воинской повинности, подавляющее большинство действующего состава вооруженных сил (приблизительно 3500 из 5500) составляют профессиональные военнослужащие-контрактники.

Стремясь сформировать международный имидж активных и надежных союзников НАТО, страны Балтии еще задолго до своего принятия в Альянс начали участвовать в его миротворческих операциях. Например, уже в 1997 г. В миротворческой миссии НАТО в Боснии и Герцеговине принимала участие эстонская разведывательная рота, а также военный персонал из Латвии и Литвы. Все три государства принимали участие в миротворческих операциях в Косово и Ираке. В 2002 г. Эстония и Литва, а в 2003 г. И Латвия направили свои военные контингенты для участия в действующих под руководством НАТО Международных силах содействия безопасности в Афганистане (ISAF). По состоянию на 10 мая 2012 г. в составе ISAF было задействовано 237 военнослужащих Литвы, 175 — Латвии и 153 — Эстонии. Однако на протяжении последнего года Латвия сократила свой контингент до 27 человек. Численный состав литовского и эстонского контингентов существенно не изменился и по состоянию на 3 декабря составил 240 и 150 человек соответственно. Кроме того, военные подразделения Эстонии и Латвии (с 2006 г.) входят в состав созданных в 2003 г. «Сил реагирования НАТО» (NATO Response Force – NRF).

Помимо активного совместного участия в военных операциях НАТО на территории третьих стран, государства Балтии осваивают и более индивидуальные сферы специализации внутри Альянса. Так, если Латвия, по мнению генерального секретаря НАТО Андерса Фога Расмуссена, особенно преуспела в обеспечении коммуникаций для сил Альянса в Афганистане, то Эстония — в объединении усилий его стран для противодействия кибертерроризму, а Литва — в актуализации вопросов энергетической безопасности. В этой связи следует вспомнить о концепции центров передового опыта НАТО (Centers of Excellence) утвержденной в конце 2003 г. Этим новым структурам отводилась роль основных генераторов экспертных знаний в той или иной сфере деятельности Альянса. При этом центры передового опыта НАТО не должны дублировать друг друга, координируя свою деятельность под управлением главного командования по трансформации НАТО в Норфолке (штат Вирджиния, США). Первые подобные структуры были аккредитованы в 2005 – 2006 гг. в Германии и Турции. После массированных кибератак на информационные системы Эстонии в 2007 г., руководство страны занялось активной разработкой национальных программ киберзащиты. Успехи в данной сфере привели к открытию в мае 2008 г. В Эстонии Центра изучения передового опыта НАТО в области кибербезопасности. Что касается Литвы, ее богатый опыт в реорганизации энергетики с целью снижения зависимости от поставок российских энергоресурсов способствовал одобрению на саммите НАТО в Чикаго идеи открытия в этой стране Центра передового опыта НАТО по энергетической безопасности (Energy Security Centre of Excellence (ENSEC COE)). Выступая на заседании Совета НАТО в Чикаго, президент Литвы Даля Грибаускайте охарактеризовала направления деятельности новой организации следующим образом: «он будет давать оценки, рекомендации и предложения по поводу эффективных энергетических решений в военной сфере, будет участвовать в разработке образовательных и учебных программ, проводить научные, технические и академические исследования». Аккредитация этого центра на базе центра энергетической безопасности Литвы в г. Вильнюс завершилась 12 октября 2012 г.

Что касается привлечения ресурсов НАТО для укрепления обороноспособности стран Балтии, это направление сотрудничества было, пожалуй, наиболее проблемным. Еще в период дебатов конца 1990-х – начала 2000-х гг. о возможности принятия Литвы, Латвии и Эстонии, Альянс столкнулся со сложной дилеммой. С одной стороны, страны Балтии не скрывали, что стремятся в НАТО, прежде всего, ради защиты от предполагаемой угрозы со стороны России. С другой стороны, сама Россия, с которой Альянс стремился выстроить отношения стратегического партнерства, категорично заявляла, что будет рассматривать принятие соседних государств в военный блок под руководством США, как недружественный шаг. В такой ситуации страны НАТО стремились убедить Москву, что принятие государств Балтии, прежде всего, является актом политической поддержки их последовательного стремления к интеграции в западное сообщество, и не в коем случае не направленно против безопасности самой России. Чтобы подтвердить эти намерения на практике и лишней раз не раздражать российское руководство, Альянс воздерживался от размещения на территории своих новых балтийских членов крупных военных объектов и даже от разработки стратегических планов обороны их территории в случае возникновения военной угрозы, за что неоднократно получал жалобы и упреки со стороны Литвы, Латвии и Эстонии в том, что НАТО игнорирует их оборонные интересы и вообще считает их второсортными членами. Впрочем, существует и иное мнение о причинах подобной политики Альянса. Так, генерал шведской армии К. Неретнекс аргументирует, что в силу уязвимого стратегического положения стран Балтии, при возникновении реальной угрозы со стороны России НАТО просто не успеет развернуть на их территории военные силы достаточные для эффективной обороны.

Так или иначе, но на протяжении нескольких лет после принятия стран Балтии действия НАТО по укреплению их обороноспособности в основном ограничивались патрулированием и мониторингом их воздушного пространства, проведением совместных учений и поставками вооружений и военной техники для переоснащения национальных вооруженных сил в соответствии с

натовскими стандартами (в том числе и на безвозмездной основе — в рамках американской программы «Foreign Military Financing»). Разработка же стратегических планов обороны их территории в случае военной угрозы была начата Альянсом в ответ на регулярные просьбы Литвы, Латвии и Эстонии лишь в 2008 г. после российско-грузинского военного конфликта. Однако и в последующие полтора года внутри НАТО не было единства по поводу целесообразности принятия этих планов. Позиция США и восточноевропейских членов НАТО в этом вопросе расходилась с позицией Германии, Франции и Италии. Лишь к началу 2010 г. американцам удалось переубедить руководство Германии и, как свидетельствуют секретные дипломатические документы США, обнародованные порталом WikiLeaks, именно она формально стала инициатором принятия Альянсом 22 января 2010 г. регионального оборонного плана «Eagle Guardian» («Орел-защитник»), который охватывал территорию Польши и трех государств Балтии. Но, как видно из тех же обнародованных источников, этот план, принятый «во избежание ненужных обострений с Россией» в обстановке секретности, в обход стандартной процедуры принятия решений в НАТО, больше напоминал политический проект, чем реальный военный план — в частности, его согласование шло по линии Госдепартамента и дипломатических представительств США без участия Пентагона и ЦРУ. Британская газета «The Guardian» также приводит интересную информацию, что переубедить Германию американцы смогли лишь после компромисса со странами Балтии, по которому в обмен на предоставление им новых гарантий безопасности в виде стратегических планов защиты, они должны улучшить отношения с Россией и присоединиться к проводимой американским президентом Б.Обамой политике «перезагрузки» в отношении Москвы.

Таким образом, приняв страны Балтии в свои ряды, Североатлантический Альянс вовсе не спешил принимать их видение угроз безопасности в Европе и предпринимать решительные шаги по увеличению своего военного присутствия в регионе, которые могли бы вызвать обострение отношений с Россией. Естественно это вызвало определенное разочарование в военных и политических кругах балтийских государств. С другой стороны, успешное решение

такой важной задачи своей внешней политики, как достижение полноправного членства в Альянсе, безусловно, способствовало их более уверенному позиционированию на международной арене и активизации отношений с восточными соседями, в том числе, с Беларусью.

Литература

1. Взаимодействие Латвии и НАТО // Информационно-аналитический портал «НАТО.РФ» [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://www.nato.bz/ru/latvia.html>. — Дата доступа: 16.12.2012.
2. Basis for Lithuanian Membership in NATO // Ministry of National Defence Republic of Lithuania [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: http://www.kam.lt/en/international_cooperation_1089/nato_1282/basis_for_lithuanian_membership_in_nato.html. — Date of access: 16.12.2012.
3. Вооружённые силы Эстонии // Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённые_силы_Эстонии. — Дата доступа: 16.12.2012.
4. The Security and Defensibility of the Baltic States [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: <http://www.aff.a.se/balticum.pdf>. — 116 с. — Date of access: 16.12.2012.
5. International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: <http://www.nato.int/isaf/docu/epub/pdf/placemat.pdf>. — 4 p. — Date of access: 16.12.2012.
6. NATO's Baltic Allies punching above their weight: speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen in Tallinn, Estonia on 19 January 2012 // North Atlantic Treaty Organization [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_83482.htm. — Date of access: 16.12.2012.
7. Исследование: НАТО не успеет помочь Балтии в случае агрессии РФ // Портал «Ru.delfi» [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/news/politics/issledovanie-nato-ne-uspeet-pomoch-baltii-v-sluchae-agressii-rf.d?id=47084521>. — Дата доступа: 29.06.2011.

8. WikiLeaks cables reveal secret Nato plans to defend Baltics from Russia // The guardian [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/dec/06/wikileaks-cables-nato-russia-baltics>. — Date of access: 16.12.2012.

**ПРИГРАНИЧНОЕ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО — КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ
БЕЛАРУСИ ПО УЧАСТИЮ В УКРЕПЛЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*В.В. Воронович, Военная академия Республики Беларусь,
доцент*

Согласно п.9 утвержденной в ноябре 2010 года новой Концепции национальной безопасности белорусского государства одним из ключевых национальных интересов страны в политической сфере названо «совершенствование и укрепление механизмов обеспечения национальной и коллективной безопасности с участием Республики Беларусь на глобальном, региональном и двустороннем уровнях, придание международной безопасности всеобъемлющего и комплексного характера» [2], что наглядно демонстрирует понимание отечественной военно-политической элитой повышения значения, наряду с собственно силовой, и экономической составляющей обеспечения стабильности, устойчивого развития.

Одновременно эксперты вполне обоснованно полагают, что в долгосрочной перспективе «процветание национальной экономики будет зависеть от взаимодействия с мировой экономикой, с одной стороны, и региональной кооперации — с другой» [1, с.87-88], указывая на стремительное превращение направления межрегионального и приграничного сотрудничества в неотъемлемый компонент сбалансированной политики едва ли не любого государства в сфере обеспечения безопасности.

При этом довольно хорошо известно, что отношения Беларуси с государствами, входящими в НАТО, и самим альянсом складываются непросто, будучи отягощены взаимными упреками, подозрительностью, определенной неготовностью преодолеть привычные штампы в мышлении, дабы заново узнавать, понимать и помогать друг другу. Возможно, интенсификации взаимодействия и наполнению наших контактов в сфере укрепления безопасности более внушительным практическим содержанием ощутимо способствовало бы укрепление, в первую очередь, экономических основ подобного сотрудничества (особенно на локальном уровне, где отдачу от

совместных проектов почувствует простой человек, в мировоззренческих установках которого парадигма соперничества и противостояния постепенно сменится ориентацией на подлинное партнерство). И бюрократический аппарат упомянутого блока в тандеме с евробюрократией, политические, военные, экономические элиты стран-участниц и собственно белорусского государства, научное сообщество способны внести огромный вклад в сущностное совершенствование и скорейшую трансформацию подобного сотрудничества, поскольку военно-политический сегмент обеспечения стабильности и безопасности не может в современных условиях существовать автономно, изолированно от экономического.

Среди факторов, способствующих участию Республики Беларусь в мультифункциональном и разнонаправленном региональном сотрудничестве по укреплению безопасности (особенно в социально-экономическом и военно-политическом измерениях) назовем:

- специфический транзитный статус, сопряженный с наличием сложившихся транспортных путей и постоянно совершенствующейся профильной и смежной инфраструктуры, важной для топливно-энергетического, торгового, военного, других основополагающих сегментов многостороннего взаимодействия;

- следование стратегии опережающего и, что принципиально важно, комплексного социально-экономического развития в рамках уникальной белорусской модели;

- диверсифицированная и в целом доказавшая свою работоспособность и полезность для постсоветского (шире — евразийского) пространства военная организация государства, которая до сих пор продолжает совершенствоваться с учетом имеющихся на современном этапе и вероятных угроз, вызовов и рисков безопасности;

- схожесть решаемых руководством государства (компетентных структур) и нашими европейскими партнерами проблем в части борьбы с негативными демографическими тенденциями, распространением наркотиков, незаконной миграцией и торговлей оружием, терроризмом и экстремизмом и др., которые прямо и косвенно формируют общую для нас повестку дня в области безопасности.

Это лишь дополнительно подтверждает справедливость высказывания, согласно которому, в частности, региональная безопасность «предполагает если не интеграцию государств, входящих в регион, то, во всяком случае, развитое сотрудничество, основанное на определенной общности интересов в главных сферах их жизнедеятельности» [3, с.15].

Что касается, например, экономического компонента и форматов участия белорусского государства в укреплении региональной и шире — международной безопасности, то здесь нельзя не отметить следующее: в условиях нарастания остроты и масштабов мирового экономического кризиса, в существенной степени отражающегося и на Республике Беларусь, активизация межрегионального и приграничного сотрудничества для страны просто жизненно необходима и неоднократно доказывала свою востребованность и выгодность.

Беларусь уже как минимум дважды и в целом удачно использовала подобную конфигурацию взаимодействия (впервые — после распада СССР для скорейшего выхода из системного социально-экономического кризиса в условиях разрыва прежних хозяйственных связей и утраты привычных рынков сбыта; вторично — после российского дефолта 1998 года), что позволяло в весьма сжатые сроки во многом снизить социальную напряженность внутри страны и успешно разрешать ряд внешнеполитических противоречий и экономических разногласий на международной арене.

Как представляется, межрегиональное и приграничное взаимодействие в контексте участия Беларуси в укреплении непосредственно региональной и в целом международной безопасности призвано выполнять особую роль, поскольку позволяет:

1) в значительно большей степени использовать имеющиеся у республики инфраструктурные и организационные возможности, обеспечив бесперебойный, удобный, разнообразный по формам и направлениям транзит (а также экспорт/реэкспорт) как собственных, так и зарубежных товаров, услуг, энергетических ресурсов, рабочей силы, продукции специального назначения, дополнительно интегрируя страну в мировую экономику и содействуя поддержанию ориентированного на конструктивный диалог климата доверия в международных отношениях;

2) серьезно уменьшить затраты производителей и продавцов соответствующих стран на выпуск, маркетинговое продвижение и непосредственно продажу товара конечному потребителю либо крупным оптово-закупочным предприятиям (в том числе за счет строительства новых и модернизации имеющихся складских терминалов, локальных логистических центров, использующих местное сырье и трудовые ресурсы малых и средних предприятий);

3) дополнительно укрепить дисциплину взаиморасчетов на всех уровнях, равно как предупреждать вероятные и эффективно бороться с допущенными в финансово-экономической и производственной сферах, в секторе услуг правонарушениями (например, посредством установления постоянного контакта заинтересованных структур, органов управления в части профильного контроля, проведения совместных мероприятий и последовательной координации их усилий в данной области, скоординированного совершенствования нормативной правовой базы);

4) в кратчайшие сроки и на долгосрочную перспективу повысить занятость в малых населенных пунктах (в частности, путем целевого создания там небольших производств, стимулирования трансграничного перемещения квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, ее оптимального применения, а также обеспечения отвечающей современным требованиям гибкости производственного цикла с привязкой к местному сырью и реальному платежеспособному спросу);

5) при условии объединения и постоянной координации усилий местных властей, выступающих в качестве заказчиков, гарантов, соинвесторов, способствовать быстрой и комплексной реализации социально значимых и содействующих устойчивому развитию стран-участниц и конкретных территорий проектов (программ), что будет иметь следствием уменьшение как в межгосударственном, так и в локальном измерениях пока возрастающего в условиях мирового политико-экономического кризиса конфликтообразующего потенциала;

6) укрепить контакты с белорусской диаспорой, особенно с бизнес-элитой и научным, культурным сообществом, придав таковым дополнительную системность и создав предпосылки для интенсификации обмена финансовыми потоками, поступления

дополнительных объемов инвестиций в местную экономику белорусских районов.

Тем более, что в условиях нарастающего мирового экономического кризиса и объяснимой в данной ситуации некоторой ограниченности финансово-ресурсной базы государственной и банковской поддержки трудно ожидать сохранения прежних пропорций обеспечения мероприятий развития малых и средних городских поселений на уровне — 36% освоенных инвестиций за счет бюджета, 30% и 24%, соответственно, за счет предприятий и кредитов банков [см. 5, с.373]. А значит жизненно необходимо стимулировать как раз межрегиональное и трансграничное сотрудничество.

В этой связи полагаем уместным упомянуть о том, что многие ученые аргументированно и весьма своевременно указывают на «иллюзорность надежд на экономическое процветание без системы обеспечения региональной безопасности, которая объективно является основным условием минимизации инвестиционных рисков в экономической сфере» [4, с. 86].

Например, в рамках СНГ уже довольно давно были одобрены Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников Содружества (2004), Концепция о приграничном сотрудничестве и Соглашение о создании Совета по межрегиональному и приграничному сотрудничеству (2008). Однако говорить о комплексном и последовательном взаимодействии соответствующих стран в указанной сфере пока если и приходится, то с большой натяжкой и условностью.

Последнее объясняется не только определенной размытостью, поверхностью механизма реализации упомянутых соглашений, расхождениями внутреннего законодательства предполагаемых партнеров, но и, несомненно, избыточным количеством конфликтов различной интенсивности, масштабов, форм и областей проявления на постсоветском пространстве, а также не всегда оправданной тягой к громким мегапроектам макроэкономического свойства и традиционно широко освещаемым в СМИ акциям в культурной сфере.

Наряду с прочими факторами, мешают укреплению европейской безопасности и искусственно создаваемые некоторыми влиятельными государствами Северо-Атлантического альянса и Евросоюза разделительные линии, сочетающиеся с весьма активным использованием практики

нечестной конкуренции, избыточным применением мер нетарифного регулирования.

В частности, экономическое сотрудничество Беларуси с европейскими странами в значительной мере сдерживается под влиянием политического фактора и занятой структурами ЕС довольно жесткой позиции, в соответствии с которой простого развития торгового взаимодействия здесь недостаточно и применительно к постсоветским государствам требуются «регулируемая рынком реструктуризация их национальных экономик» [6, с.310] и приватизация, а промедление с проведением кажущимися Брюсселю разумными и необходимыми реформ означает применения в качестве стимула для изменения позиции санкций. Подобная точка зрения нашла свое отражение даже в содержании вопросов журналистов агентства Рейтер во время интервью Главы белорусского государства в ноябре 2012 г.

Данный подход видится контрпродуктивным и безосновательно игнорирует ряд положительных сигналов со стороны белорусского политического руководства, выраженных не только в публичных заявлениях о готовности к диалогу, конкретных проектах многостороннего сотрудничества, но зафиксированный в п.49 Концепции национальной безопасности четкий постулат, согласно которому «активизация деятельности Республики Беларусь по расширению участия во взаимовыгодных инициативах и проектах в рамках ключевых субрегиональных организаций» [2] провозглашена в качестве одной из самых перспективных мер по защите от внешних угроз.

Именно поэтому, несмотря ни на что, исключительно значимыми и полезными (в том числе для укрепления региональной безопасности) представляются расширение взаимодействия как на межгосударственном, так и на локальном уровне между приграничными территориальными единицами Беларуси и России, скорейшая интенсификация контактов с польскими, прибалтийскими, украинскими партнерами (и не только по линии мероприятий в рамках проектов так называемых «еврорегионов»).

К тому же столь настойчивая и последовательная позиция вполне совпадает с мнением не только многих отечественных, но и зарубежных экспертов, которые считают — внешнеполитический курс Республики Беларусь и Российской Федерации в отношении столь влиятельных на поле

европейской и в целом международной безопасности акторов, как НАТО и ЕС, ныне исходит из весьма рационального, прагматичного постулата: «Если не можешь присоединиться к ним, соревнуйся и учись жить с ними» [7, с. 128]. Безусловно, это немыслимо без налаживания и дальнейшего развития сотрудничества (пусть порой в несколько ограниченных объемах и форматах) с упомянутыми и многими другими партнерами на данном пространстве.

Предлагаемые шаги, помимо перечисленных ранее очевидных прямых и косвенных преимуществ, позволят облегчить решение задачи развития малых и средних городов, должного использования местных ресурсов, борьбы с безработицей у всех занятых в процессе сторон, а также создать надежный «пояс добрососедства» по периметру их границ. Впрочем, не только европейским партнерам, но и белорусской стороне придется предпринять в данном направлении немалые усилия, в том числе рассмотрев вопросы увеличения объема полномочий и финансового обеспечения возможных проектов у местных властей, внесения изменений в нормативную правовую базу, предусматривающих оптимальные механизмы регулирования потоков трудовой силы, налогообложения, государственных гарантий указанных проектов.

Принимая во внимание изложенное, приграничное межрегиональное сотрудничество совершенно правильно перестает носить в некоторой степени вторичный и спорадический характер, что порой наблюдалось ранее, и становится одним из принципиально значимых компонентов политики Республики Беларусь по участию в укреплении международной безопасности сразу на двух уровнях — национальном и региональном.

Литература

1. Амреев Б. К. Исламский фактор в системе международных отношений. Казахстан и мусульманское сообщество // Актуальные проблемы внешней политики Казахстана: Сб.ст. / Редкол.: К. К. Токаев (гл.ред.) и др. — М.: Русский Раритет, 1998. — С. 80-95.

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 575 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P31000575>. — Дата доступа: 26.11.2012.

3. Маслов, В. И. Региональная безопасность: история и проблемы новых независимых государств Центральной Азии / В. И. Маслов: Автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.04 / Кыргызско-Российск. Славян. ун-т. — Бишкек, 2001. — 23 с.

4. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика): Моногр. / Под общ.ред. А.В. Возженикова. — М.: РАГС, 2006. — 262 с.

5. Трацевская Л. Ф. Развитие малых и средних городов региона как фактор экономического роста // Экономический рост в условиях трансформации: мат-лы Межд. науч. семинара, Витебск, 23 окт. 2008 г. / ВГТУ. — Витебск: ВГТУ, 2008. — С.370 – 373.

6. Luif, P. The European Union's Projection of Security and Stability onto Central and Eastern Europe / P. Luif // Security in Central and Eastern Europe / Austrian Institute for International Affairs. — Wien: Braumueller, 2001. — P.307–322.

7. Rontoyanni, C. The union of Belarus and Russia: The Role of NATO and the EU / C. Rontoyanni // Security dynamics in the former Soviet bloc / ed. by Graeme P.Herd and Jennifer D.P. Moroney. — L.; N.-Y.: Routledge Curzon, 2003. — P.112–12.

МЕСТО И РОЛЬ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МИРА

*Л. М. Гайдукевич, Белорусский государственный
университет, заведующий кафедрой, профессор*

Современные международные отношения представляют собой во многом поле борьбы наиболее мощных геополитических стран, регионов, политических и военных блоков. Основой геополитических подходов к проблемам внешней политики и безопасности является моделирование страновых и региональных геополитических комбинаций. Наиболее эффективные из этих образований порождают специфические геополитические зоны влияния (в т.ч. вспомогательные и буферные) основных геополитических стран-лидеров.

В этой связи встает задача исследования и возникающих при этом новых трактовок проблем безопасности, которые должны рассматриваться не только с политической, экономической, культурной точек зрения, но и с позиций геополитической, геоэкономической, геокультурной безопасности. Таким образом, мы исследуем пространственный контекст этих проблем. Более того, существующие и вновь создаваемые объединения и союзы государств, политические и экономические блоки необходимо обеспечить новым, геопространственным анализом, с точки зрения безопасности государств того или иного региона мира.

Содружество Независимых Государств (СНГ) охватывает значительную часть евразийского континента. На сегодняшний день СНГ состоит из 10 членов и одного «ассоциированного члена». С распадом СССР значительная часть территории «хартленда» перешла «по наследству» Содружеству Независимых Государств. Территория СНГ исторически привлекала своими особо богатыми природными ресурсами другие влиятельные государства, прежде всего США и страны Западной Европы, поэтому зона «хартленда» постоянно находилась в состоянии геополитического противостояния основных геополитических игроков (России, США, Великобритании, Китая). Кульминацией такого противостояния стал период «холодной войны».

Рассматривая картину современного геополитического моделирования мира, достаточно сложно целостно обозначить в нем место и роль Содружества Независимых Государств, поскольку речь, чаще всего, идет об отдельных государствах (Российской Федерации, Украине, Казахстане, Беларуси и т. д.) или небольших группах государств, являющихся членами СНГ, а не об организации в целом. Причиной тому является недостаточная практическая эффективность деятельности данного Объединения и его неопределенность в будущем. Некоторые аналитики считают, что СНГ является весьма неустойчивым образованием и исчерпало себя как международная организация. Подтверждением тому стали события августа 2008 года: грузинско-российская война и последовавшее за ней признание независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны Москвы. Данный шаг России публично не поддержал ни один член Содружества. Вместе с тем организация продолжает функционировать и является полноправным субъектом международных отношений, имея лидера в лице Российской Федерации, которая, в свою очередь, является важным «участником» современного процесса геополитического моделирования. Более того, ряд государств Содружества (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан и Российская Федерация, Республика Узбекистан дважды (Республика Узбекистан в 1999 и 2012 годах приостанавливала участие в СНГ, восстановив свое членство в 2006 году; в 1999 вышли из Договора Грузия и Азербайджан, вступившие в него в 1993 году) перешли к более тесному взаимодействию, создав в 1992 году военно-стратегическую группировку на основе Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Именно на ОДКБ возлагается задача обеспечения внешней безопасности государств, входящих в СНГ.

В нынешних реалиях развития системы международных отношений планетарное и региональное геополитическое моделирование базируется на основе подходов и принципов, разработанных в рамках классической геополитики (Ф. Ратцель, Х. Маккиндер, Н. Спикмен). Эти подходы во многом сохраняют в себе определенную преемственность, обнаруживая и некоторую специфику в борьбе за геополитическое лидерство. Эта специфика наиболее контрастно проявляется в отношении геополитического

поведения США в регионе СНГ. Здесь США продолжают использовать в отношении стран СНГ стратегию «анаконды» (Стратегия «анаконды», разработана американским генералом Мак-Келланом, предусматривает блокирование вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что постепенно приводит к стратегическому истощению противника [5, с. 333]). Как правило, термин «политика сдерживания», фактически отражающая стратегию «анаконды», в последнее время редко употребляется, но современная стратегия НАТО на практике реализует эту глобальную установку. Как отметил в интервью журналу «Экономические стратегии» лидер Коммунистической партии Российской Федерации Г. Зюганов, «1500 американских баз обложили нас со всех сторон и как только выдернут у нас ядерный зуб, начнут диктовать условия» [1]. Анализируя влияние «анаконды» на СНГ, российские эксперты выделяют Балто-Черноморско-Каспийский регион, Центральную Азию, Азиатско-Тихоокеанский регион и регион Северных морей России [1,6].

С 2008 года на территории Балтийско-Черноморско-Каспийского региона реализуется так называемый проект Восточного партнерства. Проект рассчитан на шесть государств бывшего Советского Союза, а именно Украину, Молдавию, Беларусь, Азербайджан, Грузию и Армению. Основной целью проекта считается интеграция названных государств в евроатлантические структуры. Однако сегодня речь идет скорее всего о развитии стратегического сотрудничества в рамках структур ЕС, а не о перспективе вхождения данных государств в ЕС. Более того, бытует мнение, что данный проект есть «не что иное, как попытки «старой» Европы перехватить у США инициативу в освоении постсоветского пространства путём отделения от России восточноевропейских стран СНГ» [1].

Для полноценного понимания геополитического маневрирования США в Азиатском регионе постсоветского пространства необходимо принять к вниманию высказывание помощника государственного секретаря США по делам Средней Азии Роберта О. Блейка, который в своей речи «Приоритеты администрации Б. Обамы в Южной и Центральной Азии», произнесенной в январе 2011 г., признал, что Средняя Азия находится на стратегически важном перекрестке дорог, граничащих с Китаем,

Афганистаном, Россией, Ираном и Индией [1]. Это во многом объясняет намерение Соединенных Штатов расширять свое присутствие в данном регионе через активизацию сотрудничества с находящимися в нём странами. Именно поэтому США, раздавая различного рода финансово-экономические обещания, а также под предлогом борьбы с «международным терроризмом» небезуспешно склоняют страны региона (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан и Туркменистан) к созданию на их территориях американских военных баз. Нетрудно заметить, что заняв ключевые позиции в Центральной Азии, США замкнут не только кольцо своего контроля вокруг Среднего, Ближнего Востока и Центральной Азии (при этом получают контроль за энергоресурсами региона), но и пытаются минимизировать геополитическое влияние КНР и России в данном регионе за счет столкновения их прямых интересов. Более того, США выгодно сохранять в этом регионе геополитический плюрализм, обеспечивающий его раздробленность [3].

Современное геополитическое моделирование мира базируется в основном на двух взаимоисключающих моделях: модели монополярного атлантизма и многополярной цивилизационной модели.

Модель монополярного атлантизма обеспечивает бесспорное лидерство в мире Соединенным Штатам Америки. Однако такая модель не устраивает большинство государств мира, которые предпочитают многополярную модель, основанную на современных реалиях, позволяющую учитывать на геополитической арене целый ряд государств и регионов, все еще отстающих в своем экономическом развитии от США, но проявляющих устойчивую тенденцию к многополярному миру (Китай, Индия, Бразилия, Россия). Учитывая положительную динамику их экономического и социального развития, можно прогнозировать, что именно они станут в будущем центрами роста государств, стремящихся к построению многополярной геополитической модели мира.

В этой связи представляет определенный интерес многополярная *модель шестиполусного мира*, предложенная известным американским политиком Г.Киссинджером. По его мнению, в нынешнем мировом порядке США находятся в таком положении, когда они уже не могут ни

единолично господствовать в мире, ни отгородится от него. Следовательно, мировой порядок в ближайшем будущем будет определяться, как минимум, шестью полюсами: США, Европа, Россия, Китай, Япония и, возможно, Индия, а также множеством малых и средних стран [2]. Остальной мир будет разделен на сферы влияния между обозначенными центрами силы. СНГ в данном проекте рассматривается как сфера влияния России.

Конечно, процесс становления многополярного мира длительный и сопряжен с геополитическими коллизиями. Трудно обозначить сегодня окончательные контуры будущей геополитической модели мира, так же как нельзя не учитывать и того факта, что США все еще остаются сверхдержавой, обеспечивая тем самым однополярность мира.

В этих условиях СНГ рассматривается в контексте противостояния основных геополитических сил «суши» и «моря» (Россия и США).

Неоспоримым лидером здесь является Российская Федерация, чего, к сожалению, нельзя сказать в отношении остальных стран СНГ. В современных геополитических моделях их роль и место характеризуется как «периферийные» и рассматриваются лишь через призму интегрирующих объединений. Однако и Россия на современном этапе не способна в полной мере сдерживать геополитическое лидерство США.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: на данный момент говорить об СНГ как о «сильном» акторе мировой геополитики не приходится, организация переживает непростой период развития. Большинство государств СНГ подвержены активному внешнему воздействию США и Западной Европы, что порождает в Содружестве состояние определенного политического дуализма: остаться в лоне родной организации или же сменить вектор интересов в сторону Запада. Этим и объясняется сложность анализа их места и роли в современном геополитическом моделировании мира.

Литература

1. Алтухов, В. Геостратегия «Анаконда» и Евразия // Информационно-аналитический портал «Геополитика» [Электронный ресурс]. — Режим

- доступа: <http://geopolitica.ru/article/geostrategiya-anakonda-i-evraziya>. — Дата доступа: 01.11.12.
2. Динамика геополитической структуры мира // <http://www.webarhimed/page-420.html>. — Дата доступа: 14.01.2013.
 3. Ирхин, А. США и Россия: возможные варианты геополитического компромисса // Портал «Русское Пространство» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusprostranstvo.com/article/view/605>. — Дата доступа: 01.11.12;
 4. Международный институт стратегических исследований «Вектор» // Содружество Независимых Государств (СНГ): геополитические перспективы развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iisr.ru/news/20080822/61.html>. — Дата доступа: 02.11.12.
 5. Нартов, Н. А., Нартов, В. Н. Геополитика; под ред. В. И. Старовойтова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА:Единство, 2007. — 527 с.
 6. Тома, А. Российско-китайский союз против американской «стратегии анаконды» // информационно-аналитический портал «Геополитика» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://geopolitica.ru/2012/09/rossijsko-kitajskij-soyuz-protiv-amerikanskoj-strategii-anakondy>. — Дата доступа: 01.11.12.

**КОНТРОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН ЗА
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**
Е.Ф. Довгань, Белорусский государственный университет, доцент

В настоящее время, региональные организации все более активно действуют в области поддержания международного мира и безопасности, выполняя, в определенной мере, те полномочия, которые изначально были закреплены за Советом Безопасности ООН (далее — СБ ООН).

При этом заложенные в Уставе ООН механизмы контроля за деятельностью региональных организаций на практике практически не действуют. Более того, учитывая значительное увеличение числа таких региональных организаций (которые включают как институциональные организации, так и *ad hoc* образования), равно как существенное расширение сферы их деятельности (по сравнению с предотвращением и разрешением межгосударственных конфликтов и разоружением, закрепленными в Уставе ООН), буквальное использование закрепленных в Уставе механизмов способно застопорить любое сотрудничество в данной области.

Таким образом, актуальность исследования вопроса адаптации положений Устава ООН к современным условиям в части контроля за осуществлением деятельности региональными организациями коллективной безопасности несомненна. В настоящей статье рассмотрены положения Устава ООН регулирующие взаимодействие СБ ООН и региональных организаций, охарактеризована специфика их сотрудничества на современном этапе, дана оценка возможности адаптации Устава ООН к современным условиям.

Предусмотренная в Уставе ООН система взаимодействия СБ ООН и региональных организаций основана на принципе субсидиарности последних. За ними признается приоритет в части осуществления деятельности, не запрещенной международным правом, включая мирное разрешение споров в регионе (ст. 52 Устава ООН). В то же время, на осуществление принудительных действий им необходимо получить санкцию СБ ООН (ст. 53(1)). Ст. 54 предусматривает обязанность информировать СБ ООН о любых действиях, принимаемых или планируемых для поддержания

международного мира и безопасности. Т. е. фактически, СБ ООН должен осуществлять как предварительный, так и последующий контроль за их деятельностью.

На практике, однако, функциональность данной системы все чаще подвергается сомнению. Государства и региональные организации стремятся обойти требование о получении санкции СБ ООН на осуществление принудительных действий, ссылаясь на бездействие СБ ООН [1, с. 540–554] или оспаривая время, форму и формулировку санкции СБ ООН [2, с. 43, 45, 46, 49; 3, с. 142; 4, с. 121; 5, с. 407]. Более того, даже СБ ООН даже не требует от региональных организаций предоставлять информацию об их деятельности согласно ст. 54 Устава ООН, возложив данную обязанность на государства (например, резолюции 787(1992) от 16.11.1992 г., п. 14; 816(1993) от 31.03.1993 г., п. 7; 1031(1995) от 15.12.1995 г., п. 25; 1247(1999) от 18.06.1999 г., п. 18; 1305(2000) от 21.06.2000 г., п. 18; 1575(2004) от 22.11.2004 г., п. 18; 1639(2005) от 21.11.2005 г., п. 18; 1722(2006) от 21.11.2006 г., п. 18; 1845(2008) от 20.11.2008 г., п. 18; 1895(2009) от 18.11.2009 г., п. 18; 1948(2010) от 18.11.2010 г., п. 18; 1174(1998) от 15.06.1998 г., п. 18) или ГС ООН (резолюции 934(1994), п. 4; 1808(2008) от 15.04.2008 г., п. 15; 822(1993) от 30.04.1993 г., п. 4; 853(1993) от 29.07.1993 г., п. 13). Как следствие, возникают вопросы о неэффективности СБ ООН, как органа, несущего основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, равно как и о несоответствии положений Устава ООН современным условиям.

На наш взгляд, однако, отрицание основ, заложенных в Уставе ООН, способно подорвать существующую систему коллективной безопасности и создать хаос на международной арене. Поскольку СБ ООН в одиночку не способен справиться со всем комплексом проблем, существующих на международной арене, он все чаще рассматривается в качестве контролирующей инстанции, обеспечивающей политическую поддержку и координацию деятельности в области поддержания международного мира и безопасности (Выступление Председателя СБ ООН 6.11.2007 г. S/PRST/2007/42), в то время как практические меры предпринимаются региональными организациями. Таким образом, отношения между СБ

ООН и региональными организациями в настоящее время основываются на взаимодействии принципов субсидиарности (в части контроля СБ ООН над региональными организациями) и комплементарности (резолюции 1631(2005), преамбула; 1809(2008), п. 1; 2033(2012)) [6, п. 213], а региональные организации рассматриваются, скорее, как партнеры, чем как инструменты системы ООН (резолюция 2033(2012), преамбула, п. 5) [7, п. 8,11; 8, с. 125–129]. В то же время, не следует забывать, что основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несет все же СБ ООН (резолюции 1631(2005), преамбула; 1809(2008), преамбула; 2033(2012), преамбула) [9, с. 183], а региональные усилия, как элемент универсального механизма (резолюции 1631(2005), преамбула; 2033(2012), п. 1) должны осуществляться в системе принципов, целей и норм Устава ООН.

В то же время, представляется, что изменение способов и механизмов взаимодействия СБ ООН и региональных организаций, совсем не обязательно, требует внесения изменений в Устав ООН. Устав ООН разрабатывался как достаточно гибкий документ, способный адаптироваться к изменяющимся условиям, поэтому представляется, что он до сих пор предоставляет достаточную правовую базу для обеспечения коллективной безопасности и, как следствие, для взаимодействия СБ ООН и региональных организаций коллективной безопасности [10, п. 79; 11, с. 598]. Как справедливо отметил, профессор Т.М. Франк (США), имеющиеся пробелы вполне можно заполнить посредством современного толкования устаревших правовых норм [11, с. 605–606, 611].

Таким образом, речь идет, в первую очередь, о функциональной реформе, необходимость которой подтверждается и в докладе группы высокого уровня по современным вызовам и угрозам [12, с. 80 (п. 249)]. Тем более что не очевидно, что структурная реформа сможет повысить эффективность и законность в области поддержания международного мира и безопасности. В то же время, несмотря на необходимость адаптировать положения Устава ООН к современным условиям [13, с. 13], необходимо избегать необоснованно широкого толкования уставных положений, которое должно осуществляться в

соответствии с целями и принципами Устава ООН, с учетом принципов субсидиарности и комплементарности [14, с. 47].

Глава VIII Устава ООН была направлена на подчинение региональных организаций контролю СБ ООН. Благодаря широкому пониманию региональных соглашений и образований, ограничения главы VIII распространяются на все образования (как институциональные, так и *ad hoc*), действующие в области поддержания международного мира и безопасности. При этом Устав никоим образом не ограничивает перечень возможных видов деятельности. В связи с этим, представляется, что единственными «жесткими» положениями Устава ООН в части контроля за деятельностью региональных организаций является их обязанность действовать в соответствии с целями и принципами ООН, и применять принудительные меры (как военные, так и невоенные) только с явно-выраженной предварительной, конкретной санкции СБ ООН.

При этом «главная ответственность» СБ ООН за поддержание международного мира и безопасности не означает его обязанности самому осуществлять непосредственно все операции [12, с. 32 (п. 81)]. Для обеспечения законности на международной арене СБ ООН должен сохранить (и усилить) уполномочивающие, контрольные [15, с. 45] и координационные функции, в то время как основные практические действия будут осуществляться региональными организациями и государствами [9, с. 184; 14, с. 32–33]. СБ ООН может вовлекаться в практическое осуществление конкретных операций только если региональные организации не способны их провести.

Информирование СБ ООН о «действиях, предпринятых или намечаемых в силу региональных соглашений или региональными органами, для поддержания международного мира и безопасности» (ст. 54) было призвано являться, наряду с требованием о получении санкции СБ ООН на осуществление принудительных мер, эффективным механизмом контроля за деятельностью региональных организаций, действующих в области поддержания международного мира и безопасности. Тем не менее, как отмечалось выше, СБ ООН не требует от региональных организаций предоставления какой-либо информации. Это вызвано, в первую очередь, увеличением числа и видов образований, подпадающих

под действие главы VIII Устава ООН, в результате чего сложно определить круг субъектов, обязанных информировать СБ ООН о предпринимаемых мероприятиях: институционализированные региональные организации, деятельность которых в первую очередь направлена на поддержание международного мира и безопасности (НАТО, ОБСЕ, ОДКБ); региональные организации с широкой компетенцией, включающей, помимо прочего, вопросы безопасности (ЕС, СНГ); образования, не являющиеся международными организациями, но обладающие определенной структурой (Совет Россия-НАТО, Большая восьмерка); *ad hoc* коалиции государств (КФОР, ЕВРОФОР). Более того, институциональные региональные организации стремятся привлечь к осуществлению операции государства, не являющиеся их членами, что затрудняет определение субъекта, ответственного за предоставление информации СБ ООН.

Не менее важной причиной является расширение функций и видов деятельности региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасности, что включает, помимо заложенного в Уставе ООН предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов, предотвращение и разрешение внутригосударственных споров; предотвращение возникновения конфликтов в будущем путем принятия мер по укреплению доверия и безопасности, разоружения, контроля над вооружениями; борьбу с новыми вызовами и угрозами. Как следствие, информирование СБ ООН предварительно и впоследствии обо всех актах, осуществляемых с указанными целями, застопорит работу Совета. Следует также учитывать, что Устав ООН не предусматривает ответственности за непредоставление информации.

Как следствие, в условиях все возрастающей активности региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасности, ст. 54 Устава ООН также требует уточнения. В частности, обязанность информирования согласно ст. 54 Устава ООН касается только деятельности, направленной на поддержание международного мира и безопасности, даже если региональная организация вовлечена и в иные сферы сотрудничества.

Предварительный контроль за осуществлением принудительных действий осуществляется уже в силу требования ст. 53(1) Устава ООН

о получении санкции СБ ООН. При этом принудительные действия должны толковаться широко, как любые меры давления, за исключением тех, которые являются правомерными, или их противоправность исключена в соответствии с международным правом.

Требование относительно предварительного и последующего информирования СБ ООН распространяется только на действия, направленные на предотвращение и урегулирование конфликтов (что, в целом, и было заложено в Уставе ООН). В отношении иных видов деятельности (предотвращение гипотетической возможности конфликтов, борьба с современными вызовами и угрозами) абсурдно требовать информировать СБ ООН относительно каждого предпринятого акта, тем более, что такая деятельность носит преимущественно долгосрочный характер и не связана с конкретным конфликтом. Она должна доводиться до сведения СБ ООН на регулярной основе, например, на встречах на высшем уровне, тем более, что она обычно осуществляется не *ad hoc* образованиями, а институционализированными международными организациями.

Информирование СБ ООН должно осуществляться через аппарат региональной организации, а в случае отсутствия такового — ее государствами-членами.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

В настоящее время контроль СБ ООН за деятельность региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасности, не обеспечивает эффективного функционирования системы, равно как законности в ходе проведения операций. В то же время, надлежащий контроль за деятельностью региональных организаций может быть обеспечен и без внесения формальных изменений в Устав ООН, путем функционального реформирования СБ ООН.

Следует признать, что в настоящее время СБ ООН не способен непосредственно осуществлять все операции на местах. Данная обязанность переносится на региональные организации, в то время как за СБ ООН остаются уполномочивающие, координирующие и контрольные функции.

Та же тенденция наблюдается и в отношении информирования СБ ООН согласно ст. 54. Формальное соблюдение требования о информировании СБ ООН о планируемых и осуществленных мерах в области поддержания международного мира и безопасности на практике невозможно. В то же время, в отношении принудительных действий информирование СБ ООН осуществляется предварительно в результате запроса о предоставлении санкции на их применение. В остальных случаях, информирование может осуществляться на регулярной основе, что обеспечит координацию и контроль со стороны СБ ООН, но, в то же время, не будет тормозить сотрудничество государств-членов региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасности.

Литература

1. Körbs, H. Die Friedenssicherung durch die Vereinten Nationen und Regionalorganisationen nach Kapitel VIII der Satzung der Vereinten Nationen / H. Körbs. — Bochum: Brockmeyer, 1997. — 595 s.
2. Abass, A. Regional organizations and the Development of Collective Security: Beyond Chapter VIII of the UN Charter / A. Abass. — Oxford/Portland: Hart Publishing, 2004. — 239 p.
3. Walter, C. Security Council Control over Regional Action / C. Walter // Max Plank Y. of the United Nations Law. — 1997. — P. 129–193.
4. Frowein, J.A. Legal Consequences for International Law Enforcement in Case of Security Council Inaction / J.A. Frowein // The Future of International Law Enforcement. New Scenarios – New Law? / ed. by J. Delbrück. — Berlin: Duncker & Humblot, 1993. — P. 111–124.
5. Farer, T. The Political and Economic Coercion in Contemporary international Law / T. Farer // American J. of International Law. — 1985. — Vol.75. — P. 405–413.
6. In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All: Report of the Secretary-General (A/59/2005) // United Nations [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/270/78/PDF/N0527078.pdf>. — Date of access: 14.04.2012.
7. Relationship between the United Nations and Regional Organizations, in Particular the African Union, in the Maintenance of International Peace and Security. Report of the UN Secretary-General, 7 April 2008 (S/2008/18). // United Nations [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/UNRO%20S%202008%20186.pdf>. — Date of access: 14.04.2012.
8. Karns, M.P. The Challenges of Maintaining Peace and Security in the 21st Century: The United Nations and Regional Organizations / M.P. Karns // The United Nations: Past, Present and Future: Proceedings of the 2007 Francis Marion University UN Symposium / ed. by S Kaufman, A. Walters. — New York: Nova Science Publishers Inc., 2009. — P. 115–146.
9. Wilson, G. Regional Arrangements as Agents of the UN Security Council: Some African and European Organizations Contrasted / G. Wilson // Liverpool Law Review. — 2008. — P. 183–204.

10. 2005 World Summit Outcome, A/RES/60/1, 24 October 2005. // United Nations [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: http://globalr2p.org/media/pdf/WSOD_2005.pdf — Date of access: 14.04.2012.
11. Franck, T.M. “Collective Security and UN Reform: Between the Necessary and the Possible / T.M. Franck // Chicago Journal of International Law. — 2005–2006. — No. 2. — P. 597-611.
12. A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the Secretary-General’s High Panel on Threats, Challenges and Change. — New York: United Nations, 2004. — 129 p.
13. Кирн, Р., Глава VIII Устава ООН: необходимость более широкой интерпретации / Р. Кирн // Международное публичное и частное право. — 2003. — № 1. — С. 12–13.
14. Knight, W.A. Towards a Subsidiarity Model for Peacemaking and Preventive Diplomacy: Making Chapter VIII of the UN Operational / W.A. Knight // Third World Quarterly. — 1996. — No. 1. — P. 31–52.
15. Danchin, P.G. Things Fall Apart: The Concept of Collective Security in International Law / P.G. Danchin // United Nations Reform and the New Collective Security / ed. by P.G. Danchin, H. Fischer. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 35–75.

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ДЛЯ НАТО

С. А. Кизима, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, заведующий кафедрой, профессор

Глобализация зачастую преподносит весьма неприятные сюрпризы тем, кто ее инициировал и всеми силами развивал. Одним из таких зачинщиков глобализации является НАТО, военно-политический блок, представляющий и защищающий на мировой арене интересы западных стран. Что может ожидать НАТО в грядущие два десятилетия?

Первой долгосрочной тенденцией станет сокращение финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении стран, входящих в НАТО. Хронические экономические проблемы, растущий государственный долг, слишком высокий уровень жизни, не соответствующий больше снижающимся возможностям экономик, не позволят странам-членам НАТО выделять прежние суммы на военные расходы. Собственно, так уже и происходит – по итогам 2011 года только около 10% стран-членов НАТО смогли соблюсти минимальные критерии финансирования, предусматриваемыми правилами членства в организации. Соответственно будут снижаться военно-стратегические возможности НАТО и количество военных баз за пределами стран-членов.

Второй глобальной тенденцией станет сокращение доли затрат стран-членов НАТО в мировых военных расходах. Современная доля затрат — около 60% всех мировых расходов — неизбежно будет сокращаться. В силу этого будет возрастать военно-стратегическое значение тех стран, доля которых в мировых военных расходах будет возрастать. Это, прежде всего, Китай, Россия, Индия и Бразилия.

В-третьих, легко можно предсказать возрастание конкуренции в сфере продаж оружия на мировом рынке вооружений. Не секрет, что очень серьезные амбиции по выходу на этот высокодоходный рынок имеет Китай, усиленно развивающий военно-технологический потенциал. Тот факт, что по числу поданных патентных заявок в 2011 году КНР впервые опередило США, свидетельствует о том, что эти амбиции имеют серьезные основания. Утрата западными странами части прежних рынков продаж в незападном мире повлечет для них и серьезные геополитические потери. Не секрет, что полностью

вооружая продаваемым оружием ту или иную незападную страну, Запад тем самым получает и ее политическую лояльность — ведь в том случае, если она отвернется от Запада, он может перестать поставлять запчасти для проданных вооружений и боеспособность армии начнет быстро падать. А это серьезная угроза для обороноспособности. В будущем, когда страны НАТО перестанут лидировать в продажах вооружений для западных стран, там неизбежно возрастет влияние тех стран, которые заместят западное оружие своим. Этому переделу рынка вооружений будут способствовать и ухудшающиеся финансовые возможности западных стран по кредитному сопровождению сделок — между тем растущие незападные экономики по этому аспекту будут находиться в выигрыше, изобильно кредитуя покупателей своего оружия.

В-четвертых, из глобального игрока, активно вмешивающегося в дела всего мира, НАТО будет вынуждено перейти к обороне в пределах западного региона. И еще неизвестно, пожелает ли взять усиливающийся Китай на себя функции военного присутствия в тех регионах, откуда вынужденно уйдет НАТО.

В-пятых, усилия НАТО по развитию противоракетной обороны (ПРО) в регионах, находящихся на границе России и Китая, будут вызывать растущее раздражение у обеих стран, поскольку снижает их возможности по ядерному сдерживанию потенциальной агрессии Запада. Россия и Китай будут вынуждены вкладываться в совершенствование как своих ПРО, так и в разработку средств преодоления ПРО. Своеобразная гонка вооружений в этой сфере приведет к быстрому развитию ракетных и противоракетных технологий, которые могут быть позаимствованы не вовлеченными в противостояние странами террористическими группировками и усложнить международную безопасность.

В-шестых, можно ожидать возрастание противоречий между членами НАТО. Учитывая разный потенциал западных экономик, часть из них будет в возрастающей степени зависеть от инвестирующих и предоставляющих доступ на свои рынки крупных западных стран, в особенности Китая. При этом они не будут заинтересованы в серьезной активности в рамках НАТО, который Китай и большинство западных стран рассматривают как военно-

геополитический вызов. В этих условиях возрастающая способность незападных стран диктовать политическую повестку ряду подпадающих в зависимость западных стран будет подрывать дееспособность НАТО на мировой арене. Вполне возможно, что вскоре НАТО придется отказаться от консенсуса.

В-седьмых, неизбежно возрастание имиджевого ущерба для организации. НАТО на пике своего могущества в 1991-2008 годах может похвастаться достаточно малым числом удачных операций. Если в условиях изобилия ресурсов НАТО не смогло продемонстрировать успешность, то с учетом растущей нехватки ресурсов вряд ли число успехов возрастет. Также негативным фактором для НАТО будет, как и сейчас, тесная связь в общественном мнении имиджа организации с имиджем США. Соединенные Штаты склонны действовать импульсивно, не считаясь с мировым общественным мнением, и все их неудачные действия традиционно связываются с НАТО. А учитывая нервозность элит США из-за стремительного роста конкуренции со стороны Китая, вероятность поспешных и непродуманных действий, которые будут негативно восприниматься в мире, возрастает.

Таким образом, НАТО прошел пик своего могущества, и с каждым годом его влияние на мировые процессы будет сокращаться. Ключевая ошибка Западом была сделана в 1990-х годах. Тогда НАТО нужно было распустить и создать новую региональную организацию по безопасности, включающую всех основных противников по холодной войне, с обязательным участием России. Неспособность сделать это из-за предрассудков и недоверия к бывшим противникам, а также элементарного нежелания делиться с ними, когда весь мир уже казался поставленным под западный контроль, поставило НАТО в нынешнюю сложную ситуацию.

БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*А.В. Русакович, Белорусский государственный университет,
доцент*

Беларусь в настоящее время занимает уникальное геополитическое положение в Европе, что оказывает существенное влияние на ее место в системе региональной безопасности. Европейский регион исторически являлся одним из наиболее проблемных в отношении безопасности, в период «холодной войны» здесь был накоплен огромный потенциал противостояния. Вместе с тем государства Европы обладают значительным опытом сотрудничества в сфере безопасности (Вестфальская система международных отношений и ее подсистемы, Лига наций и др.) и в настоящее время в регионе сложились развитые и большей частью эффективные структуры безопасности (ОБСЕ, ЕС, НАТО, СНГ, ОДКБ и др.). Новые вызовы безопасности в регионе формируются на основе нестабильности на Ближнем Востоке, угрозы международного терроризма, реализации проектов размещения объектов ПРО США в Европе, демографических проблем, влияния финансово-экономического кризиса на политическое и социально-экономическое положение государств региона, по-прежнему непросто преодолеваются последствия распада ряда государств в 1990-х гг. и военных конфликтов на Балканах.

В период войн в Европе в предыдущие столетия Беларусь понесла значительные людские и материальные потери. Этот фактор обусловил особое отношение народа и государства к проблеме обеспечения безопасности. Беларусь находится в центре Европы на перекрестке важных транзитных путей, граничит с основными геополитическими акторами региона: Россией, странами Европейского союза и НАТО, Украиной. Модель развития современной Беларуси — один из вариантов переходной, трансформационной модели государств постсоветского пространства, внешнеполитические аспекты которой предоставляют возможность при реализации процессов социально-экономического переустройства использовать опыт и содействие крупнейших экономик мира, реализовать геополитические преимущества соседства с ЕС и активно

участвовать в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. Внешнеполитические аспекты данной модели развития предполагают проведение сбалансированной внешней политики. Состояние международной и региональной безопасности является одним из важнейших условий сохранения и развития государства. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г., в качестве важных национальных интересов в политической сфере определяет формирование многополярного мира и системы международных отношений, основанной на верховенстве норм международного права и многостороннем сотрудничестве, обеспечивающих участие Беларуси в решении вопросов, затрагивающих ее интересы; совершенствование и укрепление механизмов обеспечения национальной и коллективной безопасности с участием Республики Беларусь на глобальном, региональном и двустороннем уровнях, придание международной безопасности всеобъемлющего и комплексного характера; прагматичное взаимодействие с мировыми центрами силы, основанное на эффективной многосторонней и многовекторной дипломатии, стратегическом партнерстве и особых отношениях с дружественными государствами, равноправном взаимодействии и взаимном учете интересов; позиционирование Республики Беларусь за рубежом в качестве демократического правового государства, ответственного и предсказуемого партнера, донора международной и региональной безопасности [см. 6]. Среди мер по защите от внешних угроз национальной безопасности Концепция предусматривает: сохранение глобальной роли ООН и Совета Безопасности ООН в обеспечении международной стабильности и безопасности; продолжение последовательного курса в сфере ядерного разоружения, участие в режимах нераспространения, в выполнении посреднических функций при урегулировании конфликтов, миротворческой деятельности под эгидой ООН; развитие международного сотрудничества в вопросах борьбы со всеми видами транснациональной организованной преступности, в первую очередь связанной с терроризмом, незаконной миграцией, торговлей людьми, наркобизнесом; активное участие Республики Беларусь в деятельности ОБСЕ, содействие

устранению дисбалансов в ее функционировании, последовательное укрепление институциональных основ данной организации; активизация деятельности Республики Беларусь по расширению участия во взаимовыгодных инициативах и проектах в рамках ключевых субрегиональных организаций: Содружества Независимых Государств, Центральноевропейской инициативы, Организации Черноморского экономического сотрудничества, Совета государств Балтийского моря и других; развитие по периметру внешних границ Республики Беларусь пояса добрососедства во всех его измерениях: военном, политическом, культурном, информационном, социальном и экономическом; сохранение и укрепление основ Союзного государства, реализация имеющегося конструктивного потенциала стратегического партнерства с Российской Федерацией, развитие полноформатных отношений с государствами Европейского союза, поддержание активного диалога с ЕС по всему спектру вопросов, представляющих взаимный интерес, с перспективой заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также отмены дискриминационных мер в отношении белорусского государства; последовательное наращивание вовлеченности Республики Беларусь в общеевропейские объединительные процессы, в первую очередь предполагающие активное участие в международных проектах, связанных с производством и транспортировкой энергоресурсов, эксплуатацией транспортных коридоров и т.д. [см. 6].

Одним из основополагающих элементов участия Беларуси в системе безопасности является реализация ряда важнейших международных договоров в сфере разоружения и контроля над вооружениями: Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., с 1993 г., в качестве неядерного государства; Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г., с 1992 г., в ноябре 1996 г. был завершён вывод ракетно-ядерного оружия с территории страны; Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., с 1992 г., в ходе реализации вывела со своей территории 584 ракеты средней и меньшей дальности; Соглашение о гарантиях с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), с 1995 г.; Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ратифицирован в 2000 г. и других. На этапе

распада СССР и становления независимости ключевое значение для европейской и международной безопасности имел отказ Беларуси от ядерного оружия. Исключительно важное значение имеет участие Беларуси в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе. В соответствии с положениями Договора об обычных вооруженных силах в Европе Беларусь было уничтожено 1773 боевых танка, 1341 боевая бронированная машина, 130 боевых самолетов, что составило более 10 % вооружений и военной техники, ликвидированных 30 странами — участницами Договора, почти в три раза больше, чем уничтожили США, Великобритания, Франция вместе взятые [7, с. 27].

Руководство Беларуси рассматривает в качестве одного из ключевых элементов укрепления общеевропейской безопасности и контроля над вооружениями развитие мер доверия и безопасности на региональном и субрегиональном уровнях [см. 5]. Значительное внимание Беларусь уделяет формированию «пояса добрососедства и безопасности» вдоль своих границ и реализует договоренности 2001-2004 гг. о дополнительных мерах доверия и безопасности в военно-политической области с Украиной, Литвой, Латвией и Польшей. В апреле 2013 г., принимая верительные грамоты послов зарубежных государств, Президент Беларуси А. Лукашенко заявил, что «формирование пояса добрососедства является одним из приоритетов белорусской внешней политики» [1]. В соответствии с заявленными целями Беларусь поддерживает процесс адаптации Венского документа 1999 г. переговоров по мерам доверия и безопасности.

Важным направлением внешней политики Республики Беларусь является участие в ОБСЕ. Беларусь принимает активное участие в процессе выработки и принятия решений и документов ОБСЕ и вносит свой вклад в развитие общеевропейского диалога по вопросам сотрудничества и безопасности. Так, в 2007 г. Беларусь совместно с другими странами-членами ОДКБ разработала и внесла на рассмотрение проект Устава ОБСЕ, участвовала в проходившей в рамках ОБСЕ дискуссии по будущей архитектуре европейской безопасности («Корфуский процесс»). Беларусь является одним из наиболее активных и последовательных сторонников комплексного реформирования ОБСЕ, устранения существующих перекосов и недостатков в ее работе. На саммите ОБСЕ в Астане 2 декабря 2010 г. Президентом Беларуси были

выдвинуты важные инициативы в плане реформирования этой структуры: «Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе нуждается в серьезнейшей модернизации, чтобы играть ключевую роль в формировании сообщества безопасности и стабильности в регионе ответственности» [3].

В силу исторических и геополитических причин Беларусь принимает активное участие в структурах безопасности постсоветского пространства: Содружестве Независимых государств, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзном государстве. Российский вектор занимает доминирующее положение во внешнеполитической линии и военно-политической стратегии Республики Беларусь. Правовые и организационные рамки белорусско-российского сотрудничества в сфере безопасности сформировались в 1990-х гг. Важнейшими вехами развития взаимодействия в данной сфере являлись: Соглашения о сотрудничестве в оборонной сфере и сфере безопасности в рамках СНГ, Ташкентский договор 1992 г., Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о военном сотрудничестве 1997 г., Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере 1997 г., Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. В частности, в Договоре о создании Союзного государства определен ряд важных ориентиров, в том числе в сфере безопасности: обеспечение мирного и демократического развития народов двух государств; создание единого экономического и таможенного пространства; обеспечение устойчивого социально-экономического развития; проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны; формирование единой правовой системы; проведение согласованной социальной политики; обеспечение безопасности и борьба с преступностью [4.]. В феврале 2009 г. было подписано Соглашение о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создании единой региональной системы противовоздушной обороны Беларуси и России. Беларусь содержит военно-техническую инфраструктуру Союзного государства, высокая степень интеграции достигнута между предприятиями оборонно-промышленного комплекса двух стран.

Значимым направлением является участие Беларуси в Организации Договора о коллективной безопасности. Целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам [9]. Основными направлениями деятельности Организации Договора о коллективной безопасности являются всестороннее развитие политического сотрудничества, развитие и совершенствование военной составляющей, противодействие международному терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия и др. угрозам. Как отмечается в документах Министерства иностранных дел, «Республика Беларусь намерена содействовать укреплению Организации Договора о коллективной безопасности по всем направлениям ее деятельности (политическому, военному, военно-техническому, информационному); развитию сотрудничества в области борьбы с наркотрафиком, нелегальной миграцией, международной организованной преступностью; предотвращения чрезвычайных ситуаций; усилению внешнеполитической координации государств-членов Организации; налаживанию конструктивного взаимодействия ОДКБ с другими международными и региональными объединениями» [8]. Вместе с тем участие в ОДКБ осуществляется с учетом особенностей геополитического положения Беларуси, возможностей ОДКБ в регионе, позиций государств-членов.

Сотрудничество с НАТО рассматривается Республикой Беларусь в качестве одного из элементов обеспечения национальной, региональной и общеевропейской безопасности. На современном этапе сформировались объективные предпосылки сотрудничества: заинтересованность в поддержании мира и безопасности, активная роль Североатлантического альянса в военно-политическом аспекте безопасности в Европе, наличие общей границы Беларуси со странами НАТО, заинтересованность альянса в транзите из (в) Афганистан, особое партнерство НАТО с соседними странами — Россией и Украиной, наличие общих угроз и вызовов. Беларусь участвует в ряде общих программ НАТО, направленных на развитие партнерства: в

работе Совета Евроатлантического Партнерства, программе «Партнерство ради мира», Процессе планирования и оценки сил. Сложности партнерства Беларуси с НАТО ограничены следующими факторами: НАТО с учетом позиции США и ЕС придерживается линии на ограничение уровня политических контактов с Республикой Беларусь; руководство Беларуси критически относится к вопросу дальнейшего расширения НАТО и сфер ее деятельности и сдержанно реагирует на возможности, касающиеся расширения сфер сотрудничества с НАТО. Как отмечают представители Министерства иностранных дел Беларуси, «наша страна не ставит целью вступление в НАТО. Вместе с тем, Беларусь рассматривает конструктивное сотрудничество с НАТО в целом и с отдельными членами данной Организации в качестве важного элемента обеспечения национальной, региональной и общеевропейской безопасности [2, с. 3].

Взаимодействие в сфере безопасности является одним из важных направлений взаимодействия Беларуси с Европейским союзом: «Беларусь — надежный партнер Евросоюза не только с точки зрения поддержания социально-экономической стабильности в регионе, но и по стратегически важным вопросам общеевропейского значения: обеспечения военно-политической, энергетической и экологической безопасности, борьбы с преступностью, наркотрафиком, нелегальной миграцией» [8]. Представители Беларуси вносят вклад в работу всех четырех многосторонних тематических платформ Восточного партнерства: «Демократия, эффективное государственное управление и стабильность», «Экономическая безопасность и сближение с отраслевой политикой ЕС», «Энергетическая безопасность», «Контакты между людьми».

Таким образом, Беларусь прочно включена в систему региональной и международной безопасности и является важным звеном ее поддержания и укрепления. Основным направлением политики Республики Беларусь в сфере безопасности являются стратегическое партнерство, развитие союзнических отношений с Российской Федерацией и участие в Организации Договора о коллективной безопасности. Участие в ОБСЕ, партнерство в сфере безопасности с НАТО и ЕС содействуют укреплению региональной и международной безопасности.

Литература

1. Александр Лукашенко принял верительные грамоты послов зарубежных государств // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2013. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press143731.html#doc>. — Дата доступа: 20.06.2013.
2. Взаимодействие Беларуси с НАТО. Тезисы выступления Макея В. В., советника Министерства иностранных дел Республики Беларусь // Международная безопасность и НАТО в новых условиях. Сборник материалов международного семинара, Минск, 15-16 декабря 2011 года / редкол.: А. В. Русакович [отв. ред и др.]. — Минск: Мэджик, 2012. — с. 3-5.
3. 2 декабря Александр Лукашенко выступил на саммите ОБСЕ в Астане // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press101414.html#doc>. — Дата доступа: 10.01.2013.
4. Договор о создании Союзного государства: вступил в силу 26 января 2000 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2011.
5. Контроль над обычными вооружениями // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2013. — Режим доступа: http://mfa.gov.by/multilateral/global_issues/control/. — Дата доступа: 13.07.2013.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждено: Указ Президента Республики Беларусь N 575 от 09.11.2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2012.
7. Национальный отчет Республики Беларусь о политике экспортного контроля, экспорта вооружений и военной техники в 2003-2004 гг. — Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 2004. — 31 с.
8. Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь // Министерство иностранных дел Республики Беларусь

- [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://www.mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/. — Дата доступа: 13.07.2013.
9. Устав Организации Договора о коллективной безопасности // Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124. — Дата доступа: 13.07.2013.

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – НАТО В 1991–2012 ГГ.

*А. В. Тихомиров, Белорусский государственный университет,
доцент*

С момента создания Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1949 г. и до конца 1980-х годов руководители и общественность СССР воспринимали Организацию Североатлантического договора в качестве главного военно-политического противника и инструмента воздействия США на страны Западной Европы. В заявлении МИД СССР от 29 января 1949 г. подчеркивалось, что «Североатлантический пакт нужен отнюдь не для самообороны, а для осуществления политики агрессии, для осуществления политики развязывания новой войны» [15, с.269]. Эта установка оставалась неизменной на протяжении последующих сорока десятилетий. Советская дипломатия добивалась роспуска НАТО, а советские военные структуры разрабатывали планы войны против Североатлантического альянса. В мае 1955 г. СССР инициировал создание Организации Варшавского договора (ОВД), в состав которой вошло большинство государств-сателлитов Советского Союза в Центральной и Восточной Европе. При этом руководство СССР не скрывало, что создание ОВД является ответом на включение в состав НАТО ФРГ.

Разумеется, о каких-либо контактах между СССР и НАТО не могло быть и речи. Лишь один раз, 31 марта 1954 г. правительство СССР выразило готовность рассмотреть вместе с заинтересованными правительствами вопрос об участии Советского Союза в НАТО, но при этом не скрывало, что соответствующее заявление является пропагандистским жестом, призванным прозондировать позицию государств-членов НАТО [15, с.412].

В 1989 г. руководство СССР выразило готовность наладить политический диалог с НАТО, расширить связи с Альянсом по военной линии, и оказать содействие развитию контактов между представителями НАТО и ОВД [7, с.49]. В ноябре того же года состоялся первый в истории отношений СССР – НАТО визит в штаб-квартиру Североатлантического альянса министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе. В 1990 г. В Москве побывал генеральный

секретарь НАТО М. Вёрнер. К существенным переменам в отношениях СССР – НАТО эти визиты не привели, но создали благоприятную атмосферу для завершения процесса объединения Германии при сохранении ее в НАТО и подписания Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

После прекращения существования СССР в декабре 1991 г. Президент РФ Б. Ельцин заявил, что взаимодействие России «с единственным оставшимся в Европе военным союзом» станет важным компонентом обеспечения безопасности Российского государства [12, с.65]. В декабре 1991 г. между Российской Федерацией и НАТО были установлены прямые контакты. Начало им положил визит в штаб-квартиру НАТО первого вице-преьера РФ Г. Бурбулиса 13 декабря 1991 г. Российское руководство активно поддержало предложение о создании форума для консультаций между странами Альянса и бывшими странами — участницами Организации Варшавского договора. В конце 1991 г. Россия вступила в Совет североатлантического сотрудничества (ССАС). 20 декабря 1991 г. Б. Ельцин в обращении к участникам первой сессии ССАС не исключил возможности вступления России в Альянс в долгосрочной перспективе [35, с.177]. Российский эксперт Д. Тренин даже утверждает, что российский президент говорил о возможности вступления России в НАТО в недалеком будущем [31, с.148].

Концепция внешней политики Российской Федерации, разработанная МИДом РФ в 1992 г. И одобренная Президентом РФ в марте 1993 г., ориентировала Россию на интенсификацию контактов с НАТО на двусторонней и многосторонней основе, взаимодействие с органами НАТО в вопросах укрепления мира и безопасности посредством развития политических контактов, связей по военной линии, обмена визитами, проведения совместных маневров, обмена опытом, взаимодействия в урегулировании кризисных ситуаций [8, с.29].

22 июня 1994 г. министр иностранных дел России А. Козырев подписал рамочный документ программы «Партнерство ради мира», предложенной НАТО странам бывшей Организации Варшавского договора. Таким образом, Россия официально стала участником этой программы. В мае 1995 г. В Брюсселе состоялось подписание Индивидуальной программы партнерства РФ – НАТО и документа

«Области широкого, углубленного диалога и сотрудничества между Россией и НАТО». В 1996 г. российский миротворческий контингент был развернут в Боснии и Герцеговине.

В то же время можно согласиться с мнением российской исследовательницы Т. Юрьевой относительно того, что взаимоотношения России с НАТО на начальном этапе формирования российского внешнеполитического курса не рассматривались в качестве самостоятельного направления и представляли собой лишь производную решения задач отхода от блокового противостояния времен холодной войны и закрепления наметившейся в конце 1980-х гг. тенденции к поддержанию глобальной и региональной стабильности мирными средствами [35, с.176]. Данное обстоятельство придавало российской политике в отношении НАТО черты противоречивости и непоследовательности. С одной стороны, российская сторона выражала готовность к сотрудничеству с НАТО, с другой стороны, акцентировала внимание на нежелании вступать в эту организацию и призывала НАТО выстраивать с отношения с Россией как с равнозначным центром силы, фактически не представляя таковой. В 1995 г. российское руководство критически отнеслось к использованию вооруженных сил НАТО против воинских подразделений боснийских сербов [32, с.65].

В свою очередь, страны-члены НАТО также не проявляли большого желания принимать Россию в свои ряды. В феврале 1992 г. госсекретарь США Дж. Бейкер отверг предложение Б. Ельцина об установлении союзнических отношений между Россией и США, сославшись на то, что для достижения такого статуса необходим переходный период [12, с.72]. Скептически оценивали подобную перспективу и страны Западной Европы. Представители стран-членов НАТО обращали внимание на то, что Организация Североатлантического договора была создана для коллективной защиты от угрозы на европейском театре и абсолютно не приспособлена к тому, чтобы давать гарантии безопасности России — а это будет необходимо при ее членстве — от возможных угроз с азиатского направления [25, с.245].

Серьезной проблемой в отношениях России и НАТО стало расширение Альянса, принципиальное решение о возможности

которого было принято в январе 1994 г. Первоначально российское руководство не воспринимало возможность расширения НАТО как непосредственную угрозу. В сентябре 1993 г. Б. Ельцин во время посещения Польши, Чехии и Словакии сделал ряд заявлений, из которых можно было сделать вывод, что Россия не намерена противодействовать вступлению этих стран в Организацию Североатлантического договора. Схожую позицию занимал российский МИД. Российские дипломаты утверждали, что любое государство может обеспечивать свою безопасность так, как считает нужным, хотя обращали внимание на контрпродуктивность вступления стран ЦВЕ в НАТО без подключения России к деятельности Альянса [25, с.229].

Однако значительная часть российских «силовиков» трактовала расширение НАТО как угрозу российским интересам. Категорически против этого шага выступал, к примеру, глава СВР Российской Федерации Е. Примаков, утверждавший, что приближение инфраструктуры НАТО к российским границам приведет к снижению безопасности российского государства [25, с.229].

Б. Ельцин был вынужден считаться с мнением «силовиков». Его заявления о возможности приема в состав НАТО новых членов были быстро дезавуированы. В декабре 1994 г. министр иностранных дел РФ А. Козырев на сессии Совета НАТО отказался подписать двусторонние документы о параметрах взаимодействия Российской Федерации с Организацией Североатлантического договора в знак протеста против возможного ее расширения [35, с.183]. В марте 1995 г. российский президент подчеркнул, что Россия твердо намерена противодействовать расширению НАТО [12, с.241]. В 1994–1995 гг. российская сторона настойчиво убеждала страны, входившие в НАТО либо желавшие обрести членство в этой организации, пойти по пути расширения взаимодействия в рамках СБСЕ/ОБСЕ и сформировать на базе этой организации полноценную структуру, способную обеспечить безопасность всей Европы. Российские политики предлагали странам ЦВЕ сохранять нейтральный статус, подкрепленный перекрестными гарантиями безопасности со стороны России и стран НАТО и наличием каналов связи между СНГ и НАТО [16, с.202–203].

Однако российские предложения не встретили понимания в странах Европы и Северной Америки. Установка на расширение

Альянса сохранялась. В 1995 г. структуры НАТО пришли к выводу о целесообразности сохранения с Россией политического диалога при одновременном игнорировании российских пожеланий относительно создания общеевропейской системы безопасности. Единственной уступкой со стороны США и их союзников стало обещание осуществлять расширение Альянса постепенно [12, с.241].

Убедившись в том, что избежать расширения НАТО не удастся, российское руководство приступило к поиску адекватного ответа на действия Альянса. Осенью 1996 г. руководители Совета безопасности РФ (И. Рыбкин и Б. Березовский) предложили подключить Россию к политическим структурам НАТО [35, с.188]. Однако против подобного шага высказалось большинство депутатов российской Государственной думы, которые считали, что воспрепятствовать расширению НАТО можно с помощью усиления военной мощи российского государства и ускорения военно-политической интеграции на пространстве бывшего СССР [35, с.189]. В начале 1997 г. В нижней палате российского парламента возникло внефракционное объединение «АнтиНАТО».

Позицию российских парламентариев разделял и новый глава МИД РФ Е. Примаков, сменивший на этом посту А. Козырева в январе 1996 г. В декабре 1996 г. во время посещения штаб-квартиры НАТО он выступил против приближения инфраструктуры Альянса к российской территории и возможного включения в состав НАТО государств Балтии и других республик бывшего Советского Союза [25, с.250].

Идею расширения НАТО критически оценивали даже представители российского либерального спектра. Так, глава Администрации Президента РФ А. Чубайс в феврале 1997 г. назвал политику расширения НАТО «большой ошибкой», сославшись на то, что она приводит Россию к изоляции и, по сути, является выражением недоверия курсу на реформы, проводимому российским правительством [12, с.226].

Однако страны НАТО предпочли расширение на восток сохранению дружественных отношений с Россией. В качестве компромисса они согласились учесть российские требования относительно сокращения обычных вооруженных сил в Европе и пообещали не размещать ядерное оружие на территории новых членов Альянса [12, с.248–249].

В конце 1996 г. российское руководство примирилось с возможностью расширения НАТО, но потребовало оформить отношения России с Альянсом посредством подписания специального соглашения. В марте 1997 г. Б. Ельцин заявил: «Наша позиция не изменилась. Двигаясь в восточном направлении, НАТО совершает ошибку. Но я должен принять меры по нейтрализации отрицательных последствий для России. Я готов заключить соглашение с НАТО не потому что мне этого хочется, а потому что я вынужден пойти на это. На сегодняшний день нет другого решения» [12, с.252].

Разработка нового соглашения о взаимоотношениях России и НАТО началась в декабре 1996 г. После нескольких раундов консультаций и переговоров 27 мая 1997 г. В Париже в присутствии российского президента и руководителей стран НАТО был подписан основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. В этом документе определялись принципы, а также механизм и области консультаций и сотрудничества и военно-политические вопросы, требующие принятия совместных решений и совместных действий. В числе прочего предполагалось, что «при достижении в ходе консультаций консенсуса о принятии совместных решений и совместных действий по конкретным случаям» Россия и НАТО будут «участвовать на равноправной основе в планировании и подготовке совместных операций, включая миротворческие операции под эгидой Совета Безопасности ООН или в рамках мандата ОБСЕ» [8, с.263].

Подписание основополагающего акта поспособствовало созданию ряда структур по взаимодействию между Россией и НАТО. Функции по организации диалога возлагались на Совместный постоянный совет Россия – НАТО (СПС), который приступил к работе в сентябре 1997 г. И стал первым институтом для консультаций и практического сотрудничества между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора.

В феврале 1998 г. в Москве при Институте научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН) был открыт Центр документации НАТО. 18 марта 1998 года в Брюсселе начало работу Постоянное представительство Российской Федерации

при НАТО. В том же году в рамках Постоянного представительства была учреждена должность Главного военного представителя России при НАТО.

В мае 1998 года в Люксембурге на заседании СПС Россия – НАТО был подписан «Меморандум о договоренности в области научно-технического сотрудничества» между Россией и НАТО, предусматривавший поддержку совместных научных проектов с участием ученых из стран НАТО и России. Также был создан Совместный комитет научно-технического сотрудничества, первое заседание которого было проведено 19 ноября 1998 г. В Москве.

Более тесным стало взаимодействие между парламентариями России и стран-членов НАТО. В мае 1998 г. была создана совместная рабочая группа по наблюдению за развитием отношений между Россией и НАТО, в состав которой каждая из сторон направила по семь парламентариев [22, с.7]. Первая встреча группы состоялась в Брюсселе 29 октября – 1 ноября 1998 г.

В соответствии с Индивидуальной программой партнерства на 1998 год Россия выразила готовность принять участие в более чем 70 мероприятиях по 17 областям сотрудничества, в том числе в 10 совместных учениях [14, с.49]. Однако большая часть запланированных мероприятий не была выполнена из-за отсутствия необходимых финансовых средств в условиях финансового кризиса, охватившего Россию.

Подписание основополагающего акта расценивалось российскими властями как важный этап на пути преобразования отношений между Россией и НАТО в один из базовых элементов европейской архитектуры безопасности. Однако последующие события омрачили эти радостные настроения.

Вопреки ожиданиям в Москве, деятельность СПС не привела к выработке и принятию совместных решений по наиболее важным вопросам безопасности в Европе, поскольку натовцы рассматривали соответствующую структуру исключительно как место обмена мнениями и не считали нужным учитывать российскую позицию при принятии решений в области безопасности.

Расширение НАТО продолжилось. В июле 1997 г. руководители государств-членов НАТО и участников ПРМ в Мадриде одобрили

решение о приеме в Организацию Североатлантического договора Польши, Чехии и Венгрии. В марте 1999 г. эти страны вошли в состав Альянса. Однако натовцы не собирались останавливаться на достигнутом. В ходе Мадридского саммита Альянса в 1997 г. Польша, Чехия и Венгрия обязались оказать содействие приему в Альянс Литвы, Латвии и Эстонии [33, с.44]. Более того, польское руководство заговорило о желательности приема в НАТО Украины [33, с.44].

Подобные установки воспринимались в Москве с нескрываемым раздражением. Б. Ельцин отказался от участия в Мадридском саммите НАТО, дав понять, что не одобряет принимаемые на нем решения. Однако более серьезные противоречия между Россией и НАТО обозначились в 1998 г., когда структуры Альянса начали подготовку к военной операции против Югославии под предлогом защиты прав албанцев в Косово. Российское руководство выступало за сохранение территориальной целостности СРЮ и заявляло о недопустимости вовлечения НАТО в спор между сербами и албанцами. Руководители ключевых стран Североатлантического альянса придерживались иной точки зрения. Летом 1998 г. министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель предупредил Е. Примакова о готовности Альянса к решительным действиям и призвал российскую сторону не блокировать в Совете Безопасности ООН резолюцию с одобрением принудительных мер в отношении СРЮ [25, с.353–354]. Российская сторона продолжала упорствовать, но ее позиция не поколебала решимость стран НАТО довести дело до конца.

Начало военной операции НАТО в Югославии 24 марта 1999 г. В Москве было воспринято с крайней степенью раздражения. Действия НАТО были охарактеризованы как неприкрытая агрессия, разрушающая базовые принципы международного права [2, с.368]. По указанию президента РФ в Москву был отозван Главный военный представитель РФ при НАТО, приостановились российское участие в программе «Партнерство ради мира» и реализация программы партнерства России – НАТО, отложены переговоры об открытии военной миссии связи НАТО в Москве, прекратилась деятельность Центра документации НАТО [2, с.368]. На Тихоокеанском флоте прошли учения, которые сопровождались ракетными пусками из надводного и подводного положений, а также артиллерийскими

и торпедными стрельбами. Российская сторона объявила о проведении мероприятий по повышению боеготовности ряда частей, в первую очередь — разведки и выразила намерение направить в Средиземное море ряд кораблей Черноморского флота [2, с.369].

Единственной сферой, где Россия сохранила взаимодействие с НАТО, оставалась миротворческая операция в Боснии и Герцеговине, хотя определенные рокировки произошли и здесь. В частности, в Россию были отозваны сотрудники аппарата заместителя верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе по российской бригаде в Боснии и Герцеговине, а сама бригада выведена из подчинения объединенного командования НАТО.

Действия России натолкнулись на противодействие со стороны НАТО. Из штаб-квартиры Альянса последовали предупреждения о возможности жестких действий в отношении России в случае ее военной поддержки руководства СРЮ. На встрече с министром иностранных дел РФ И. Ивановым госсекретарь США М. Облбрайт заявила, что военная операция Альянса будет продолжаться до тех пор, пока Милошевич не примет условия НАТО [2, с.372].

Твердость стран-членов Альянса привела к изменению позиции Москвы. По признанию Е. Примакова, демонстрация жесткого неприятия действий НАТО была продиктована расчетом на возможность раскола между США и европейскими государствами в отношении военной операции Альянса на Балканах [26, с.153]. Убедившись в том, что раскола не произошло, Б. Ельцин 14 апреля 1999 г. поручил экс-премьеру В. Черномырдину подключиться к процессу мирного урегулирования в Югославии. Также российское руководство не стало направлять в Средиземное море группу кораблей Черноморского флота, ограничившись отправкой в зону конфликта разведывательного корабля «Лиман» [2, с.370].

Разработка условий мирного урегулирования на Балканах осуществлялась на основе натовских предложений. Вопреки предложениям Москвы в Косово были введены войска НАТО. Попытка российского руководства усилить свои позиции в споре с натовцами посредством переброски в аэропорт «Слатина» (в столице Косовского края г. Приштина) 200 десантников из состава миротворческого контингента в Боснии и Герцеговине, предпринятая

11 июня 1999 г., завершилась провалом, хотя едва не привела к столкновению между российскими и натовскими военнослужащими. После этого российское руководство окончательно смирилось с тем, что ключевую роль в процессе мирного урегулирования будет играть НАТО. В свою очередь, руководство НАТО согласилось допустить российских миротворцев в зону конфликта, разместив их в зонах ответственности ФРГ, Франции, США и Великобритании [2, с.375]. Российский военный контингент в Косово численностью до 3616 человек находился под оперативным контролем Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

Действия НАТО на Балканах привели к ухудшению имиджа Альянса в глазах российской общественности. В это время практически реанимировались старые штампы советской пропаганды об имманентной агрессивности блока НАТО. В свою очередь, руководство НАТО в конце 1999 г. осудило действия России в Чечне, призвав российское руководство «прекратить непропорциональное и неразборчивое применение силы» [29].

Впрочем, охлаждение отношений длилось недолго. 5 марта 2000 года В. Путин, отвечая на вопрос корреспондента Би-Би-Си о возможности вступления России в Североатлантический альянс, ответил: «А почему бы и нет?» [36]. Однако каких-либо конкретных действий в части присоединения к Альянсу это высказывание не повлекло. Комментируя высказывание президента относительно гипотетического членства России в НАТО, российский министр иностранных дел И. Иванов заявил, что В. Путин всего лишь подтвердил готовность России выстраивать партнерские отношения с НАТО и его слова не следует трактовать как стремление обрести членство в Альянсе [9].

Тем не менее, в 2000 г. сотрудничество России с НАТО было восстановлено. Вновь заработал механизм СПС. В феврале 2001 г. В Москве открылось информационное бюро Альянса.

В октябре 2001 г. российское руководство поддержало военную операцию НАТО в Афганистане, хотя от непосредственного участия в операции отказалось. Эта поддержка создала благоприятные предпосылки для активизации диалога между Россией и НАТО.

В ноябре 2001 г. в Москве побывал с визитом Генеральный секретарь НАТО Дж. Робинсон. На встречах с российскими руководителями он обсудил вопросы расширения взаимодействия России с НАТО, причем не исключал возможности предоставления России права вето по некоторым спорным вопросам [10].

В мае 2002 г. на авиабазе Пратика-ди-Маре возле Рима состоялся саммит Россия – НАТО. Результатом саммита стало подписание 28 мая 2002 г. Декларации Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств — Членов НАТО. Руководители России и государств-членов НАТО подтвердили решимость «строить совместно прочный и всеобъемлющий мир в евроатлантическом регионе на принципах демократии и безопасности, основанной на сотрудничестве, и принципе неделимости безопасности всех государств евроатлантического сообщества» [8, с.307].

Новым элементом сотрудничества стал Совет Россия – НАТО (СРН), заменивший СПС. Формально в рамках СРН российская сторона получила возможность контактировать не только с НАТО как единым блоком, но и с каждой страной — членом Альянса в отдельности. Первое заседание СРН состоялось в Москве в 2003 г.

В мае 2002 г. В дополнение к прежним структурам в Москве была открыта Военная миссия связи НАТО.

Приоритетными направлениями сотрудничества между Россией и НАТО в 2002 г. были объявлены борьба против терроризма; кризисное регулирование; нераспространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; контроль над вооружениями и меры укрепления доверия, ПРО ТВД; поиск и спасание на море; сотрудничество между военными и в сфере военных реформ; чрезвычайное гражданское планирование и реагирование; изучение возможностей противодействия новым угрозам и вызовам [8, с.308–310].

Результаты взаимодействия с НАТО были восприняты российской стороной с энтузиазмом. По мнению российского аналитика Д. Тренина, «если бы Буш-младший в октябре 2001 г. решил преобразовать НАТО в главный штаб международной антитеррористической коалиции и предложил Путину членство

России в таком союзе, российская сторона скорее всего ответила бы положительно. Прием России в западный альянс по инициативе самого Запада..., прием немедленный и безусловный (без сколько-нибудь длительного ожидания решения вопроса, без предварительного проведения в России военной реформы и других преобразований, без контроля ее соответствия «критериям членства»), прием, наконец, на условиях привилегированного статуса (Россия становится своего рода вице-президентом НАТО, устанавливая особые отношения с лидером Альянса – США) мог бы, вероятно, удовлетворить российские элиты» [30, с.247].

Рассчитывая на изменение отношений с НАТО, российское руководство и общественность достаточно спокойно восприняли решение о приеме в Альянс Болгарии, Румынии, Литвы, Латвии и Эстонии, принятое на саммите НАТО в Праге в ноябре 2002 г. (реально указанные страны присоединились к Альянсу в марте 2004 г.).

Однако очень скоро российское руководство убедилось в том, что в отношениях с НАТО принципиальных изменений не произошло. СРН, как и СПС, не стал местом принятия серьезных решений по вопросам безопасности. Не оправдались надежды российского руководства на возможность более тесного сотрудничества с отдельными странами-членами НАТО. Разногласия между руководителями отдельных стран НАТО относительно целесообразности проведения военной операции в Ираке в 2002–2003 гг. не стали серьезной помехой для проведения военной операции США и их союзников и свержения режима С. Хусейна. Во второй половине 2000-х гг. натовцы вновь стали выступать с консолидированных позиций и перестали рассматривать Россию в качестве надежного партнера, разделяющего ценности Альянса.

Несовпадение подходов обеих сторон сказывалось на конкретных результатах сотрудничества. Диалог между Россией и НАТО развивался преимущественно в рамках СРН. К началу 2006 г. при Совете действовало 20 комитетов, рабочих и экспертных групп, которые занимались вопросами обеспечения совместимости военных контингентов, систем противоракетной обороны и контроля за воздушным движением, укрепления потенциала реагирования на теракты, стихийные бедствия и другие чрезвычайные ситуации,

военно-технического сотрудничества, оборонных исследований и технологий [21]. В 2006 г. были проведены первые совместные учения между Россией и НАТО по стратегической связи. В июне 2006 г. Россия поддержала операцию НАТО в Средиземном море («Активные усилия»), направленную против международных террористов, отправив туда военные корабли Черноморского флота.

Вместе с тем, представители российских военных и политических кругов категорически отрицали необходимость членства России в НАТО. Весьма выразительно такой подход озвучил глава комитета Государственной думы по международным делам К. Косачев, который в интервью «Российской газете» в марте 2007 г. заявил: «России не стоит вступать в НАТО, потому что в нынешнем виде эта организация явно устарела и не приспособлена к решению тех проблем, с которыми сталкивается человечество (распространение оружия массового поражения, международный терроризм). И не может оказать нам содействие в решении таких проблем. В плане общей безопасности Россия самодостаточна и не нуждается в дополнительном "прикрытии" со стороны НАТО. Нереальной представляется и перспектива принятия самим НАТО на себя ответственности за охрану территории России от возможной агрессии» [34]. Отклоняя перспективу членства в НАТО, россияне выступали против приема в Организацию других стран СНГ, в первую очередь Грузии и Украины.

Дополнительную напряженность в отношении России с Альянсом вносил отказ стран-членов НАТО ратифицировать адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе, поддержать российские предложения по размещению на территории европейских стран НАТО элементов американской системы ПРО, официально признать ОДКБ.

Отсутствие взаимопонимания вызывало обоюдное раздражение сторон. В апреле 2008 г. В. Путин на заседании СРН в Бухаресте высказался за диалог с Альянсом, но заметил, что этот диалог будет продуктивным только при условии учета российских интересов [27]. Также он в очередной раз подчеркнул, что Россия не претендует на членство в Альянсе. «Мы с точки зрения безопасности являемся страной самодостаточной и не собираемся жертвовать частью своего

суверенитета для того, чтобы создавать иллюзию повышения безопасности», —отметил российский лидер [27].

Очередное и весьма существенное осложнение отношений России и НАТО произошло летом 2008 г. в условиях проведения российской военной операции в Грузии. Страны НАТО выразили сожаление по поводу «чрезмерного» применения силы со стороны России и выступили в поддержку Грузии. 19 августа 2008 г. Совет министров иностранных дел НАТО принял заявление о невозможности поддерживать с Россией нормальные отношения до тех пор, пока ее войска находятся на территории Грузии. Предложение российской стороны обсудить возникшую ситуацию на чрезвычайной сессии СРН была отклонено с подачи США, которые категорически отказывались контактировать с Россией до момента вывода ее войск с территории Грузии [28, с.239].

Российское руководство также заняло жесткую позицию по грузинскому вопросу. 21 августа 2008 г. российская сторона объявила о приостановке сотрудничества с НАТО по гуманитарным, научным и образовательным вопросам. Также по инициативе России были приостановлены военные контакты с НАТО, включая участие в операции «Активные усилия» в Средиземном море и работу по программе «Партнерство ради мира» [28, с.224–226]. 25 августа 2008 г. Президент РФ Д. Медведев заявил: «Мы достаточно долгое время последовательно развивали отношения с НАТО. Нам бы хотелось, чтобы эти отношения были полноценными и партнерскими. Но нам не нужно иллюзии партнерства: когда нас со всех сторон окружают базами, втягивают в Североатлантический блок все большее количество государств, а нам говорят: «да нет, не волнуйтесь, все в порядке». Нам это, естественно, не нравится. И уж тем более когда совершаются такие ограничительные действия, которые были совершены за последнее время. Мы их не провоцировали и их не хотели. Но если говорить серьезно, то в этом сотрудничестве прежде всего заинтересованы государства — участники Североатлантического альянса, а не Российская Федерация. И если они это сотрудничество, по сути, разрывают, то для нас ничего страшного не произойдет. Мы готовы принять любое решение вплоть до прекращения отношений в целом.

Хотя, конечно, это было бы самым трудным развитием событий. Я просто надеюсь, что наши партнеры задумаются над этим» [28, с.216].

Тем не менее, до полного разрыва отношений дело не дошло. Диалог между Россией и Североатлантическим альянсом поддерживался через Постоянное представительство РФ при НАТО, которое имело возможность осуществлять контакты с послами стран – членов НАТО. Продолжали действовать миссия военной связи НАТО в Москве и аппарат военпреда России в Брюсселе, рабочие группы при СРН. Также российская сторона выразила готовность сотрудничать с Альянсом по проблеме Афганистана, обратив внимание на то, что такое сотрудничество будет заморожено «только в случае совершенно неадекватных действий НАТО после решения президента России о признании Абхазии и Южной Осетии» [28, с.222].

В декабре 2008 г. руководство НАТО решило возобновить сотрудничество с Россией. Объясняя это решение, Генеральный секретарь Я. Схеффер сказал: «Россия — важный фактор геополитики, и у НАТО нет альтернативы взаимодействию с ней» [11]. Грузия и Украина так и не получили ПДЧ в НАТО, хотя натовцы подчеркивали, что оба государства в перспективе могут стать членами Альянса и создали специальные комиссии по работе с ними.

В январе 2009 г. состоялось неформальное заседание СРН на уровне послов. В феврале 2009 г. российское руководство санкционировало переправку грузов НАТО, предназначенных для Афганистана, по территории Российской Федерации. Это решение было подкреплено специальными соглашениями, которые Россия подписала с ФРГ, Францией, Испанией и США. Российский воздушный мост позволял США и НАТО при необходимости увеличить количество перевозок в Афганистан в два раза. Только США получили возможность осуществлять через российскую территорию до 4,5 тыс. рейсов в год и перевозить до 50 тыс. тонн грузов [13, с.674]. Комментируя эти решения, постпред России при НАТО Д. Рогозин заметил: «Поражение НАТО приведет к тотальному кризису внутри самого альянса. Это нас, может быть, мало касается, но это приведет к тому, что обнаглевшие от победы экстремисты самых разных мастей, прежде всего «Талибан», пойдут на север, они

пойдут в сторону России захватывать все новые и новые территории. Это создаст для нас угрозу реальных военных действий на южной границе. Поэтому мы объективно не заинтересованы в поражении НАТО в Афганистане» [28, с.245].

В марте 2009 г. структуры НАТО приняли решение о формальном возобновлении диалога с Россией. 24 апреля 2009 г. официально возобновилась деятельность СРН.

В августе 2009 г. Генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен заявил, что Альянс придает большое значение диалогу с Россией и не рассматривает ее в качестве врага [23]. В качестве наиболее перспективных направлений сотрудничества с Россией руководство НАТО определяло борьбу с международным терроризмом, пиратством, нераспространение оружия массового уничтожения и совместные усилия по урегулированию ситуации в Афганистане.

В декабре 2009 г. в Москве прошло заседание СРН на уровне министров иностранных дел. В работе заседания принял участие Генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен, который охарактеризовал состоявшиеся переговоры как шаг к стратегическому партнерству [19]. Однако встреча дипломатов сопровождалась горячими спорами по вопросам ДОВСЕ, Южного Кавказа, евроПРО. Российская сторона отказалась от участия в операции НАТО в Средиземном море и планировании военных операций НАТО в Афганистане. В свою очередь, натовцы отклонили российское предложение о создании всеобъемлющей системы европейской безопасности [6; 19]. Тем не менее, участники переговоров высоко оценили сам факт их проведения и даже выражали удовлетворение «продуктивным характером» обсуждения проблем [19].

В январе 2010 г. Россия и НАТО возобновили сотрудничество в военной сфере, проведя встречу начальников генштабов. В ноябре 2010 г. Президент РФ Д. Медведев принял участие в заседании СРН и заявил, что «период разногласий и претензий завершился» [24].

Очередная «оттепель» в отношениях России с НАТО сопровождалась дискуссией в военных и политических кругах стран-членов НАТО о возможности подключения России к Североатлантическому альянсу.

Отзвуки этой дискуссии нашли отражение в докладе аналитического центра ИНСОР, близкого к Д. Медведеву, опубликованном в октябре 2010 г. Составители доклада выступали за сближение России с НАТО. «Мы исходим из реалий: альянс остается ключевым геополитическим и силовым фактором, который влияет на ситуацию у наших границ и на нашу безопасность. И отношение России к НАТО, которое было противоречивым и непоследовательным, должно быть основано на прагматизме и политической целесообразности, на национальных интересах, которые состоят в том числе в необходимости реализации модернизационного проекта. Это диктует стратегию и тактику действий по выстраиванию, по возможности, позитивных и стабильных отношений на обозримую перспективу. Эти действия следует ориентировать на стимулирование стартового процесса серьезной трансформации альянса в благоприятном для обеих сторон ключе. Роль России в этом процессе и в новых условиях должна рассматриваться как одна из важнейших», – говорилось в докладе [5, с.4–5].

Однако большая часть российских политиков и экспертов отнеслась к возможному членству России в Альянсе скептически, обращая внимание на неспособность НАТО надежно обеспечить российскую безопасность в условиях повышения значимости государств Азии в международных делах. Также с их стороны звучали утверждения, что гипотетическое членство России в НАТО может привести к росту напряженности в российско-китайских отношениях [18]. В этой связи предпочтение отдавалось созданию новой архитектуры безопасности, в которой Россия могла бы взаимодействовать с НАТО на равных [17, с.10–11]. Впрочем, даже эксперты ИНСОРа признавали, что «вероятность образования союзнических отношений [между Россией и НАТО] в настоящее время оценивается как более реальная в обозримом будущем, чем интеграция России и альянса» [5, с.24].

В некоторых случаях предпринимались попытки обозначить условия диалога между Россией и НАТО, способного привести к созданию союза между ними в отдаленной перспективе. К числу таковых были отнесены:

- отказ от дальнейшего расширения НАТО на восток без согласия России;
- создание специальной экспертной группы по вопросам сближения России и НАТО;
- обсуждение новой архитектуры европейской безопасности, предложенной Россией;
- создание крупного совместного корпуса быстрого реагирования ОДКБ–НАТО для миротворческих и других операций вне Европы (в том числе в Афганистане) и аналогичного контингента России–ЕС (в рамках ЕПБО) для действий на Европейском континенте;
- совместная оценка ракетных угроз и сотрудничество в разработке и развертывании систем ПРО США, ЕС и России;
- совмещение систем обнаружения, сопровождения и перехвата противовоздушной обороны НАТО и ОДКБ;
- перемещение всех тактических ядерных средств с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения;
- «технический компромисс» по ДОВСЕ;
- заключение многостороннего договора об ограничении обычных вооруженных сил и вооружений в 100-километровой зоне по обе стороны российско-китайской границы [1].

Однако в 2011 г. дискуссия о возможности членства России в Альянсе прекратилась. Превалирующей стала точка зрения, высказанная в январе 2011 г. в редакционной статье газеты «Вашингтон Таймс». Авторы статьи, в частности, утверждали: «Если бы Россия стала членом НАТО, это полностью выхолостило бы самую суть организации. Можно было бы ожидать, что Россия станет чинить препятствия везде, где только это возможно, интересам США, как это ныне происходит в Организации Объединенных Наций и в других межнациональных организациях. Основным интересом для России в составе НАТО стало бы установление контроля над блоком, его развал и вытеснение из его состава Соединенных Штатов Америки. Восточно-европейские страны-члены НАТО отнеслись бы к включению Москвы в состав блока как к предательству. А поскольку сотрудничество с Россией возможно и вне рамок НАТО, например,

в предоставлении линий снабжения войск Международным силам содействия безопасности в Афганистане, польза от введения Москвы под крышу НАТО сводится к нулю» [20].

Как следствие, компоненты двустороннего взаимодействия существенных изменений не претерпели. Согласно, «дорожной карте» сотрудничества до 2014 г., одобренной в начале 2012 г., Россия и НАТО выражали намерение продолжать сотрудничество преимущественно в сферах тылового обеспечения, борьбы с морским пиратством и терроризмом, поиска и спасания на море, военно-академических обменов, противоракетной обороны [3]. Показательным стало решение об отмене заседания СРН в марте 2012 г. «из-за крайне загруженного политического календаря в России» [4]. Заседание состоялось только в декабре 2012 г. на уровне министров иностранных дел. Главным его результатом стало одобрение рабочей программы Россия – НАТО на 2013 год.

В целом же можно отметить, что Россия и НАТО пытаются поддерживать конструктивный диалог, но атмосфера доверия в их отношениях отсутствует и на практике они выступают в роли геополитических соперников с несовпадающими интересами, различными ценностями и сохраняющимися стереотипами прошлого. Несовпадение интересов и ценностей приводит к сохранению разногласий. Наиболее проблемными к началу 2013 г. в отношениях России с НАТО оставались вопросы евроПРО, ДОВСЕ, Грузии, Сирии, Ирана. Не был устранен из двусторонней повестки дня и вопрос о возможности приема в Альянс стран СНГ (Грузии, Украины и Молдовы), хотя острота его в сравнении с 2007–2008 гг. снизилась.

В свете вышесказанного можно выстроить четыре сценария развития отношений России с НАТО:

Сценарий №1. Быстрое вступление России в НАТО в соответствии с критериями Альянса.

Сценарий №2. «Вползание» России в НАТО в условиях создания новой системы европейской безопасности и адаптации вооружений и принципов организации российских вооруженных сил к натовским стандартам.

Сценарий №3. Сосуществование России с НАТО, сопровождаемое ситуативным взаимодействием по вопросам, представляющим обоюдный интерес.

Сценарий №4. Конфронтация России с НАТО с применением вооруженных сил.

Из перечисленных сценариев наиболее реалистичным выглядит сценарий №3. Для реализации прочих сценариев у России и НАТО не хватает политической воли для существенного расширения сотрудничества и возможностей для силового навязывания друг другу своих подходов. В значительной мере перспективы диалога между Россией и НАТО зависят от состояния отношений России с США – центральным звеном Альянса. В настоящее время эти отношения остаются непростыми и рассчитывать на их улучшение в краткосрочной, а возможно, и в среднесрочной перспективе, не приходится. Соответственно, нет оснований ожидать и сколь-нибудь серьезных перемен в отношениях России с НАТО.

Литература

1. Арбатов, А. Москва–Брюссель: вопросы остаются / А. Арбатов, В. Дворкин, С. Ознобищев // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. — 02.07.2010. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-07-02/1_msk_brussels.html. — Дата доступа: 02.07.2010.
2. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. — М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2005. — 432 с.
3. Бартош, А. Развитие концепции партнерства России и НАТО / А. Бартош // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. — 27.04.2012. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-04-27/1_nato.html. — Дата доступа: 03.05.2012.
4. Бенедикт, К. Россия заслуживает членства в НАТО / К. Бенедикт // ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс]. — 16.05.2012. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/europe/20120516/192066334.html>. — Дата доступа: 16.05.2012.
5. Бужинский, Е.П. О перспективах развития отношений России и НАТО / Е. П. Бужинский, С. А. Кулик, А. И. Никитин, Т. Г. Пархалина,

М. Л. Энтин, И. Ю. Юргенс / Под общ. ред. И. Ю. Юргенса и С. А. Кулика. – М., ИНСОР, 2010. — 71 с.

6. Вигнанский, М. НАТО в поисках смысла / М. Вигнанский, Е. Супонина // Время-МН [Электронный ресурс]. — 07.12.2009. — Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2009/225/5/243214.html>. — Дата доступа: 11.12.2012.

7. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность СССР (апрель 1985 – октябрь 1989 г.). Обзор МИД СССР // Международная жизнь. — 1989. — №12. — С.3–117.

8. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4 томах / Сост. Т. А. Шаклеина. Т.IV. Документы. — М.: МГИМО(У) МИД России; Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование), «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 544 с.

9. Выдержки из стенограммы интервью Министра иностранных дел России И. С. Иванова телепрограмме «Герой дня» (НТВ) // Министерство иностранных дел России [Электронный ресурс]. — 06.03.2000. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/nsdos.nsf/8aa6d005cdff4b79432569e70041fdc5/432569d800223f3443>. — Дата доступа: 07.12.2005.

10. Генсек НАТО впервые заявил, что России могут дать право вето на решения Альянса / NEWSru.com [Электронный ресурс]. — 22.11.2001. — Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/22nov2001/robertson_zayva.html. — Дата доступа: 05.02.2006.

11. Генсек НАТО оправдывает поворот лицом к России / ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс]. — 04.12.2008. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/245818.html>. — Дата доступа: 04.12.2008.

12. Голдгейр Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» / Дж. Голдгейр, М. Макфол. — М.: Междунар. отношения, 2009. — 520 с.

13. Данилов, Д. А. Россия и основные международные организации на евро-атлантическом пространстве / Д. А. Данилов, В. В. Журкин // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. — М.: Изд-во «Весь мир», 2011. — 752 с. — С.651–700.

14. Ивашов, Л. Россия – НАТО / Л. Ивашов // Международная жизнь. — 1998. — № 9. — С. 43–51.

15. История дипломатии. В 5 т. Т. 5: Кн. 1 / Аникин А. С., Белецкий В. Н., Богуш Е. В., Громыко А. А., и др.; Под ред.: Громыко А. А., Земсков И. Н., Зорин В.А., Семенов В.С., Харламов М.А. — М.: Госполитиздат, 1974. — 750 с.
16. Козырев, А. В. Преображение / А. В. Козырев. — М.: Междунар. отношения, 1994. — 336 с.
17. Косачев, К. И. Ценности ради объединения. Россия, НАТО и новая архитектура безопасности / К. И. Косачев // Россия в глобальной политике. — 2010. — Т.8. — №2. — С.8–16.
18. Лукьянов, Ф. Зачем России НАТО? / Ф. Лукьянов // ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс]. — 15.12.2010. — Режим доступа: http://inosmi.ru/op_ed/20101215/164942971.html. — Дата доступа: 15.12.2010.
19. НАТО и Россия возобновили сотрудничество // BBC Russian [Электронный ресурс]. — 05.12.2009. — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/12/091204_russia_nato_resumption.shtml. — Дата доступа: 05.12.2009.
20. Несносное НАТО // ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс]. — 11.01.2011. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/europe/20110111/165534314.html>. — Дата доступа: 12.01.2011.
21. Отношения РоссияНАТО // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — 17.05.2006. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/nsdos.nsf/8aa6d005cdf4b7943256> — Дата создания: 23.07.2009.
22. Официальная хроника // Новости НАТО. — 1998. — Т.2 — №3. — С.7.
23. Поросков, Н. Приоритет номер два. Новый генсек НАТО намерен сделать альянс и Россию стратегическими партнерами / Н. Поросков // Время-МН [Электронный ресурс]. — 04.08.2009. — Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2009/138/5/234461.html>. — Дата доступа: 10.08.2009.
24. Пресс-конференция по итогам заседания Совета Россия–НАТО // Президент России [Электронный ресурс]. — 20.11.2010. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/9570>. — Дата доступа: 14.01.2013.
25. Примаков, Е. М. Годы в большой политике / Е.М. Примаков — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. — 448 с.
26. Примаков, Е. М. Восемь месяцев плюс... / Е. М. Примаков. — М.: Мысль, 2001. — 238 с.
27. Путин призвал НАТО учитывать интересы России // BBC Russian [Электронный ресурс]. — 04.04.2008. — Режим доступа:

http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr//hi/russian/international/newsid_7330000/7330643.stm.

— Дата доступа: 04.04.2008.

28. Рогозин, Д. О. НАТО точка Ру / Д. Рогозин. — М.: Эксмо : Алгоритм, 2009. — 288 с.

29. Сессия Североатлантического совета на уровне министров обороны // Вестник НАТО. — 2000. — Т. 48. — Приложение. D.8–11.

30. Тренин, Д. В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» / Д. Тренин; Моск. центр Карнеги. — М.: Изд-во «Европа», 2006. — 404 с.

31. Тренин, Д. В. Post-imperium: евразийская история / Д. Тренин; Моск. центр Карнеги. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 326 с.

32. Фененко, А. Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты / А. Фененко // Pro et Contra. — 2001. — Т.6. — №4. — С.59–73.

33. Часноўскі, М.Э. Краіны Сярэдняй Еўропы ў 1990-я гг. У 2 ч. Ч.1. / М.Э. Часноўскі Мінск: БДУ, 2002. — 150 с.

34. Юрьева, Д. Вступать ли России в НАТО? / Д. Юрьева, Н. Сорокина // Российская газета [Электронный ресурс]. — 30.03.2007. — Режим доступа: <<http://www.rg.ru/2007/03/30/nato.html>>. — Дата доступа: 06.04.2007.

35. Юрьева, Т. В. Россия и НАТО / Т.В. Юрьева // Внешняя политика Российской Федерации. — М.: МГИМО (У), «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), - 2000. — 328 с. — С.171 – 201.

36. Chechen resistance broken, says Putin // BBC News [Electronic resource]. — 05.03.2000. — Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/666501.stm>. — Date of access: 02/01/2013.

НОВЫЙ ВИД УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*А.А. Челядинский, Белорусский государственный
университет, профессор*

В своем выступлении на семинаре «Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире» 13 декабря 2012 г. представитель Департамента общественной дипломатии НАТО П.Лунык в качестве примера образцовой политики альянса привел успешную защиту блоком независимости Косово. На наш взгляд, данный пример говорит об обратном, поскольку был открыт т.н. «ящик Пандоры», из которого посыплются в ближайшей перспективе угрозы не только европейской, но и международной безопасности. Нам уже приходилось писать о том, что большинство локальных вооруженных конфликтов в 90-е гг. XX – начале XXI вв. приобрели форму межнациональных войн с использованием этнических чисток при одновременной пропаганде национальной и конфессиональной исключительности [1].

Развитие ситуации в различных районах мира подтверждает такой вывод. Более того, возникла новая тенденция, грозящая опрокинуть сложившийся миропорядок – этнический сепаратизм, на который долго не обращали внимание, прежде всего потому, что игнорировались со стороны НАТО его исторические предпосылки. В качестве примеров стран, в которых существовали и существуют этнические и сепаратистские тенденции, осложненные абсолютизацией двух принципов Устава ООН “территориальной целостности государств” и “права народов на самоопределение”, можно привести такие квазигосударства, как Турецкую Республику Кипр, Косово, Абхазию и Южную Осетию, Нагорный Карабах, Приднестровье, Валонию, Страну Басков, Каталонию, Шотландию и т.д.

Сегодня уже можно согласиться с российским исследователем Г.И.Мирским, который выделил три вида этноконфликтов. Во-первых, конфликты, связанные с долгими антагонизмами этнических групп (армяне – азербайджане, сербы – хорваты – босняки, курды – турки, евреи – палестинцы, курды – арабы. Присутствует “наследие крови”, которое всегда может привести к насилию. Во-вторых, длительная взаимная отчужденность, которая, однако, могла или

может не доходить до насилия (грузины – абхазы и осетины, франко-канадцы – англо-канадцы, валоны – фламандцы, кашмирцы – пакистанцы – индийцы и т. д.). В-третьих, конфликты между этническими группами, отношения между которыми были вполне нормальными раньше (узбеки – киргизы, русские – латыши, русские – эстонцы, украинцы – татары – русские и т. д.) [2].

В современной Европе наиболее острой проблемой является возможность цивилизованного развода одного из членов НАТО — Бельгии, где сосуществуют три сообщества (валлоны, фламандцы, немцы) и три региона (Фландрия — север, Валлония — юг и Брюссель, который является тоже яблоком раздора). Валлоны считают себя более культурными, развитыми, а фламандцы – процветающими и богатыми. За последние 10 лет предпринимались попытки превратить страну в конфедерацию при сохранении общей денежной единицы и оборонной политики. Сегодня обсуждаются разные варианты развода, при этом франкофоны все чаще выступают за статус-кво [3].

Но главным перекрестным полем геополитики остается Африка — и не только тропическая или южная, но и северная, где после свержения режима М.Каддафи Ливия фактически распалась на три части. Уникальная ситуация в Западной Сахаре, поскольку речь идет не об этническом конфликте (там и там – арабы), а о государственном. Казус Сахарской Арабской Демократической Республики и в том, что ее признание необычно в практике международного права. Ее признали де-юре 47 стран. Де-факто 26 государств, в том числе Россия и Великобритания. 17 стран выступают за автономию в составе Марокко, включая США. Против независимости САДР — 22 государства. САДР входит в Африканский Союз, но не принята в Лигу арабских государств. ООН считает Западную Сахару «недеколонизованной территорией» [4].

Подводя итог, отметим, что сегодня ни одна международная или региональная организация, включая НАТО, не может дать ответа на вопрос: как практически сочетать самоопределение народов, сохранив при этом целостность государства. Возникает, особенно в Азии и Африке много описанных ситуаций и силой эту проблему можно только загнать вглубь, но не решить.

Литература

1. Челядинский А. А. Национализм и международные отношения // Журнал международного права и международных отношений. 2011. №1. — С. 37.
2. Мирский Г. И. На развалинах империи. Этнические и национальные проблемы в бывшем Советском Союзе. — М., 2000. — С. 17-18.
3. Электронный ресурс. — 2012. — Режим доступа: <http://www.gentv.be/allichage.php?chaine=VTM>. — Дата доступа: 06.01.2013.
4. Болотникова, О.Р. Этносепаратизм и его перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2011. №5. — С.38.

**Часть II. Материалы международного семинара
«Внешняя политика США в период
администрации Б. Обамы»
(Минск, 14 марта 2013 г.)**

Контурсы внешней политики новой администрации Б. Обамы

*А. А. Розанов, Белорусский государственный университет,
профессор*

Барак Обама уже во время своего первого президентского срока отказался от ключевой установки администрации Джорджа Буша-мл., в соответствии с которой Соединенные Штаты способны переделать мир по собственным лекалам с помощью подавляющей военной мощи. В эфире американского национального радио (NPR) накануне своего визита в Саудовскую Аравию и Египет лидер США подчеркнул: «Мы не собираемся заставлять страны принимать различные наши ценности, поучая их или используя военные средства».

Было сдано в архив и исходное для Буша представление о том, что «глобальная война против терроризма» должна оставаться доминантой внешней и военной политики США на обозримую перспективу. Само выражение G^WoT было признано неадекватным, представители администрации Б.Обамы намеренно перестали им пользоваться, сегодня оно вообще не фигурирует в официальных документах США.

Вместо этого президент Б.Обама отдал предпочтение дипломатии и диалогу, считая их важнейшими рычагами усиления американского влияния и улучшения международного имиджа США, особенно в мусульманском мире. Выступление Обамы в Каирском университете с изложением нового подхода Соединенных Штатов к проблемам Ближнего и Среднего Востока было призвано продемонстрировать серьезность намерений американской администрации в отношении пересмотра прежней тупиковой линии США в этом регионе.

Активизация дипломатического инструментария, чему Белый дом стал уделять все более заметное внимание, требовала подкрепления соответствующими материальными ресурсами.

Поэтому уже в бюджетном запросе администрации Обамы на 2010 фин. г. на нужды Госдепартамента США и Агентства США по международному развитию (USAID) предусматривалось выделение средств на 4,1 млрд. долл. больше, чем в 2009 фин.г. (Примечательно, что совокупный бюджет Госдепартамента и USAID составляет примерно одну десятую часть бюджета Пентагона – и этим сказано многое).

В бюджет 2010 г. были заложены средства для создания 1226 новых должностей во внешнеполитическом аппарате. Количество работников заграничной службы США (примерно 6600 дипломатов) в течение трех лет должно было возрасти на одну четверть, а число сотрудников USAID (их было тогда чуть более 1000 человек) должно было удвоиться в связи с намеченным увеличением в два раза помощи Соединенных Штатов другим странам к 2015 г.

Как пояснил тогдашний заместитель госсекретаря США по управлению и ресурсам Джейкоб Лью, дипломатическая служба страны не располагает необходимыми средствами для выполнения стоящих перед ней задач, чем и обусловлена потребность постепенного наращивания дипломатических кадров. Действительно, 7600 человек, работавших в Госдепартаменте и USAID, – вовсе не так много, если сравнить это количество с персоналом, скажем, министерства обороны США (соотношение выглядело как 1:180). Сам глава Пентагона (в то время) Роберт Гейтс заметил, что общее количество всех сотрудников заграничной службы США равно персоналу только одной (из имеющихся 11) ударных авианосных групп ВМС США. Известно и другое сравнение, использованное агентством «Рейтер»: число одних только американских военных музыкантов превышает количество профессиональных дипломатов.

Следует заметить, что при республиканцах (правда, в основном из-за жесткой позиции Конгресса США) количество американских дипломатов и дипломатических постов Соединенных Штатов в мире лишь сокращалось. Ведь, к примеру, в годы войны во Вьетнаме только в USAID насчитывалось 15 тыс. сотрудников.

В постепенно возраставшем бюджете Госдепартамента закладывались средства на повышение подготовки американских дипломатов по иностранным языкам, прежде всего на расширение

изучения таких языков, как арабский, китайский и хинди, что отражало изменение в приоритетах географического распределения сотрудников заграничной службы США.

Акцент администрации Обамы на укрепление дипломатического инструмента позволял предположить, что курс Соединенных Штатов в международной системе станет более сбалансированным, менее милитаризованным. Так оно в принципе и произошло — Обама взял курс на свертывание американского военного присутствия в Ираке (все войска были выведены к концу декабря 2011 г.) и постепенный вывод войск США из Афганистана к концу 2014 г.

Администрация (в лице госсекретаря Хилари Клинтон) взяла на вооружение концепцию «умной силы», разработанную профессором Гарвардского университета Джозефом Наем, бывшим деканом Школы управления имени Джона Кеннеди в Гарварде. Дж. Най, как известно, ранее (в 2004 г.) сформулировал концепцию «мягкой силы» в противовес силе «жесткой». «Умная сила», если говорить упрощенно, означает рациональное, разумное сочетание «мягкой» и «жесткой» силы в интересах достижения поставленных целей.

Концепция «умной силы» получила наиболее выпуклое выражение в подготовленном в 2010 г. «Четырехгодичном обзоре дипломатии и развития» (QDDR) – по аналогии с четырехгодичным обзором в области обороны, который готовится Пентагоном уже давно. QDDR вполне можно записать в актив Хилари Клинтон, он по праву может считаться ее нововведением. Сама же Хилари Клинтон оказалась довольно успешным госсекретарем, хотя никаких существенных прорывов на дипломатическом поприще за годы, когда она возглавляла Госдепартамент, все же не произошло, - однако не было допущено и серьезных ошибок.

«Политбюро»

По мнению многих американских экспертов, решающее влияние на формирование внешнеполитического курса США первой администрации Б.Обамы оказывали не умудренные деятели с богатым жизненным опытом, такие как Хиллари Клинтон, Роберт Гейтс, Джеймс Джонс (в первое время помощник президента по национальной безопасности), а группа молодых, энергичных ближайших сподвижников Барака Обамы, оформившаяся еще в ходе

предвыборной президентской гонки. В американских СМИ ее окрестили «политбюро» – по аналогии с руководящим партийным органом, когда-то принимавшим все основные решения в СССР.

Группа состояла из самого президента Обамы, тогдашнего главы аппарата сотрудников Белого дома Рэма Эмануэля, главного советника президента Дэвида Аксельрода, видного функционера Совета национальной безопасности (СНБ) Дениса Макдоноу, руководителя аппарата СНБ Марка Липперта. В нее также входили постоянный представитель США при ООН Сюзэн Райс (Обама выдвигал ее на пост госсекретаря перед Джоном Керри, но республиканцы заняли в отношении ее крайне негативную, непримиримую позицию), которая была главным советником Обамы по внешней политике в ходе избирательной кампании, и представитель президента по связям с Конгрессом США Джим Мессина. Утверждалось, что именно «политбюро» в обход правительственных ведомств разрабатывало важнейшие решения в сфере международной политики.

Американские аналитики считали эту узкую группу творцов политической линии администрации «недостаточно грамотной» и «все еще находящейся в режиме предвыборной кампании». Источники из американского дипломатического ведомства выражали обеспокоенность тем, что принимаемые этой группой внешнеполитические решения были нередко нацелены в первую очередь на создание благоприятного внешнего впечатления, соответствующего воздействию на американскую публику.

Следует учитывать, что по Конституции США именно президент несет всю ответственность за разработку общей политической линии и принимаемые решения, а члены кабинета и ближайшие его сподвижники по своему формальному статусу – не более чем советники главы Белого дома. Личность самого президента, особенности его стиля руководства — ключевые факторы, влияющие на формирование контуров политики конкретной администрации.

Барак Обама, конечно же, выделяется на фоне других президентов США последних десятилетий своей целеустремленностью, интеллектуальным потенциалом, несомненной харизмой. По высказываемому в Соединенных Штатах мнению,

Обама — самый красноречивый из американских президентов после Рональда Рейгана, он мастерски владеет искусством слова, методами проникновенного воздействия на аудиторию.

Как писал еженедельник Newsweek, между Обамой и Рейганом есть нечто общее и в фундаментальном плане: сходный подход к потенциалу президентской власти. Рональд Рейган полагал, что задача президента – формулировать крупные идеи, меняющие правила игры (положить конец «холодной войне», освободить мир от ядерного оружия). Рейган считал отдельной и крайне важной задачей президента произнесение ярких, запоминающихся речей. Начиная со своего пафосного выступления о «звездных войнах» в 1983 г. («Не лучше ли спасти жизни, чем мстить за их утрату?») и заканчивая памятным берлинским призывом в 1987 г. («Господин Горбачев, снесите эту стену!»), Рональд Рейган наглядно показал, как можно задавать тон и условия дискуссии по самым разным вопросам.

Очевидно, что и Барак Обама видел свою важнейшую задачу в том, чтобы предлагать «большие идеи» – и пусть другие размышляют, как к этому приспособиться. В своих выступлениях в Праге, Каире, Москве и Аккре (Гана) он ярко очертил повестку дня внешней политики США и международных отношений. Чего стоит один только призыв Обамы, сформулированный в его выступлении в Праге, продвигаться к миру без ядерного оружия! Даже в стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Лиссабоне, такого рода установка нашла отражение, чего раньше никогда не было.

«Доктрина Обамы»

Можно ли говорить, что за годы первой администрации Б. Обамы сформировалась некая «доктрина Обамы»? В публицистических и аналитических статьях экспертов США разной политической ориентации такое выражение иногда употребляется, нередко с негативным оттенком (это имеет место, например, в колонках маститого обозревателя Чарльза Краутхаммера на страницах влиятельной The Washington Post)

По отдельным направлениям внешней политики подвижки были довольно наглядными. Например, уже 5-й саммит Организации американских государств (ОАГ) в городе Порт-оф-Спейн в островном

государстве Тринидад и Тобаго новая администрация США попыталась использовать в качестве отправной точки для перестройки курса Соединенных Штатов в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Накануне саммита Барак Обама публично пообещал открыть новую страницу в отношениях между США и странами региона. Соединенные Штаты, по его словам, будут относиться к странам Латинской Америки и Карибского бассейна как к равноправным партнерам. «Я обещаю вам, что мы будем стремиться к равноправному партнерству, основанному на принципах взаимного уважения, общих интересах и ценностях. В наших отношениях не должно быть старших и младших», – подчеркнул глава Белого дома. Это высказывание произвело должное впечатление.

На пресс-конференции в Порт-оф-Спейн один из журналистов поинтересовался у президента США, можно ли говорить о каких-то характерных чертах «доктрины Обамы», имея в виду положения и позиции, сформулированные американским лидером на встрече G20 в Лондоне, в ходе юбилейного саммита НАТО в Страсбурге – Келе, в рамках саммита США–ЕС в Праге и на этом «саммите Америк». И хотя президент США уклонился от того, чтобы дать четкое описание своей доктрины, он все же выделил наиболее существенные моменты, которые надо иметь в виду в контексте внешнеполитических приоритетов его администрации.

Прежде всего, это тезис о том, что являясь наиболее мощной и влиятельной державой в мире, Соединенные Штаты все же не могут решать международные проблемы в одиночку и только на основе своих собственных подходов. Другие государства, даже небольшие, могут иметь оригинальные идеи, которые необходимо учитывать. США, таким образом, должны прислушиваться к иным мнениям, а не просто навязывать свою волю.

Во-вторых, продолжал Обама, лидерство Соединенных Штатов на мировой арене должно осуществляться на основе силы примера, привлекательности идеалов. При этом он упомянул такие ценности, как демократия, свобода слова и религии, развитие гражданского общества и ограничение вмешательства государства в жизнь граждан.

Кроме того, по мнению Барака Обамы, необходимо отбросить старые стереотипы и идеологические догмы, которые мешают видеть мир таким, каким он есть на самом деле, затуманивают верное определение перспектив. Союзникам Америки, сказал президент США, будет легче иметь дело с нами, когда они увидят, что «мы не застыли в рамках политических установок, созданных еще до того, как я родился».

И, наконец, не следует преувеличивать значение тех или иных знаков и действий и усердно выискивать в них скрытый смысл. Иногда рукопожатие – это только рукопожатие, а подаренная книга – просто подарок, не более того, дал понять Барак Обама. Дело в том, что среди республиканцев и в консервативной прессе США был поднят шум по поводу рукопожатия Обамы и Уго Чавеса, когда они случайно столкнулись в зале заседания. «Я хочу быть твоим другом», – приветствовал коллегу Уго Чавес, а Барак Обама по-испански спросил, как дела у его собеседника.

Позднее глава Венесуэлы преподнес американскому президенту популярную среди латиноамериканских левых книгу уругвайского публициста Эдуардо Галеано «Вскрытые вены Латинской Америки: пять веков грабежа континента», в которой повествуется о пяти столетиях ограбления латиноамериканских народов сначала испанскими завоевателями, а затем Соединенными Штатами...

Известно, как жестко и резко высказался Уго Чавес с трибуны ООН о президенте Дж.Буше-мл.(«вчера здесь стоял дьявол»). В отношении Барака Обамы Уго Чавес был в общем и целом корректным.

Новый президентский срок Обамы: что впереди?

Как правило, когда президент США избран на второй срок, он больше задумывается над тем, чтобы оставить свой след в истории, а не над тем, какое впечатление произвести на публику — ему уже не придется снова избираться. Обама, правда, уже и так оставил свой след в истории тем, что он первый чернокожий президент США, а также благодаря своим крупным проектам: внутри страны это масштабная реформа системы здравоохранения, а в области внешней политики - акцент на ядерную безопасность, ядерное нераспространение (пражский договор по СНВ с Россией в апреле 2009 г., саммит по ядерной безопасности в Вашингтоне в апреле 2010 г. и т. д.).

Как представляется, вряд ли стоит ожидать каких-либо резких движений, серьезных подвижек во внешнеполитическом курсе Обамы во время его второго президентского срока. Скорее всего, в основном сохранятся те акценты, которые уже были обозначены в 2009-2012 гг., а именно: смещение интереса в сторону АТР, определенная «деевропеизация» внешней и военной политики, ужесточение соперничества с Китаем как наиболее серьезным конкурентом с точки зрения международного влияния. (В самый разгар холодной войны, в середине 70-х гг., ВВП СССР, рассчитанный по паритету покупательной способности, составлял 57% ВВП США, в 2011 г. тот же показатель у Китая был уже 75%).

Показательно и то, кто оказался в новой команде Обамы на ключевых позициях в области внешней и военной политики: Джон Керри, Чак Хейгел и Джон Бреннан. Как известно, Денис Макдоноу сохранил свою должность помощника президента США по национальной безопасности, но он, собственно, особо не выделяется в качестве какого-то стратега, а является просто отменным функционером и близким к Обаме человеком.

Когда Дж.Керри первый раз появился в Госдепартаменте США в качестве госсекретаря, он позволил себе следующую шутку: «Итак, главный вопрос за последние восемь лет: способен ли мужчина управлять Госдепартаментом?». Вопрос не был лишен актуальности. Накануне газета The Washington Post провела опрос и выяснила: за годы, что провели на этом посту Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс и Хиллари Клинтон, в столице США, оказывается, подросли дети, искренне уверенные, что Госдепом управляет мадам секретарь — что это сугубо женская должность.

Искусство дипломатии как сочетания желаемого и возможного 69-летнему Джону Форбсу Керри знакомо с детства и изнутри. Его отец — выпускник Гарварда и дипломат. Мать - из тех самых Форбсов, чей семейный журнал до сих пор составляет рейтинги богачей. Джон обучался в частных пансионах Швейцарии (свободно владеет французским) и Новой Англии.

Разницу между богатством, свалившимся на голову, и личным статусом Керри усвоил в Йеле, где многие его однокурсники жили на широкую ногу. У Керри на кутежи не было ни средств, ни желания,

зато он выделялся безупречными манерами и репутацией «человека принципов».

Джон изучал политические науки и ораторское мастерство: друзья не сомневались, что однажды он будет баллотироваться в президенты. Сам Керри хотел поучиться во Франции, однако не вышло: отсрочки от призыва он не получил, поэтому в разгар войны во Вьетнаме записался добровольцем во флот. 16 недель офицерских курсов — и выпускник Йеля попал в речные патрули, получил 3 ранения. У него высшие военные награды за храбрость: серебряная звезда, бронзовая звезда и 3 пурпурных сердца.

В апреле 1986-го в 42 года он стал сенатором от штата Массачусетс.

Слушания сенатского Комитета по международным делам по кандидатуре Керри на высший дипломатический пост США напоминали скорее прощальную речь патриарха, чем перекрестный допрос с пристрастием. При голосовании сенат поставил исторический рекорд — только трое сенаторов из ста проголосовали против.

Со своей первой программной речью на новом посту Джон Керри выступил в Университете Виргинии, расположенном в городе Шарлоттсвилле. Напомнив о том, что этот университет был основан первым госсекретарем США (а позже и президентом) Томасом Джефферсоном, 68-й глава Госдепартамента пояснил, почему он выступает с программной речью именно там, а не где-нибудь за рубежом. По его словам, «в сегодняшнем глобальном мире во внешней политике больше нет ничего "внешнего"»: события, происходящие на других континентах, неизбежно отражаются на повседневной жизни американцев. «Внешняя политика определяет не только то, надо ли будет посылать наши войска на очередную войну, но и то, сможем ли мы дать нашим выпускникам достойную работу», — заявил Керри.

Ключевой же посыл его выступления: на дипломатии нельзя экономить. По его словам, недавно в США проводился опрос общественного мнения: людей спрашивали, сколько Белый дом тратит на внешнюю политику. Большинство респондентов ответили — около 25% госбюджета. Многие предлагали сократить эти расходы до 10%. «Да, я бы с удовольствием согласился на 10%, — заявил под хохот

зала госсекретарь.- Дело в том, что защита интересов США в мире обходится нам ровно в десять раз меньше». По словам Керри, на работу Госдепа тратится около 1% бюджета страны.

Расходная часть бюджета США на 2013 фин. г. должна составить \$3,8 трлн. 1% от этой суммы равен около \$38 млрд. При этом, по официальным данным, расходы на деятельность Государственного департамента и Агентства США по международному развитию (USAID) в этом году составят более \$51 млрд.

Обозреватель The Washington Post Дана Милбанк уже назвал Керри вторым человеком (после госсекретаря и 6-го президента США Джона Куинси Адамса), идеально подходящим для высшей дипломатической работы. Напомним, госсекретарь Адамс считается иконой дипломатии: подписал с англичанами мирный договор после войны 1812 г., провел границу с Канадой, аннексировал Флориду у Испании и даже успел поработать послом в России.

Керри — редкий либеральный демократ в Вашингтоне, у которого есть влиятельные республиканские друзья. Одних он приобрел на спортивных площадках, других - за годы юридической практики, с третьими сдружился в конгрессе. Из таких — бывший сенатор Чак Хейгел, тоже вьетнамский ветеран, в 2007 г. проголосовавший вместе с демократами за начало вывода войск из Ирака. Дж. Керри как глава сенатского комитета по международным делам тот законопроект готовил.

Хейгела со скрипом (58 за, 41 против) утвердили в сенате шефом Пентагона (такое голосование несколько подорвало его позиции), и у Обамы появилась редкая команда единомышленников — на двух ключевых постах оказались два прагматичных политика, отлично сыгранные предыдущей работой в сенате и дружбой вне его стен. Такого взаимопонимания двух центров тяжести в вашингтонской политике не было давно, со времен Буша-младшего Пентагон перетягивал внешнеполитическое одеяло на себя.

Против назначения 66-летнего республиканца Хейгела главой Пентагона открыто выступали несколько его однопартийцев, в основном закоренелых консерваторов. Основные претензии к кандидату были связаны с тем, что, работая в Сенате в 1997-2009 гг.,

он выступал с критикой политики Израиля и нередко отказывался поддерживать инициативы произраильских общественных организаций в США. Однажды Чак Хейгел неодобрительно высказался о могущественном «еврейском лобби», заявив, что он «не израильский, а американский сенатор», за что его обвинили в антисемитизме.

В бытность сенатором он также открыто критиковал подход к ситуации в Ираке республиканской администрации Джорджа Буша-мл., называя ее самой слабой за последние 40 лет.

Кроме того, Хейгел последовательно выступал за решение иранской ядерной проблемы дипломатическим путем и осуждал попытки подтолкнуть США и Израиль к войне с Ираном.

Придя в Пентагон, Хейгелу пришлось сразу приступить к решению проблемы сокращения военных расходов в свете нависшего секвестра федерального бюджета США. Секвестр грозит принудительным сокращением на 20 % военных расходов в текущем фин.г. На военных операциях США в Афганистане это не должно отразиться.

В числе возможных мер - снижение затрат на содержание второстепенных военных объектов, сокращение расходов на содержание и техобслуживание боевых кораблей и авиатехники ВС США. Кроме того, военное командование приняло решение сократить присутствие американских ВМС в районе Персидского залива и оставить там лишь один авианосец вместо двух, как было запланировано.

(В настоящее время США тратят 4,6% своего ВВП на оборону, тогда как общие расходы их европейских союзников по НАТО составляют лишь 1,6% ВВП, а Японии – 1%).

Хейгел стал первым в истории США министром обороны из числа бывших военнослужащих рядового и сержантского состава. Из сухопутных войск США новый министр, дважды раненный во Вьетнаме, демобилизовался в 1968 г. в звании сержанта.

Дополняет дуэт Керри-Хейгел утвержденный сенатом (63 за, 34 против) новый глава ЦРУ Джон Бреннан. До недавнего времени 57-летний Бреннан занимал должность помощника президента по вопросам борьбы с терроризмом.

Бреннан считается архитектором политики «точечного уничтожения» террористов. США используют свои беспилотные летательные аппараты («дроны») над территориями других стран для уничтожения боевиков. Речь в первую очередь идет об Афганистане, Пакистане, Йемене, Сомали. При Б.Обаме, кстати, использование «дронов» для уничтожения террористов резко возросло (в 3-6 раз по сравнению с временами Дж. Буша-мл.). Около 1300 пилотов ВВС США, по данным The Washington Post, контролируют на удаленном расстоянии полеты беспилотников и наведение их на цели для нанесения ударов с воздуха. Основной из используемых американцами ударных «дронов» - MQ-9 Reaper, стоимость одного экземпляра - 26.8 млн. долларов. Как не без иронии замечено в The Washington Post, именно широкое использование «дронов» составляет центральный элемент «доктрины Обамы». И не случайно Дж.Бреннан – инициатор программы активного применения беспилотников для борьбы с террористами — был выдвинут Обамой на должность руководителя ЦРУ.

После терактов 11 сентября 2001 г. Бреннан сначала руководил созданием Национального контртеррористического центра, а потом возглавил его.

Говоря о Бреннана, Обама назвал его профессионалом с 25-летним стажем работы в ЦРУ, хорошо знающим, какой информацией должно обеспечиваться руководство страны. По словам Обамы, успехи в борьбе с группировкой «Аль-Каида», в том числе уничтожение ее главаря Усамы бен Ладена, - во многом заслуга Бреннана.

Большинство американских экспертов, размышляя о приоритетах второй администрации Б.Обамы, сходятся в том, что Соединенным Штатам следует отказаться от избыточных, неэффективных и дорогостоящих гегемонистских устремлений и заменить их более сдержанной глобальной внешнеполитической и военно-политической стратегией. Скорее всего, именно в таком ключе будет выстроена политика новой администрации Обамы на международной арене.

МЕСТО США В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*А.В. Тихомиров, Белорусский государственный университет,
доцент*

В условиях разрушения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений США остались единственной сверхдержавой, способной определять основные тенденции мирового развития и осуществлять политику в глобальном масштабе.

Несмотря на кризисные явления в экономике, которые проявились в последние годы (в 2007–2009 годах: экономические потери США составили около 17 трлн. долл. [1, с. 36]), наличие существенного внешнеторгового дисбаланса (в 2012 году США экспортировали товаров на \$1,6 трлн., импортировали – на \$2,3 трлн. [2]) и значительного публичного долга (в 2012 году он составил 72,5% ВВП, увеличившись по сравнению с 2011 годом на 4,7% [2]), современные США остаются крупнейшей экономикой мира. Объем ВВП этой страны в 2012 году, согласно расчетам Всемирного банка, превысил \$15 трлн. (по объему ВВП США занимали второе место в мире, уступая лишь Евросоюзу) [3]. Достаточно высоким остается распределение ВВП на душу населения — в 2012 г. соответствующий показатель для США составлял \$50,7 тыс. По распределению ВВП США занимали 11-е место в мире и 4-е место среди стран Запада (после Лихтенштейна, Люксембурга и Норвегии) [2]. При этом ВВП формировался преимущественно за счет результатов работы промышленных предприятий (19,2% ВВП) и оказания услуг (79,7% ВВП) [2].

США входят в число наиболее многонаселенных стран мира. Численность населения США по состоянию на июль 2013 г. составляла 316,7 млн. человек (3-е место в мире после Китая и Индии), причем 52,5% населения страны находились в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет) [2]. США сохраняют привлекательность для внешних мигрантов, занимая в этом отношении первую позицию в мире. В 2010 г. легально в страну прибыло 42,8 млн. иммигрантов, но значительное количество людей въезжало в США еще и нелегально (по мнению американских

специалистов, пальму первенства в этом отношении удерживают уроженцы Мексики и других стран Центральной и Южной Америки, а также стран Южной и Юго-Восточной Азии) [4].

Сохранение доллара в качестве основной резервной и расчетной валюты мира позволяет США снижать издержки развития национальной экономики, сохранять лидирующие позиции в мировой торговле, ключевых финансовых учреждениях мира (МВФ, Группа Всемирного банка и т. п.), в оказании международной экономической и гуманитарной помощи. Американский капитал присутствует в большинстве ТНК, а сами США являются крупнейшим мировым инвестором и обладают самым крупным объемом накопленных и поступающих прямых иностранных инвестиций.

Лидерство США проявляется в проведении научных исследований и разработке новейших технологий. К началу 2010-х годов их доля в общемировых расходах на НИОКР составляла около 30% (примерно \$400 млрд.) [5, с. 50]. Сохраняют США привлекательность и в части образовательной политики, реализации международных образовательных программ. Исследования в американских университетах активно поддерживают американские государственные структуры, бизнес и негосударственные агентства и неудивительно, что в мировых рейтингах вузов американские университеты неизменно занимают первые места. Значительная часть результатов научных исследований в США находит практическое применение, причем за последние годы проявилась тенденция вывода традиционных отраслей промышленности за рубеж, но сохранения в стране высокотехнологичных отрасли промышленности (авиакосмическая, медицинская и фармацевтическая, военная, телекоммуникационная, компьютерная и т. п.). В 2010 году за счет высокотехнологичных отраслей промышленности было получено 34,8% ВВП США (\$5 трлн.) [6, р. VII].

Соединенные Штаты Америки сохраняют бесспорное лидерство в военной сфере. Их вооруженные силы оснащены самыми современными видами вооружений, включая оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, бактериологическое и иное оружие). Также США занимают первое место в мире по объему военных расходов и продаж вооружений. В 2011 году военные расходы США составили \$708,2 млрд. (по данным

СИПРИ — \$711 млрд.), в 2012 году — \$670,9 млрд. (по данным СИПРИ — \$685,3 млрд.) [7, р. 1–3; 8; 9] В 2011 году на компании США приходилось около 60% продаж оружия в мире [10].

Несмотря на определенное снижение привлекательности социально-экономической и политической модели США в глазах мирового сообщества, они продолжают формировать основы мировой «массовой культуры» и располагают широкими возможностями для донесения своей точки зрения до мировой общественности (интернет, печатные СМИ, радио и телевидение и т.п.).

Таким образом, есть основания утверждать, что в настоящее время США не имеют возможности выступать в роли мирового гегемона (это отчетливо демонстрируют результаты военных компаний с участием США в Афганистане и Ираке), но, несмотря на экономические проблемы и трудности в реализации внешней политики, располагают достаточным потенциалом для осуществления активных действий на международной арене и не скрывают своего желания сохранять лидерство в мировом масштабе.

Поскольку внешняя политика США осуществляется в глобальном масштабе, она не может не затрагивать интересы Беларуси. Следует отметить, что в начале 1990-х годов белорусско-американские отношения выстраивались на конструктивной основе. США стали вторым после Украины государством, которое установило дипломатические отношения с Республикой Беларусь. Достаточно быстро в Минске и Вашингтоне были открыты посольства двух стран, в 1993–1994 годах состоялся обмен визитами высших государственных руководителей Республики Беларусь и США. Соединенные Штаты оказывали Беларуси гуманитарную помощь, предоставляли кредиты под закупки товаров, финансировали проекты по ликвидации оружия массового уничтожения.

Однако во второй половине 1990-х годов в белорусско-американских отношениях проявилось охлаждение, а в первом десятилетии XXI века они оказались в состоянии, напоминающем времена «холодной войны». На момент прихода к власти администрации Барака Обамы в 2009 году к символическому уровню была сведена работа посольств, большинство белорусских официальных лиц было лишено права на въезд в США, в отношении ряда белорусских

предприятий (включая концерн «Белнефтехим») действовали экономические санкции.

Политическая «оттепель» в отношениях Беларуси со странами Запада в 2009–2010 годах повысила интерес американской стороны к Беларуси. В 2009 и 2010 годах Минск посещали представители госдепартамента и аналитических центров США, ряд американских конгрессменов и бизнесменов. Практически всех прибывших в нашу страну американцев принимал Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко. В начале декабря 2010 года в рамках саммита ОБСЕ в Астане состоялась встреча министра иностранных дел Республики Беларусь Сергея Мартынова с госсекретарем США Хилари Клинтон, которая завершилась принятием Совместного заявления.

Белорусское руководство убеждало американцев в необходимости полной отмены санкций, введенных США в предшествующие годы, и призывало выстраивать двусторонние отношения на принципах суверенного равенства сторон, невмешательства во внутренние дела другого государства, взаимного уважения и доверия [11; 12].

В 2010 году белорусская сторона попыталась заинтересовать американцев перспективой ликвидации в 2012 году запасов высокообогащенного урана, которые сохранились в стране со времен существования СССР. Соответствующее предложение было озвучено на саммите ОБСЕ в Астане и вызвало позитивный отклик в США.

Однако в целом благоприятной атмосферы для расширения белорусско-американского политического диалога не сложилось. На это обстоятельство обратил внимание в сентябре 2010 года временный поверенный в делах США в Республике Беларусь Майкл Скэнлон [13]. В Совместном заявлении, подписанном по итогам встречи глав внешнеполитических ведомств двух стран в Астане, подчеркивалось, что «для улучшения двусторонних отношений первоочередную важность по-прежнему имеет проявление большего уважения к демократии и правам человека, которое необходимо для прогресса страны и ее граждан. Соединенные Штаты надеются увидеть существенный прогресс в этих областях, в частности, в деле обеспечения соответствия хода проведения президентских выборов в Беларуси в декабре международным стандартам» [14].

В декабре 2010 года американские официальные лица категорически отказались признать законность итогов белорусских президентских выборов и высказались за возобновление режима санкций в отношении белорусских государственных предприятий и официальных лиц. Попытки белорусской стороны убедить руководство США в нецелесообразности подобного шага не увенчались успехом. Как следствие, белорусская сторона в 2011 году обвинила США в оказании экономического давления на Республику Беларусь и приостановила мероприятия по избавлению от обогащенного урана [15].

Также белорусское руководство не изменило решение о существенном сокращении численности персонала посольств, принятое в 2008 году в ответ на санкции, введенные США в отношении концерна «Белнефтехим». Как следствие, к концу 2012 года посольства Республики Беларусь в США и США в Республике Беларусь возглавляли временные поверенные в делах, а персонал дипломатических миссий оставался крайне немногочисленным (в аппарате посольства Беларуси в Соединенных Штатах Америки работало всего лишь два человека, в аппарате посольства США в Беларуси – пять человек).

Однако на позицию США заявления и действия белорусских властей большого впечатления не произвели. В 2012 году Барак Обама утвердил очередной «Акт о демократии в Беларуси», одобренный Конгрессом США (предшествующие варианты акта одобрены республиканской администрацией Джорджа Буша-младшего в 2004 и 2006 годах).

Непростые политические отношения не способствовали расширению белорусско-американского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. В 2006 году товарооборот между Республикой Беларусь и США составлял около \$730 млн. долларов, в 2010 году – \$489 млн., в 2011 году – \$635,2 млн. [16, с. 37, 42; 17, с. 42, 48] После введения санкций в отношении «Белнефтехима» существенно снизился объем белорусского экспорта в США: в 2006 году он составлял \$445,1 млн., в 2010 году — \$72,3 млн., в 2011 году — \$86,1 млн. [16, с. 37; 17, с. 42]. В 2011 году Беларусь экспортировала в США преимущественно металлопродукцию, продукты нефтехимии

и нефтепереработки, казеин, льняные ткани, оптические изделия, продукцию деревопереработки, продукты питания [17, с. 178–179].

Воздерживались американцы и от активного вложения капитала в белорусскую экономику, ссылаясь на непрозрачность и противоречивость экономических решений, принимаемых белорусским правительством, а также на отсутствие надежных правовых гарантий у инвесторов [13; 18].

Трудности в налаживании двусторонних контактов были связаны и с тем, что в 2008 году США прекратили выдачу американских въездных виз непосредственно на территории Беларуси, вынудив подавляющее большинство белорусских граждан получать соответствующие визы за пределами Республики Беларусь. Это решение осталось в силе и в период пребывания у власти администрации Барака Обамы.

Необходимо отметить, что к полному разрыву отношений с США белорусские власти все же не стремились. 28 февраля 2011 года Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко в интервью влиятельному американскому изданию «Вашингтон пост» подчеркнул, что он не является врагом США и предложил Соединенным Штатам поискать пути взаимопонимания на основе отказа от выдвижения американцами интерпретации демократии и условий этой демократии [19]. 24 октября 2012 года министр иностранных дел Республики Беларусь Владимир Макей в интервью газете «Русская Америка» призвал США расширить сотрудничество в области экономики, образования и культуры [20]. Однако конкретных предложений по нормализации отношений с Соединенными Штатами Америки белорусская сторона не сформулировала и эти отношения продолжали пребывать в состоянии «охлаждения».

Со своей стороны, США ясно и недвусмысленно давали понять, что белорусско-американский политический диалог может расширяться лишь при условии изменения политической системы Беларуси. В декабре 2012 года очередной временный поверенный в делах США в Республике Беларусь Итан Голдрич заявил: «США всецело поддерживают стремление белорусского народа иметь такое правительство, которое уважало бы демократические права и основные свободы. В ближайшей перспективе мы планируем

предоставить значительную поддержку программам, нацеленным на создание площадки для свободного выражения политических взглядов, продвижения прав человека, поддержку гражданского общества и свободы СМИ. Мы также стремимся оказывать поддержку усилению роли предпринимательства, росту частного сектора, а также незащищенным группам населения, таким как, например, жертвы торговли людьми» [21].

Трудности в развитии диалога можно объяснить тем, что Беларусь не представляет значительного интереса для Соединенных Штатов Америки в контексте реализации этой страной политики на глобальном уровне. Ведущие партии, представленные в Конгрессе США, а также представители исполнительной и законодательной властей воспринимают Беларусь как «последнюю диктатуру Европы» и изменить свою позицию по белорусскому вопросу не стремятся. Неблагоприятен для Беларуси и общий информационный фон в США. Исходя из этого, можно предполагать, что вывести белорусско-американские отношения из «замороженного состояния» за оставшееся время пребывания у власти Б. Обамы не удастся.

Литература

1. Васильев, В. С. Стратегия администрации Обамы: национальная безопасность как национальная экономическая безопасность / В. С. Васильев, Е. А. Роговский // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2011. — №12.
2. United States. The World Factbook <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html>
3. 3 United States. Data. The World Bank. <http://data.worldbank.org/country/united-states>
4. Migration and Remittances: Top Countries. Migration and Remittances Factbook 2011. P.1.
5. Богаевская, О.В. Американские корпорации: механизмы сохранения лидерства в глобальной экономике / О.В. Богаевская. — М.: ИМЭМО РАН, 2012. — 94 с.
6. Intellectual Property and the U.S. Economy: Industries in Focus. — U.S. Department of Commerce. March 2012. P.VII.

7. United States Department of Defense. Fiscal Year 2012. Budget Request. Overview.
8. Military expenditure // Stockholm international Peace research institute [Electronic resource]. — Mode of Access: <http://www.sipri.org/yearbook/2012/04>. — Date of Access: 01.10.2012
9. Military expenditure // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Electronic resource]. — Mode of Access: <http://www.sipri.org/yearbook/2013/03> — Date of Access: 01.09.2013.
10. Arms production and military services // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Electronic resource]. — Mode of Access: <http://www.sipri.org/yearbook/2012/05> — Date of Access: 01.10.2012.
11. Ответы пресс-секретаря МИД Андрея Попова на вопросы представителей средств массовой информации в ходе брифинга в МИД Беларуси 5 февраля 2009 года // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 05.02.2009. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/print/ru/press/news/c86454034ec9e91f.html>. — Дата доступа: 07.02.2009.
12. Александр Лукашенко встретился с руководством ряда компаний США // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 29.03.2010. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press82421.html#doc> — Дата доступа: 30.03.2010.
13. "Экспертиза". Майкл Скэнлан: Мне еще не приходилось работать в посольстве, штат которого ограничен пятью дипломатами // TUT.BY. Белорусский портал [Электронный ресурс]. — 20.09.2010. — Режим доступа: <http://news.tut.by/197699.html>. — Дата доступа: 22.09.2010.
14. Совместное заявление Министра иностранных дел Мартынова и Государственного секретаря Клинтон // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 01.12.2010. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/d2fee001403399f1.html>. — Дата доступа: 20.12.2010.
15. Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при ОБСЕ А.Сычёва на заседании Постоянного совета ОБСЕ 1 сентября 2011 г. // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 01.09.2011. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/statements/d945e4daecce39e8.html>. — Дата доступа: 15.08.2013.

16. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск: Б.и., 2010.
17. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск: Б.и., 2012.
18. Коктыш, А. Джонатан Мур: "Американо-белорусский диалог стал более предметным" / А. Коктыш // TUT.BY. Белорусский портал [Электронный ресурс]. — 29.10.2008. — Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/120260.html>. — Дата доступа: 14.11.2008.
19. Интервью Александра Лукашенко газете «Вашингтон пост» [Электронный ресурс]. — 06.03.2011. — Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2011/03/06/ic_articles_112_172729/. — Дата доступа: 06.03.2011.
20. Интервью Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея газете «Русская Америка» [Электронный ресурс]. — 24.10.2012. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/smi/e3a16dddccc81955.html>. — Дата доступа: 26.10.2012.
21. Коровенкова, Т. Итан Голдрич: освобождение политзаключенных позволит США и Беларуси вернуться на путь улучшения отношений / Т. Коровенкова // Белорусские новости [Электронный ресурс]. — 28.12.2012. — Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/12/28/ic_articles_112_180353/. — Дата доступа: 30.12.2012.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В 2009-2012 ГГ.: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

*А.В. Русакович, Белорусский государственный университет,
доцент*

Патриарх американской дипломатии З.Бжезинский следующим образом определил внешнеполитические задачи США на среднесрочную перспективу: «Главная задача Соединенных Штатов на ближайшие десятилетия — это восстановление жизнеспособности идеи «Большого Запада» при одновременном ее продвижении и поддержании сложного равновесия на Востоке с учетом глобального усиления Китая». Стратегия национальной безопасности США, принятая в мае 2010 г., в качестве главной цели определила национальное обновление для восстановления глобального лидерства. Существенными элементами новой Стратегии национальной безопасности являлись: использование неолиберальных подходов, акцент на роль «мягкой силы» (дипломатия, сотрудничество, международно-правовое урегулирование); отказ от использования односторонних превентивных силовых действий; необходимость совместных действий государств в рамках международного права; использование международных организаций для решения наиболее сложных международных проблем (НАТО, ООН и др.). Руководство США в настоящее время признает ограниченный характер лидерства и учитывает мировые тенденции к формированию нескольких центров силы. Значительное внимание уделяется социально-экономическому и политическому развитию страны. США остаются бесспорным лидером в сфере военных расходов. По данным SIPRI Yearbook 2012, военные расходы США в 2011 г. составили более 700 млрд. долл. США, далеко опережая другие страны, в том числе Китай (около 140 млрд.) и Россию (около 80 млрд.)

Как заявил Б. Обама в начале своего президентства, США намерены «изменить ход истории в направлении справедливости, мира и стабильности». Внешняя политика администрации Б. Обамы ставила перед собой решение следующих задач: изменение отношений с усиливающимися государствами АТР, особенно Китаем; трансформация отношений с мусульманским миром, на смену конфликту должно прийти сотрудничество; завершение войн

в Афганистане и Ираке; «перезагрузка» отношений с Россией; ускорение движения к режиму нераспространения ядерного оружия и ядерному разоружению (решение проблемы КНДР, Ирана). Вместе с тем развитие ситуации в мире в 2009-2012 гг. сместило приоритеты во внутренней и внешней политике США в сторону решения проблемы выхода из экономического кризиса.

В монографии «Изменить ход истории: внешняя политика Барака Обамы» (Изд-во Ин-та Брукингса, 2012 г., авторы: М. Индик – вице-президент и директор внешнеполитической программы в Институте Брукингса.; К. Либерталь — директор Центра Джона Торнтона в Китае и старший научный сотрудник по внешней политике, мировой экономике и развитию в Институте Брукингса; М. О'Хэнлон – старший научный сотрудник и директор отдела внешнеполитических исследований в Институте Брукингса) отметили гибкость политической тактики Б. Обамы: «на президентском посту Обама проявлял себя прогрессистом там, где возможно, и прагматиком там, где необходимо» и подчеркнули его стратегическую внешнеполитическую цель: «он пытается сформировать новый либеральный мировой порядок, в котором Соединенные Штаты будут по-прежнему играть ведущую роль, но там, где это возможно или необходимо, разделять ответственность и бремя с другими».

К несомненным достижениям внешней политики Б. Обамы относят: восстановление международной репутации США; урегулирование отношений с Китаем; ослабление «Аль-Каиды»; обновление отношений с Россией; ратификация Договора о сокращении стратегических вооружений; введение через Совет Безопасности ООН жестких санкций против Ирана и КНДР; продвижение идеи заключения Соглашения о свободной торговле с ЕС; вывод американских войск из Ирака; продвижение ЕвроПРО. Вместе с тем эксперты отмечали сложности и проблемы на ряде направлений: отсутствие прогресса в разрешении израильско-палестинского конфликта; дальнейшая потеря авторитета в мусульманском мире; обострение американо-пакистанских отношений; проблемы в отношениях с Латинской Америкой; нерешенные проблемы в отношении КНДР и Ирана; неубедительные результаты в борьбе с изменением климата.

В ближайшее время одним из приоритетов внешней политики администрации Б. Обамы, безусловно, будут переговоры по подготовке Соглашения о свободной торговле между США и ЕС. По мнению Б. Обамы, «договор позволит создать для американцев миллионы хорошо оплачиваемых рабочих мест», прогнозируется также увеличение обоюдных инвестиций (в настоящее время составляют около 4 трлн. долл. США), рост объемов торговли между США и Евросоюзом (в 2011 г. – 636 млрд. долл. США). По мнению экспертов, необходимость заключения Соглашения о свободной торговле между США и ЕС обусловлена рядом факторов, среди которых наиболее важными являются: значимость торговых отношений между США и странами ЕС для мировой торговли, необходимость быстрой реакции США и ЕС на мировой финансово-экономический кризис, растущая конкуренция со стороны экономик других государств, в первую очередь Китая. Согласно прогнозам специалистов, Соглашение о свободной торговле между США и ЕС, которого реально достичь к 2016 г., может самым серьезным образом изменить всю систему мировой экономики, станет новым базисом для трансатлантического сотрудничества.

Таким образом, США в обозримом будущем сохранят свои преимущества как глобального лидера. Это обусловлено следующими факторами: опыт мирового лидерства, мощная экономическая и финансовая система, природные ресурсы и полезные ископаемые, развитое и энергичное гражданское общество, иммиграционная привлекательность, благоприятная демографическая ситуация, прозрачность политической системы, мощная армия, развитая сеть союзников и партнеров, первенство в научных исследованиях и технологических разработках, система высшего образования, лидерство в области инноваций и высокотехнологичного производства.

ПОЗИЦИЯ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ ПО ВОПРОСАМ ПРОВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ ЗА РУБЕЖОМ

*О. А. Бутевич, Белорусский государственный университет,
аспирант*

Несмотря на то, что выборы президента США состоялись немногим более трех месяцев назад, их победитель Б.Обама находится у власти уже с января 2009 года. Будучи президентом мощнейшей, воюющей державы, Б.Обама не раз был вынужден делать выбор между военной силой и дипломатией, проявляя при этом гибкий прагматичный подход.

Действительно, с начала 2009 года и до сегодняшнего дня «прагматизм» является ключевым словом при определении Б.Обамой своего подхода к проведению военных операций за рубежом. В своих выступлениях президент неоднократно подчеркивал, что военная сила, несмотря на то, что ее применение порой просто необходимо, является крайним средством разрешения какой-либо сложной ситуации. Исключение, по его мнению, следует делать в отношении таких случаев, как терроризм (здесь в первую очередь, имеется в виду деятельность Аль-Каиды и связанных с ней организаций), применение оружия массового уничтожения и массовая гибель населения в результате действий правительства, гуманитарных катастроф, военных конфликтов. Данные положения нашли свое непосредственное отражение в Стратегии национальной безопасности, опубликованной в мае 2010 года и действующей по сей день. Здесь видится поразительный контраст по сравнению с предыдущим американским лидером республиканцем Дж.Бушем-младшим, провозгласившим доктрину превентивной войны и глобальной войны против терроризма, которая была ориентирована на проведение односторонних акций и рассматривала военную силу в качестве важного инструмента внешней политики государства и показателя его мощи.

Барак Обама, напротив, постоянно указывает на важность поддержки мирового сообщества и сотрудничества с ООН, региональными организациями и конкретными правительствами при проведении какой-либо операции. Такой подход был продемонстрирован в Ливии (операция «Одиссея. Рассвет», 19-

31.03.2011). В целом можно сказать, что данная операция является по сути «образцовой», демонстрируя общий подход Б.Обамы к проведению военных операций за рубежом. Его можно свести к нескольким тезисам:

1. «Одиссея. Рассвет» являлась фактически гуманитарной интервенцией, или операцией в рамках концепции «ответственности по защите», приверженность которой Б.Обама не только неоднократно высказывал в ходе своих выступлений, но и закрепил в Стратегии национальной безопасности.

2. Операция была в целом поддержана не только ООН, но и, что еще более важно, Лигой Арабских Государств. Некоторые члены данной организации — ОАЭ, Иордания и Катар — даже оказали материальную поддержку.

3. «Одиссея. Рассвет» была проведена силами исключительно ВВС, что минимизировало число жертв с американской стороны.

И, наконец, чрезвычайно важным моментом в данной ситуации явился тот факт, что США, проявив решимость и инициировав военную операцию, максимально задействовали в ней европейских союзников по НАТО, а впоследствии и вовсе возложили командование на альянс (в результате чего была проведена операция «Объединенный защитник»). Таким образом, исследователи и аналитики стали говорить о появлении новой концепции внешней политики США – стратегии *leading from behind* («лидерство из-за спины», «с заднего ряда», «теневое лидерство»). Вкратце *leading from behind* предполагает некоторый отход от традиционных принципов внешней политики США, когда Соединенные Штаты стремились демонстративно играть лидирующую роль в международных процессах. Теперь же акцент будет делаться на «мягкой силе», предоставлении помощи различного характера дружественной нации или организации, максимальном задействовании союзников, переговорах и многосторонней дипломатии.

В рамках стратегии *leading from behind* выделяется еще одна разработка администрации США образца 2009-2012 гг. — стратегия «легкого следа» (*light footprint*). Если *leading from behind* определяет скорее общие подходы к применению военной силы, то *light footprint* касается скорее конкретных методов ведения войн Соединенными

Штатами. Так, концепция администрации Обамы основывается на максимальном отказе от проведения крупномасштабных военных операций за рубежом в пользу использования высокотехнологичных средств ведения войны — осуществления кибератак и применения беспилотной авиации для обнаружения и уничтожения лиц, прямо или косвенно угрожающих интересам либо национальной безопасности США. Кроме того, в случае необходимости будут задействованы небольшие подразделения сил специальных операций.

Основные положения стратегии light footprint были закреплены в оборонной стратегии «Укрепление глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке», опубликованной в январе 2012 года. Таким образом, налицо стремление Б.Обамы к минимализации участия американских военнослужащих в операциях за рубежом. Разумеется, такой подход не предполагает полный отказ от применения военной силы, он лишь указывает на то, что ведение Америкой войны становится возможным только в случае непосредственной угрозы ее национальной безопасности и территориальной целостности.

Данное видение Б. Обамой роли военной силы во внешней политике государства в полной мере демонстрируют новые назначения во внешнеполитическом ведомстве и силовом блоке. Так, ожидается, что государственный секретарь Джон Керри, как и его предшественница Хилари Клинтон, будет развивать, в первую очередь, невоенные средства поддержания лидирующей роли США в мире – дипломатию и содействие в развитии. Он также стоит на позиции, согласно которой военная сила является крайней мерой разрешения конфликтной ситуации. Министр обороны США Чак Хейгел считает нынешние военные расходы чрезмерными, и с высокой степенью вероятности можно говорить о том, что запланированное сокращение оборонного бюджета (на 500 млрд. долл. в последующие 10 лет) станет одним из приоритетов его деятельности на посту. Стоит сказать, что сокращение средств затронет подавляющее большинство программ министерства обороны, в первую очередь в сфере закупок и производства вооружения, и приведет к численному сокращению вооруженных сил. Новый директор ЦРУ Джон Бреннан, в свою очередь, намерен

вернуть разведывательному ведомству США свои первоначальные функции – исключительно по сбору и обработке разведанных. Кроме того, — он является активным сторонником стратегии «легкого следа». Таким образом, очевидно, что Б. Обама подбирал свою команду, руководствуясь, в первую очередь, приверженностью кандидатов той линии, которую избрал для страны сам президент.

Наиболее важным вопросом, возникающим в свете рассмотрения военной политики Б. Обамы, остаются перспективы развития ситуации вокруг Сирии и Ирана. На сегодняшний день можно говорить о том, что администрация США не намерена инициировать военные операции в отношении данных государств, стремясь к разрешению кризисов дипломатическими средствами, т.к. осознает, что новая вооруженная операция в регионе будет иметь серьезные геополитические последствия, в т. ч. для американских позиций. Более того, США будут всячески избегать проведения сухопутной операции до тех пор, пока в Афганистане остаются американские войска.

Сегодня многие задают вполне логичный вопрос: если гуманитарная интервенция была проведена в отношении Ливии, почему США не предпринимают аналогичных действий против сирийского режима, тем более учитывая то, что в Сирии число жертв конфликта принимает угрожающие масштабы? Следует полагать, что причин уклонения Обамы от инициирования военной операции несколько. Во-первых, США не могут рассчитывать на широкую поддержку своих действий со стороны ООН (здесь выделяется позиция РФ) и государств региона. Во-вторых, в отличие от Ливии, где на момент начала операции фактически отсутствовала центральная власть и регулярная армия, в Сирии режим Б. Асада всесторонне поддерживается вооруженными силами, и, что немаловажно, спецслужбами. Действия ВС носят скоординированный характер и являются сравнительно эффективными, что может привести к длительному вовлечению США в конфликт вплоть до сухопутной операции, которая может затянуться не на один год и повлечь за собой множество жертв из числа американских военнослужащих. Т.е. можно сказать, что обстановка в Ливии была намного более «благоприятная» для иностранного вмешательства. Об

отсутствии видимого намерения Обамы инициировать военную операцию в Сирии также говорит тот факт, что официально США оказывают Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил помощь исключительно невоенного характера. И, несмотря на то, что летом 2012 года Х.Клинтон и Д.Петреус настаивали на оказании сирийским повстанцам военной помощи, Б.Обама категорически отверг данный план.

Вместе с тем, следует учитывать, что американский лидер все же сформулировал пределы своей «принудительной дипломатии»: что касается Ирана — это обладание ядерным оружием, руководства Сирии — применение против повстанцев ОМУ (химического). Это говорит о том, что вероятность инициирования США военной операции в отношении какого-либо из этих государств нельзя полностью исключать.

Итак, по прошествии четырех лет пребывания на посту президента Б. Обамы можно подвести промежуточные итоги его военной политики. Не вызывает сомнения то, что политика *leading from behind* стала широко обсуждаемым явлением, и у аналитиков пока нет единого мнения по поводу ее эффективности. В самих США ее противников на сегодняшний день очевидно больше, чем сторонников. Многие исследователи и политики, в т. ч. из числа представителей демократической партии, указывают на то, что стратегия Обамы не работает в нынешних условиях, что она является скорее проявлением его нерешительности и ведет к постепенному снижению роли США на мировой арене. В качестве дополнительного аргумента приводится ситуация в Ливии, где стратегия «легкого следа» привела не только к хаосу и новому витку вооруженной борьбы за власть, но и к тому, что США оказались абсолютно не готовы к атаке на свое дипломатическое представительство в Бенгази 11.09.2012 года, в результате погибло четверо американских граждан. С другой стороны, *leading from behind* считается своеобразной «революцией» в подходах администрации США к осуществлению внешней политики. Такая стратегия может действительно свидетельствовать о прагматизме Обамы, который, оценив нынешнюю геополитическую обстановку в мире и собственные силы США, ограниченные долговым кризисом и войной в Афганистане, пришел к выводу о том, что США нет необходимости «контролировать каждый случай каких-либо преобразований в мире», а иногда нужно дать ситуации

развиваться самостоятельно и ждать, пока новый баланс сил не сложится сам собой.

В любом случае, как было верно подмечено в одной из публикаций журнала *The Economist* (19.01.2013 года), Б.Обама стремится перейти от позиции «незаменимого государства» к позиции «незаменимого катализатора» — вездесущего, но не вовлеченного в процесс слишком глубоко. По нашему мнению, данное положение в полной мере отражает нынешнюю позицию администрации Б. Обамы по вопросам проведения военных операций за рубежом.

ПОЛИТИКА США В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Т.С. Буяшова, Белорусский государственный университет,
аспирант*

Многополярная система международных отношений, трансформация характера вызовов послужили причиной для формирования концептуальных основ новой системы обеспечения безопасности в ядерной сфере.

События 9/11 выявили неэффективность ядерных сил в борьбе с вызовами и угрозами XXI века. В своем пражском выступлении в апреле 2009 г. Б. Обама поставил очень высокую планку, заявив о стремлении к миру без ядерного оружия.

Обзор ядерной политики США (Nuclear Posture Review), принятый в апреле 2010 г., впервые поставил задачи предотвращения ядерного терроризма и нераспространения ядерного оружия выше других государственных интересов, что позволяет говорить о своего рода уникальности документа, в основе которого лежат:

во-первых — недопущение незаконного распространения контрабандных ядерных материалов и технологий на «черных» и теневых рынках, которые могут быть использованы в террористических целях;

во-вторых — глобальное обеспечение охраны ядерных материалов;

в-третьих — выполнение инициативы в сфере снижения глобальной угрозы, программы по защите ядерных материалов и сотрудничеству.

В качестве приоритетного направления осуществления своей ядерной политики США объявили о своем отказе наращивать ядерные арсеналы, подчеркнув намерение о своей готовности возглавить международные усилия по укреплению глобального режима нераспространения.

Первым результатом практических действий США в данном направлении стала инициатива проведения первого саммита по физической ядерной безопасности в Вашингтоне в апреле 2010 г.

Участники саммита одобрили поставленную президентом Б. Обамой цель — в течение четырех лет взять под охрану все уязвимые ядерные материалы, в частности, повысить физическую безопасность высокообогащенного урана, сделав акцент на необходимости усиления и расширения роли МАГАТЭ в данном процессе.

Следует отметить, что в настоящее время ядерное оружие имеют 9 государств, еще 38 хранят либо производят обогащенные уран и плутоний. Всего в мире насчитывается более 2100 тонн высокообогащенных ядерных материалов. В результате, предложение президента Обамы разработать договор об обращении ядерных материалов и продуктов получило широкую поддержку.

По итогам Вашингтонского саммита был принят детальный Рабочий план, было сделано порядка 30 официальных заявлений стран, в которых сообщалось о конкретных шагах, которые будут предприняты ими для повышения уровня физической ядерной безопасности, а также был одобрен План МАГАТЭ по физической ядерной безопасности на 2010-2013 годы.

Шаги США в направлении осуществления ядерной политики имели успех, поскольку начиная с апреля 2010 г. ядерные материалы были выведены с территории Польши, Сербии и Украины, Канады, Чили, Мексики, а Россия выполнила свое обещание прекратить производство оружейного плутония. Всего за время существования программы вывезено 604 кг свежего и 986 кг облученного ВОУ из 14 стран.

Свидетельством многообразия инструментов воздействия в рамках международного сотрудничества на отдельные государства, с целью склонить их к более ответственному отношению к обеспечению физической ядерной безопасности на государственном уровне, стала презентация Индекса физической безопасности ядерных материалов (*NTI Nuclear Materials Security Index*) Инициативой по снижению ядерной угрозы (*Nuclear Threat Initiative*) в мае 2012 г.

Второй раунд Вашингтонского процесса в обеспечении физической ядерной безопасности состоялся в Сеуле в марте 2012 г. и преследовал следующие цели:

1. изучить формы сокращения ядерных вооружений в мире и не допустить его попадания в руки террористов (поскольку согласно официальным данным только в период с 2003 по 2011 годы в мире зафиксировано около 2100 случаев потери или похищения ядерных материалов);

2. проанализировать ситуацию в ядерной индустрии и энергетике после фукусимской катастрофы, которая стала свидетельством того,

что несмотря на расширение международного сотрудничества режим физической ядерной безопасности остается фрагментированным, недостатки механизма контроля делают его менее эффективным;

3. свести к минимуму использование высокообогащенного урана в мирных целях.

В ходе Саммита поддержку мировой общественности получил призыв США увеличивать добровольные отчисления в Фонд физической ядерной безопасности МАГАТЭ, а также осуществлять взносы в натуральной форме. Также США предложили ускорить национальные внутренние процедуры для принятия Поправки 2005 года к Конвенции 1987 года о физической защите ядерного материала с целью обеспечения вступления ее в силу к 2014 г.

Несмотря на очевидные положительные моменты, множество критиков считают политику США в ядерной сфере «утопичной», т. к. она делает акцент на необходимость мирного решения самых сложных мировых проблем, требующих многостороннего сотрудничества с участием заинтересованных стран и международных организаций, и имеет долгосрочную перспективу.

Тем не менее, реалии XXI века делают очевидным необходимость ядерного диалога и переговоров между ядерными и неядерными государствами с целью изменить или направить в мирное русло их ядерные программы, поскольку большинство государств поддерживают идею базирования системы безопасности в ядерной сфере не на соперничестве и конфронтации, а на взаимном сотрудничестве.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАТО
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Сборник материалов международного семинара

Минск, 13-14 декабря 2012 г.

Минск, 14 марта 2013 года

Редактор М. Г. Дуплийчук

Подписано в печать 21.10.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Ризография. Усл. печ. л. 7,44. Уч. изд. л.
6,92. Тираж

Издательство и полиграфическое исполнение государственное
учреждение образования «Республиканский институт высшей
школы». ЛВ № 02330/0548535 от 16.06.2009.